

A movie poster for the Russian film 'Zero Point' (Нулевая точка). The central figure is a young man with reddish-brown hair and a light beard, wearing a military tactical vest with a Russian flag patch on the shoulder. He is looking intensely at the viewer. In the foreground, a large, bloody, and mangled rat is being crushed by his hand, which is equipped with a cybernetic claw. The background is a dark, industrial environment with smoke rising from pipes. The title 'СВЕТЛАНА ДРОЗДОВА' is at the top, 'НУЛЕВАЯ ТОЧКА' is in the middle, and 'ТОЧКА' is at the bottom in a pixelated font.

СВЕТЛАНА ДРОЗДОВА

НУЛЕВАЯ ТОЧКА

ТОЧКА

Светлана Дроздова

Нулевая точка. Том 2

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Нулевая точка. Том 2 / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Воронка не прощает слабости. Здесь каждый шаг — это борьба за жизнь, а каждый вздох может стать последним. Алекс, лидер клана «Нулевые», балансирует на грани: таинственный Нулевой объект внутри него дарует невероятную силу, но неумолимо стирает его человечность. Счётчик интеграции уже показывает 25%, и времени на спасение остаётся всё меньше. Когда на их бункер обрушивается орда из сотни крыс, включая мутантов с хроно-искажениями, это становится лишь началом кошмара. Чтобы выжить, «Нулевым» приходится спуститься в самое сердце тьмы. Они прорываются через вентиляционные шахты, кишасшие тварями, и сходятся в смертельной схватке с Вожаком — монстром С-класса, чьё слабое место защищено непробиваемой бронью. Победа достаётся дорогой ценой: один из бойцов тяжело ранен, а запасы медикаментов исчерпаны. Но крысы — не единственная угроза. К стенам бункера подходят «Собиратели» — безжалостный клан с поверхности, готовый уничтожить или поработить всех выживших.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Нулевая точка. Том 2

ГЛАВА 16. КРЫСИНЫЙ РЕЙД

Часть первая. Незванные гости

1

Алекс не спал, хотя его тело требовало отдыха с той настойчивостью, которую невозможно игнорировать. Он сидел в командном центре, положив ноги на стул Архивариуса, и смотрел на карту, разложенную на столе. Карта была старой, пожелтевшей, с пометками, сделанными разными почерками — Хана, Архивариуса, его собственным. Красные линии, синие кружки, чёрные кресты. Всё это выглядело как план военной кампании, и, в сущности, так оно и было.

Переговоры со «Стальными» закончились ничем — хрупкое перемирие, которое продлится ровно до тех пор, пока одна из сторон не почувствует слабость другой. Долговязый, их командир, смотрел на Алекса как на конкурента, которого нужно либо уничтожить, либо использовать. Союза не вышло. Войны пока не было. Тишина.

Но в Воронке тишина никогда не длится долго.

Алекс потёр глаза, чувствуя, как веки тяжелеют. Интерфейс показывал время: 127 часов 44 минуты с момента активации. Интеграция — 23 процента. Ингибитор работал, но Лайла предупреждала, что организм может привыкнуть, и тогда каждый новый процент будет даваться всё тяжелее. Он посмотрел на свои руки — на чёрную грязь под ногтями, на запёкшуюся кровь, на шрамы, свежие и старые. Каждый шрам был историей. Каждая история — потерей.

Он встал, прошёлся по комнате. В командном центре было холодно — система вентиляции работала с перебоями, и холодный воздух с поверхности просачивался сквозь трещины в стенах. Где-то там, наверху, была пустошь. Серое небо. Серый пепел. Серая тоска. Алекс иногда ловил себя на мысли, что скучает по Воронке. Не по той, где он сейчас был, а по той, где он только очнулся — на бетонной плите, в полной темноте, без памяти, без надежды, без страха. Там было проще. Там был только один враг — темнота. Здесь врагов было слишком много.

Архивариус спал в углу, свернувшись калачиком, укрывшись своей неизменной чёрной мантией, которая, казалось, впитала в себя всю пыль бункера. Старик выглядел ещё старше, когда спал — морщины глубже, кожа серее, дыхание слабее. Алекс иногда удивлялся, как он вообще выжил все эти годы, прячась от Хана, питаясь консервами и сухарями, общаясь только с тенями и книгами. Одиночество не убило его, но сделало чем-то большим, чем просто человек. Архивариус стал воплощением памяти — живым архивом, который хранил знания, даже когда сам уже почти рассыпался.

Алекс подошёл к нему, поправил сползшее одеяло. Архивариус не проснулся — только вздохнул во сне, и его лицо стало чуть спокойнее, чуть моложе.

«Ты заслужил покой, — подумал Алекс. — Но покой в Воронке — это смерть. А ты не готов умирать. Ты нужен нам».

Глухарь сидел у стены, у выхода, прижав ладонь к бетонному полу. Это было его обычное место — на границе между безопасностью и опасностью, между светом и тьмой. Его глаза были закрыты, лицо спокойно, как у статуи. Но пальцы иногда подрагивали — он слушал вибрации. Даже во сне, даже в минуты отдыха, он не переставал быть их сенсором. Алекс завидовал ему в каком-то смысле. Глухарь жил в мире чистых ощущений — без слов, без мыслей, без сомнений. Он просто чувствовал. И этого было достаточно.

Алекс смотрел на Глухаря и думал о том, как мало он знает о нём. Имя? Не помнит. Прошрое? Пустота. Способности? Восприятие 8, чувство вибраций, умение читать по губам. И всё. Глухарь был загадкой, которую никто не пытался разгадать, потому что ответ мог оказаться слишком страшным. Может быть, он был одним из «Молчаливых», которых Хан не смог полностью контролировать. Может быть, он был учёным, который экспериментировал на себе. Может быть, он был просто человеком, который потерял слишком много, чтобы помнить.

Вдруг пальцы Глухаря замерли.

Всё его тело напряглось — разом, как пружина, сжатая до предела. Глаза открылись, неестественно светлые, почти белые в полумраке командного центра. Он смотрел на пол, но не видел его — он видел то, что было под бетоном, под арматурой, под землёй. Его лицо искажилось — не страхом, чем-то другим. Тем ужасом, который приходит, когда сталкиваешься с чем-то, что не укладывается в привычную картину мира.

Алекс замер. Он знал это выражение. Глухарь не просто слушал — он чувствовал что-то невероятное, нечто, что не вписывалось в логику Воронки. Там, внизу, под их ногами, двигалось нечто. Много нечто. И оно было ближе, чем должно быть.

Глухарь медленно, очень медленно поднял руки. Сжал их в кулаки. Ударил кулаками друг о друга — глухой звук, от которого эхо разнеслось по комнате, заставив Архивариуса вздрогнуть во сне. Потом растопырил пальцы — резко, словно разрывая невидимую ткань. Потом указал на стены, на пол, на потолок — круговым движением, охватывая всё пространство вокруг.

Жест означал: «Отовсюду. Они везде. Они идут. Не сверху — снизу. Не снаружи — изнутри».

Алекс активировал Оценку, глядя в пол, пытаясь проникнуть взглядом сквозь бетон, сквозь арматуру, сквозь темноту.

Интерфейс засветился тревожным красным — такого он не видел никогда. Даже когда они шли к Псу, даже когда они дрались с Ханом, цвет был оранжевым, тревожным, но не смертельным. Красный был цветом конца.

...

[Обнаружены биосигналы: 100+]

[Класс: Е (обычные крысы, хроно-крысы, уровни 2-5)]

[Источник: уровень -3, -2, -1. Множественные прорывы]

[Статус: массовое вторжение. Ожидаемое время контакта: 5-7 минут]

[Оценка угрозы: КРИТИЧЕСКАЯ]

[Рекомендация: НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ ИЛИ УКРЕПЛЕНИЕ ПЕРИМЕТРА]

...

— Сотня, — сказал Алекс вслух. Голос был спокойным, но внутри всё сжалось в тугой комок страха и адреналина. Сотня крыс — это не просто стая. Это лавина. Это потоп. Это смерть, которая идёт на тебя со всех сторон, и ты ничего не можешь с этим поделать, кроме как драться. — Сотня, не меньше.

Архивариус проснулся мгновенно, как будто и не спал. Он подбежал к мониторам, начал выводить на экран схемы бункера. Его пальцы летали по клавиатуре — старой, потёртой, с выцветшими буквами, но всё ещё работающей. Клавиши щёлкали, экраны мигали, системы диагностики выводили данные один за другим. На экране появились красные точки. Сначала одна. Потом десять. Потом двадцать. Потом точки слились в сплошные пятна, расплываясь по уровням бункера, как метастазы раковой опухоли.

— Они не в туннелях, — сказал Архивариус, и в его голосе впервые за долгое время прозвучал страх. Настоящий, животный страх, который он так долго скрывал за маской спокойствия и учёной отстранённости. — Они внутри стен. Прогрызли вентиляционные шахты. Технические полости. Я не знал, что они так глубоко проникли. Я не знал. Я должен был знать. Я отвечаю за информацию. Я не знал.

— Теперь знаешь, — ответил Алекс, уже нажимая кнопку общей тревоги. Его палец вдавил красную кнопку на пульте — кнопку, которую они никогда не использовали, но которая была подключена ко всем системам бункера. Сирена завывала — пронзительно, тоскливо, как крик раненого зверя. Этот звук разбудил бы даже мёртвых.

Сирена разносилась по коридорам, отражалась от металлических стен, многократно усиливалась эхом. Она звучала в жилых модулях, в столовой, в спортзале, в лаборатории. Она звучала везде, напоминая каждому, что они не в безопасности. Что бункер — не крепость. Что Воронка всегда найдёт способ добраться до них.

— Я поднимаю отряд, — сказал Алекс, беря «Рассекатель» со стола. Клинок был холодным, но в его руке он быстро нагревался, красные прожилки засветились ярче, чувствуя приближение боя. — Ты — мозг. Управляй светом, дверями, герметизацией. Не дай им прорваться в медотсек. Не дай им отрезать нас от путей отхода. Если генераторы упадут — переходи на резервные. Если резервные не включатся — используй ручное управление. Я не хочу драться в темноте.

Архивариус кивнул, вытирая пот со лба. Его лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Страх не парализовал его — он мобилизовал.

— Я сделаю всё, что смогу, — сказал он. — Но у меня мало времени. Генераторы перегружены. Если крысы доберутся до кабелей — мы потеряем свет. И связь. И возможность управлять дверями.

— Тогда мы будем драться в темноте, — ответил Алекс. — Мы привыкли.

Он вышел из командного центра, и дверь за ним закрылась с тихим шипением, отрезая Архивариуса от внешнего мира. Старик остался один — с мониторами, с картами, с тревожными красными пятнами, которые расплзались по экранам, как пятна крови на белой простыне.

Он начал работать.

2

Лайла услышала сирену в лаборатории и выронила пробирку.

Стекло разбилось вдребезги, жёлтая жидкость растеклась по столу, шипя и испуская едкий пар. Она не обратила внимания. Она смотрела на датчик давления в вентиляции, который секунду назад показывал норму, а теперь упал почти до нуля. Красная стрелка дрожала на отметке «0», и цифры на дисплее мигали тревожным оранжевым.

Кто-то перекрыл воздуховоды. Или не кто-то, а что-то, и это «что-то» было огромным, тяжёлым и живым.

Лайла замерла, глядя на датчик. Её профессиональный ум уже рисовал картину: крысы прогрызли вентиляционные шахты, и теперь их тела перекрывают поток воздуха. Тысячи тел. Сотни килограммов живой плоти, которая движется по трубам, заполняя пустоты, как вода заполняет трещины в тонущем корабле.

Она выбежала из лаборатории, на ходу застёгивая медицинскую сумку. Шприцы, бинты, антисептик, антидот, анальгетики. Всё, что могло понадобиться в ближайшие часы. Всё, что могло спасти чью-то жизнь. Она знала, что будет бойня. Она чувствовала это по тому, как дрожал пол под ногами — мелкая, быстрая дрожь, похожая на сердечный приступ гигантского зверя.

В коридоре она столкнулась с Витом. Он бежал из столовой, сжимая арбалет, и его лицо было бледным, как мел.

— Что случилось? — спросил он, хотя уже догадывался.

— Крысы, — ответила Лайла, не останавливаясь. — Много крыс. Иди в столовую. Шрам будет строить оборону.

Вит кивнул и побежал дальше, его ботинки гулко стучали по металлическому полу.

Лайла добежала до медотсека, вбежала внутрь, захлопнула дверь. Она начала раскладывать инструменты на стерильном столе — скальпели, зажимы, иглы, шовный материал. Всё, что могло понадобиться для операций. Она знала, что раненые будут. Вопрос был только в том, сколько их будет и успеет ли она спасти хотя бы некоторых.

Сирена выла за стеной, и Лайла чувствовала, как вибрация передаётся через пол, через стены, через воздух. Бункер дрожал. Крысы грызли его изнутри.

«Не думай об этом, — сказала она себе. — Думай о том, что ты можешь контролировать. Инструменты. Лекарства. Раненные. Всё остальное — не твоя забота».

Она глубоко вдохнула и начала готовиться к худшему.

3

Шрам в спортзале услышал сирену и отвлёкся от тренировки новобранцев.

Толя, Миша и Лена замерли с поднятыми копьями, их лица побледнели. Они не знали, что означает этот звук — сигнал тревоги, который они слышали впервые. Толя попятился к стене, его руки дрожали. Миша, наоборот, шагнул вперёд, сжимая свои арматурные кастеты. Лена замерла на месте, её глаза сузились, оценивая обстановку.

Шрам знал этот звук. Он слышал его много раз — в Воронке, в боях с Верхними, в последние минуты жизни Купола. Сирена означала только одно: смерть близко. Не где-то там, за горизонтом, а здесь, рядом, за стенами, за дверями, за вентиляционными решётками.

Он выпрямился, опустил тесак. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться ещё одной.

— Бросьте копья, — сказал Шрам спокойно, хотя внутри всё кипело. — Возьмите ножи. В коридорах копья бесполезны. Слишком узко. Вы не сможете развернуться.

— Что случилось? — спросила Лена, сжимая нож так, что побелели костяшки пальцев. Её голос дрожал, но она старалась держаться. Она не хотела показаться слабой перед Шрамом, перед другими новобранцами.

— Крысы, — ответил Шрам. — Много крыс. Мы идём в столовую. Это последний рубеж перед жилыми комнатами. Если они прорвутся туда — мы потеряем бункер. Людей, припасы, оружие — всё. Вы поняли?

Новобранцы кивнули. Толя сглотнул, его кадык дёрнулся. Миша ударил кастетами друг о друга — металлический лязг разнёсся по спортзалу. Лена поправила хватку ножа, переложив его из правой руки в левую и обратно, проверяя, какая рука меньше дрожит.

Он вышел из спортзала, и новобранцы последовали за ним — Толя, бледный, с трясущимися руками, но не отступающий; Миша, коренастый, с бычьей шеей, сжимающий два обрезка арматуры, которые он заточил до бритвенной остроты; Лена, самая молодая, но самая спокойная из всех, с глазами, которые уже видели смерть и не боялись её.

В коридоре Шрам остановился, повернулся к ним.

— Слушайте меня, — сказал он, обходя строй. Его голос был спокойным, почти ленивым, но в нём слышалась сталь. — Крысы прут ордой. Они не думают, они не боятся, они не отступают. Поэтому мы должны быть хладнокровнее, чем они. Толя, ты работаешь копьём —

бей с дистанции, не давай им приблизиться. Миша, ты прикрываешь Толю — руби всё, что прорвётся, ты наша стена. Лена, ты в центре — ты наша ударная сила. Не геройствуй, но и не отступай. Если кто-то из вас побежит — крысы сожрут всех. Не только вас — всех. Включая меня. Включая Алекса. Включая Лайлу. Вы поняли?

Они кивнули. В глазах Толи появилось что-то, похожее на решимость. Миша сжал кастеты так, что костяшки побелели. Лена поправила хватку ножа — ещё раз, уже без дрожи.

— Тогда — за мной.

Шрам повёл их в столовую.

4

Валет появился в командном центре через минуту после сирены.

Он не бежал — он скользил, как тень, как призрак, как сама смерть, которая не спешит, потому что знает — жертвы никуда не денутся. Его лицо было спокойным, почти скучающим, но внутри — внутри бушевал шторм. «Когти Ворона» пульсировали ярко — красные прожилки горели, как угли, требуя крови. Артефакт чувствовал приближение битвы и готовился к ней, как хищник, который долго голодал и наконец учуял добычу.

— Глухарь говорит, они лезут отовсюду, — сказал Алекс, показывая на карту. — Ты идёшь в вентиляционные шахты. Уничтожаешь передовые отряды. Минируешь проходы. Не дай им выйти в жилые модули.

Валет кивнул. Коротко, сухо. Его глаза — узкие, тёмные — сканировали карту, запоминая каждый поворот, каждую развилку.

— Глухарь идёт со мной, — сказал он. — Он слышит их через стены. Он покажет, где они. Без него я буду как слепой котёнок в этих шахтах.

— Хорошо, — ответил Алекс. — Но не рискуйте. Если шахты слишком узкие — отходите. Мы запечатаем их снаружи. Лучше потерять проход, чем потерять вас.

— Я всегда рискую, — сказал Валет, разворачиваясь. — Это моя работа. Если бы я не рисковал, ты бы уже был мёртв. Или Хан всё ещё сидел бы на троне.

Он исчез в темноте коридора, и Глухарь последовал за ним — бесшумно, как тень за тенью. Через секунду они оба растворились во тьме, и Алекс остался один в командном центре, если не считать спящего Архивариуса, который уже начал просыпаться.

— Береги их, — прошептал Алекс в пустоту. — Береги всех.

Он не знал, к кому обращался. К системе? К судьбе? К Нулевому объекту? Может быть, просто к самому себе.

Часть вторая. Оборона периметра

5

Валет и Глухарь двигались по вентиляционной шахте, как рыбы в воде.

Шахта была узкой — не больше полуметра в ширину и сорока сантиметров в высоту. Приходилось ползти на животе, отталкиваясь локтями и пальцами ног. Стены были металлическими, острыми — заусенцы царапали куртки, резали кожу, оставляя на руках и лицах тонкие, болезненные царапины. Где-то впереди работали вентиляторы — их лопасти вращались медленно, с противным скрежетом, как будто механизм заклинивало, и каждую секунду они могли остановиться навсегда.

Вентиляторы были нужны для воздуха. Если они остановятся, в шахте станет нечем дышать. Валет знал это. Он чувствовал, как воздух становится спёртым, тяжёлым, как его лёгкие работают с трудом, как кислорода становится всё меньше. Но он не останавливался.

Глухарь полз первым. Он не нуждался в свете — он чувствовал вибрации сквозь металл, сквозь бетон, сквозь воздух. Шахта гудела — не от ветра, от движения. Тысячи маленьких лап бежали по стенам, по полу, по потолку, создавая ровный, пульсирующий гул, похожий на сердцебиение. Глухарь закрыл глаза, чтобы лучше чувствовать. Его пальцы, касавшиеся металлического пола, дрожали мелкой дрожью — он принимал информацию, как антенна, как радар, как живой сейсмограф.

Валет полз за ним, сжимая «Когти Ворона». Артефакт пульсировал в такт гулу — красные прожилки горели ярче с каждым метром. Он чувствовал приближение жертвы. Требовал крови. Валет чувствовал, как пальцы сами собой сжимаются и разжимаются, как мышцы напрягаются, готовые к атаке.

Глухарь остановился. Поднял руку — «стой».

Валет замер. Вентиляторы скрежетали где-то впереди. Где-то капала вода — мерно, как секундная стрелка часов, отсчитывающих время до смерти. И — писк. Высокий, тонкий, многоголосый. Десятки голосов, которые сливались в один непрерывный звук, похожий на сигнал пожарной sireны, но тише, тоньше, злее.

Глухарь повернулся к Валету, показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к полу шахты, потом три пальца, сложенные вместе, потом резкое движение вперёд.

«Там. Три. Командиры».

Валет кивнул. Он понял. Не обычные крысы — матки-командиры. Те, кто управлял ордой, кто координировал атаку, кто посылал сигналы через ультразвук. Пока они живы — крысы будут лезть бесконечно. Бесконечная волна, которая смывает их всех, как цунами смывает прибрежные деревни.

— Отвлекай, — прошептал Валет. — Стучи по трубе. Привлеку их внимание. Я пройду мимо, пока они будут смотреть на тебя.

Глухарь кивнул. Он достал из кармана кусок арматуры — короткий, тяжёлый, с острым концом. Ударил по стене шахты — раз, другой, третий. Звук разнёсся по вентиляции, многократно усиленный металлическими стенами, как колокольный звон в соборе.

Из темноты впереди донеслось ответное шипение — громкое, угрожающее, нечеловеческое. Свита маток бросилась на звук — десятки красных глаз загорелись в темноте, как звёзды, как угли, как маяки смерти. Тела зашуршали по металлу, когти заскрежетали по стенам, воздух наполнился запахом мускуса, крови и страха.

Валет скользнул в тень — благо, теней в шахте было много, — и пополз дальше, обходя свиту по широкой дуге. Он двигался медленно, бесшумно, как змея, как тень, как сама смерть. Глухарь продолжал стучать — раз, другой, третий, — отвлекая крыс, заставляя их думать, что угроза там, а не здесь.

Он нашёл их в углублении, где шахта расширялась, образуя подобие гнезда. Три матки-командира, уровень 4-5, размером с крупную собаку. Они сидели неподвижно, только головы поворачивались, отслеживая движение. Их брюхо пульсировало — внутри росли детёныши, сотни маленьких тел, которые шевелились под тонкой кожей, готовые вырваться наружу. Глаза — красные, умные, злые — смотрели в темноту, но не видели Валета.

Он подобрался на расстояние удара.

Первая матка умерла мгновенно — «Когти Ворона» вошли в основание черепа, пробив кожу, мышцы, позвонки. Чёрная кровь брызнула на стены, на пол, на потолок. Вторая дёрнулась, попыталась убежать, но Валет достал её ударом в глазницу — нож вошёл в мозг, и тело забилось в агонии, но быстро затихло.

Третья успела запищать — ультразвуковой импульс, который ударил по барабанным перепонкам, заставил кровь стучать в висках, перед глазами поплыли круги. Валет пошатнулся, зажал уши руками, выронил нож. Артефакт взвыл — красные прожилки вспыхнули, заливая всё поле зрения кровавым светом, как будто сам «Коготь» пытался защитить хозяина.

Свита услышала крик матки и бросилась назад. Десятки крыс набросились на Валета, вцепились в одежду, в руки, в лицо. Когти скрежетали по металлу накладок, зубы щёлкали в сантиметре от шеи.

Валет крутился, как волчок, отбиваясь «Когтями Ворона», но крыс было слишком много. Они лезли отовсюду, заполняя шахту, как вода заполняет тонущий корабль. Он чувствовал, как силы покидают его, как артефакт начинает пожирать его самого — не врага, а хозяина, потому что добычи было недостаточно.

Глухарь ворвался в бой через минуту.

Он бил копьём с такой силой, что наконечник прошивал по три-четыре крысы за раз. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делает свою работу и не отвле-

кается на эмоции. Он прикрыл Валета спиной, дал ему секунду, чтобы перевести дыхание, и они вместе добили остатки свиты.

Матки были мертвы. Свита — тоже.

Валет стоял, тяжело дыша, сжимая «Когти Ворона». Кровь капала с его лица, рук, одежды — своя и чужая. Артефакт пульсировал ярко, насыщаясь энергией поверженных врагов. Красные прожилки горели ровно, спокойно — артефакт был сыт.

— Готово, — сказал он. — Идём дальше. Нужно зачистить западный рукав. И восточный. И центральный. Пока они не пришли в себя.

Глухарь кивнул.

Они поползли дальше, в глубину шахты, туда, где пульсировал ультразвук — громче, настойчивее, злее. Там был последний командир.

6

Шрам встретил первую волну у дверей столовой.

Он выстроил новобранцев в линию — Толя справа, Миша слева, Лена в центре. Вит стоял за их спинами, сжимая арбалет — единственное огнестрельное оружие, которое у них было. Болтов было мало — десять, может быть, двенадцать. Каждый должен был найти цель.

— Слушайте меня, — сказал Шрам, обходя строй. Его голос был спокойным, почти ленивым, но в нём слышалась сталь. — Крысы прут ордой. Они не думают, они не боятся, они не отступают. Поэтому мы должны быть хладнокровнее, чем они. Толя, ты работаешь копьем — бей с дистанции, не давай им приблизиться. Миша, ты прикрываешь Толю — руби всё, что прорвётся. Лена, ты в центре — ты наша ударная сила. Не геройствуй, но и не отступай. Вит, ты — наш стрелок. Береги болты. Каждый должен найти цель. Не стреляй в молоко.

Новобранцы кивнули. Их лица были бледными, но глаза — живыми, сосредоточенными.

Вит стоял у окна, прижав арбалет к плечу.

— Они идут, — сказал он. — Я слышу их. Шорох. Писк. Тысячи лап.

Шрам поднял тесак.

— Держать строй! — крикнул он, и его голос перекрыл даже завывание сирены.

Крысы ворвались в столовую через вентиляционную решётку — она не выдержала, сорвалась с болтов, и чёрная лавина хлынула в помещение. Десятки тел, десятки глаз, десятки пастей, полных игольчатых зубов. Воздух наполнился запахом мускуса, крови и смерти.

Первая крыса бросилась на Толю. Он встретил её копьём — удар был точным, сильным, но крыса увернулась в последний момент, и лезвие скользнуло по шерсти, не причинив вреда. Толя отступил на шаг, вжался спиной в стену. Его лицо побледнело ещё больше, руки задрожали.

— Не отступать! — закричал Шрам, рубя тесаком направо и налево. — Держать линию! Если вы отступите — они сожрут нас всех!

Миша ударил своими арматурными кастетами — первый удар пришёлся в голову крысе, и череп лопнул, как переспелый арбуз, брызнув кровью и осколками костей. Вторым ударом — в спину другой крысе, и позвоночник хрустнул, как сухая ветка. Миша двигался медленно, но каждый его удар был смертельным. Он прикрывал Толю, как стенка, как щит, как бастион.

Лена сражалась в центре, и её стиль боя был другим — быстрым, агрессивным, почти безрассудным. Она не ждала атаки — она сама бросалась на крыс, крутилась, как волчок, нанося удары ножом с такой частотой, что враги просто не успевали реагировать. Её лицо было сосредоточенным, глаза — холодными, как лёд. Она не думала о смерти. Она думала только о следующем ударе.

Вит стрелял с фланга. Первый болт попал крысе в глаз — она рухнула замертво, даже не взвизгнув. Вторым — в горло, третья захрипела, забилась в агонии. Третий болт ушёл в молоко — крыса увернулась, но Вит уже перезаряжал, не тратя времени на сожаления.

Шрам работал тесаком, как мясник. Он не делал лишних движений — каждый удар был выверен, точен, смертоносен. Он рубил головы, отсекал лапы, вспарывал животы. Кровь заливала его с ног до головы, но он не обращал внимания. Он был в своей стихии — в бою, в хаосе, в смерти. Он был воином, и война была его домом.

Крысы не отступали. Они лезли и лезли, заполняя столовую, как вода заполняет тонущий корабль. Толя начал уставать — его руки дрожали, копьё двигалось медленнее, удары стали неточными. Он пропустил атаку с фланга — крыса вцепилась ему в ногу, разорвала штанину, кожу, мышцы.

— А-а-а! — закричал Толя, падая на колени.

— Толя, держись! — крикнула Лена, отбивая крысу, которая прыгнула на него с другой стороны. Её нож полоснул воздух, но не задел врага — крыса увернулась.

— Я стараюсь! — ответил Толя, вытирая пот с лица. — Но их слишком много.

— Их всегда много, — сказал Шрам, появляясь из ниоткуда и разрубая двух крыс одним ударом. — Это Воронка. Здесь никогда не бывает «мало».

Крысы прорвали строй через пять минут.

Толя упал на пол, истекая кровью. Крысы набросились на него, но Миша успел прикрыть его своим телом — раздавил одну крысу ногой, вторую отбросил ударом кастета. Лена отбилась от трёх крыс одновременно, её нож двигался так быстро, что воздух свистел.

— Отходим к баррикаде! — крикнул Шрам. — Лена, помоги Толе! Вит, прикрой! Миша — держи строй, не дай им окружить нас!

Лена подхватила Толю под руку, потащила к столам, сдвинутым в баррикаду. Вит стрелял, не переставая, сдерживая натиск. Один болт, второй, третий. Крысы падали, но их место занимали новые. Шрам замыкал, рубя тесаком направо и налево, не давая крысам окружить отступающих.

Они успели. Баррикада была сделана наспех — столы, стулья, ящики с инструментами, всё, что попало под руку. Но она держалась — крысы не могли пролезть через щели, не могли перепрыгнуть через край. Они визжали, царапали стены, пытались пробиться, но баррикада стояла.

Шрам перевязал Толю — бинты, антисептик, тугая повязка. Кровь остановилась. Нога была цела, но мышцы разорваны. Толя не мог стоять.

— Я бесполезен, — сказал он, глядя на свою ногу. — Я подвёл вас. Я испугался.

— Ты жив, — ответил Шрам, вытирая кровь с лица. — Это уже много. Страх — это не слабость. Страх — это инструмент. Если ты не боишься, ты не осторожен. А если ты не осторожен — ты мёртв.

Толя посмотрел на него. В его глазах — голубых, почти прозрачных — появилось что-то, похожее на надежду.

— Ты веришь в это?

— Я должен верить, — ответил Шрам. — Иначе зачем всё это?

7

В машинном зале Алекс бился в одиночку.

«Рассекатель» пел в его руке — клинок рассекал воздух, крыс, стены. Каждый взмах уносил жизни трёх-четырёх тварей. Энергетическое лезвие не тупилось, не застревало в костях, не требовало заточки — оно просто резало, и это было страшно и прекрасно одновременно.

Но крыс было больше. Намного больше. Они лезли отовсюду — из трещин в стенах, из вентиляционных решёток, из проломов в полу, которых Алекс раньше не замечал. Они были везде, как чёрная жижа, как смола, как сама тьма, которая решила обрести форму и сожрать его.

Интерфейс отсчитывал удары:

[Крыса повержена. Опыт: +20]

[Крыса повержена. Опыт: +25]

[Хроно-крыса повержена. Опыт: +30]
[Обычная крыса повержена. Опыт: +20]
[Хроно-крыса повержена. Опыт: +30]
...

Цифры плыли перед глазами, но Алекс не смотрел на них. Он смотрел на крыс — на их глаза, на их пасти, на их когти. Он чувствовал их запах, их тепло, их страх. Он стал частью боя. Его тело двигалось само — без команды мозга, без подсказок системы. Он был не человеком, а оружием. Живым оружием.

«Рассекатель» перегрелся через десять минут — рукоять стала горячей, красные прожилки замерли, перестали пульсировать. Оружие требовало отдыха. Алекс убрал его в ножны, выхватил охотничий нож — короткий, широкий, с зазубринами на обухе.

Рукопашная была жестокой.

Алекс работал ножом, как поршнем — вперёд-назад, вперёд-назад. Крысы падали замертво, но их место занимали новые. Он получал удары — когти рвали куртку, кожу, мышцы. Боль была острой, жгучей, но он не обращал на неё внимания. Он не мог позволить себе отвлекаться на боль. Боль была роскошью, которую он не мог себе позволить.

...
[ОЗ: -5 (175/180)]
[ОЗ: -3 (172/180)]
[ОЗ: -7 (165/180)]
[ОЗ: -2 (163/180)]
[ОЗ: -4 (159/180)]
...

Он отступал к генератору, используя его как прикрытие. Крысы не могли атаковать с тыла, только спереди и с флангов. Это давало ему секунду, чтобы перевести дыхание, вытереть пот с лица, перехватить нож поудобнее.

И вдруг — тишина.

Крысы замерли. Их головы повернулись в одну сторону — туда, откуда доносился ультразвуковой сигнал. Там, в глубине вентиляционных шахт, Валет убивал маток-командиров. Сигнал прервался — и крысы потеряли управление.

Потом, как по команде, они развернулись и побежали обратно в шахты. Их глаза — красные, жёлтые, зелёные — погасли, как угли, которые залили водой. Писк стих, шорох затих, запах стал слабее.

Алекс опустился на колено, тяжело дыша. Кровь капала с его лица, рук, одежды — своя и чужая. Интерфейс показывал 150 ОЗ из 180. Потеряно тридцать очков. Могло быть хуже. Намного хуже.

— Валет, — прошептал он. — Ты сделал это. Молодец.

Он не знал, слышит ли его Валет через стены, через бетон, через металл. Но он знал, что без него они бы не справились. Без Валета и Глухаря, которые ушли в самое сердце улья, чтобы убить командиров, крысы лезли бы бесконечно.

Он посмотрел на интерфейс — на уровень опыта, который вырос почти вдвое за этот бой.

[Опыт Алекса: +460]

[Уровень: 8 → 9]

Девятый уровень. Ещё один шаг к забвению.

Он встал, пошатываясь, и пошёл к выходу из машинного зала.

Часть третья. Рейд в улье

8

Валет и Глухарь добились последних командиров через минуту.

Вентиляционная шахта превратилась в кровавое месиво — стены были залиты чёрной кровью, пол усеян трупами крыс. Глухарь стоял, опираясь на копье, и его лицо было бледным, но глаза — ясными. Валет вытирал «Когти Ворона» о тушу последней матки — его движения были медленными, почти усталыми.

— Чисто, — сказал он.

Глухарь кивнул. Он прижал ладонь к стене шахты, закрыл глаза. Замер на десять секунд. Потом открыл — показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Вибрации затихают. Они отступают. Но не все. Часть ушла глубже».

— Не отступают, — ответил Валет. — Перегруппировываются. У них есть запасной командир. Где-то глубже. Может быть, на уровне -4. Может быть, в Хранилище.

Глухарь кивнул снова. Он уже знал. Он чувствовал это — слабую, ровную пульсацию где-то внизу, под их ногами, в той части бункера, которую даже Архивариус не исследовал до конца.

— Идём, — сказал Валет. — Закончим это.

Они поползли дальше, в глубину шахты, туда, где пульсировал ультразвук — громче, настойчивее, злее.

Вит заметил её первой — крупную, почти чёрную крысу, которая не нападала, а стояла в дверях столовой, глядя на отряд. Её глаза были не красными, не жёлтыми — белыми, без зрачков, как у смотрящих. Она не двигалась, не шипела, не скалилась. Просто смотрела. И в этом взгляде было что-то ужасное — не животное, не инстинктивное, а осознанное. Крыса понимала. Она знала, что происходит. Она знала, кто перед ней. Она знала, что они устали, что они ранены, что они на пределе.

— Шрам, — позвал Вит, показывая на крысу.

Шрам повернулся. Его единственный глаз сузился.

— Вожак, — сказал он. — Последний. Если мы убьём её — крысы разбегутся. Навсегда. Или, по крайней мере, надолго.

— Тогда убей её, — сказала Лена, сжимая нож.

— Не так просто, — ответил Шрам. — Она умнее остальных. Она не подпустит нас близко. Она будет ждать, пока мы ослабеем. Или пока не появится удобный момент.

Крыса-вожак издала звук — низкий, вибрирующий, похожий на гул генератора. Крысы вокруг неё замерли, потом расступились, освобождая дорогу. Она сделала шаг вперёд — медленно, грациозно, как кошка. Её белые глаза не мигали.

— Это вызов, — сказал Шрам. — Она хочет драться со мной. Один на один.

— Это ловушка, — сказал Вит. — Не ходи. Мы можем застрелить её из арбалета.

— Не можем, — ответил Шрам. — Она слишком быстрая. Болт не попадёт. А если попадёт — не убьёт. Только разозлит. А злая крыса-вожак опаснее, чем спокойная.

Он шагнул вперёд, за баррикаду.

— Я должен, — сказал он. — Если я откажусь — крысы решат, что мы слабы. И атакуют снова. Всем скопом. Мы не выдержим второй волны. У нас нет сил.

— Шрам, — сказала Лена, и в её голосе впервые прозвучал страх. — Пожалуйста.

— Не волнуйся, — ответил Шрам, не оборачиваясь. — Я убивал и не таких.

Он вышел из-за баррикады, встал напротив крысы. Тесак в правой руке, нож в левой. Крыса не нападала. Она ждала. Изучала. Оценивала. Её белые глаза скользили по его телу, ища слабые места — старую травму левого бока, перевязанную руку, усталость, которую он не мог скрыть.

— Ну, иди, — сказал Шрам. — Я жду.

Крыса бросилась.

10

Она была быстрее, чем он ожидал.

Тело вытянулось в полёте, когти передних лап нацелились в грудь, пасть открылась, готовая вцепиться в горло. Шрам не успел уклониться — только подставил тесак. Клинок встретил крысу в воздухе, рассек ей брюхо, выпустил внутренности. Чёрная кровь хлынула на пол, заливая ботинки, штаны, пол.

Крыса упала на бок, забилась в агонии. Её глаза — белые, пустые — смотрели на Шрама, не мигая. Она умирала, но не сдавалась. Её лапы скребли по полу, когти выбивали искры.

Он добил её ударом в голову.

Крысы замерли.

Потом, как по команде, развернулись и побежали. Вентиляционные решётки опустели, коридоры опустели, шахты опустели. Только запах крови и смерти остался в бункере.

Шрам стоял посреди столовой, тяжело дыша, и смотрел на интерфейс.

[Убито крыс: 23]

[Опыт Шрама: +280]

[Уровень: 12 → 13]

Он не чувствовал радости. Только усталость. И пустоту. Пустоту, которая заполнила его после того, как он вонзил тесак в шею Клима. Пустоту, которая не уходила, даже когда он убивал врагов, защищал товарищей, строил новый клан.

— Всё кончено, — сказал Вит, опуская арбалет. — Они ушли.

— Нет, — ответил Шрам, вытирая тесак. — Они вернутся. Когда у них будет новый вожак. Когда они снова проголодаются. Когда они поймут, что мы ослабли.

Он посмотрел на Толю, который лежал на койке, бледный, с перевязанной ногой.

— Но не сегодня, — добавил он. — Сегодня мы выжили. Этого достаточно.

Часть четвёртая. Цена рейда

11

Алекс пришёл в столовую через полчаса, когда всё было кончено.

Он сидел на стуле, прислонившись к стене, и смотрел на разрушения. Столы были разбиты, стулья сломаны, на стенах — кровь, на полу — трупы крыс. Вит перевязывал царапины на руках, Лена стояла у окна, глядя в темноту, Толя лежал на койке, принесённой из казармы, и его лицо было бледным.

Миша сидел в углу, сжимая арматурные кастеты, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который сделал свою работу и не ждал благодарности.

Лайла уже работала в медотсеке — обрабатывала раны, накладывала швы, вкалывала антидот. Её лицо было сосредоточенным, без тени усталости.

— Потери? — спросил Алекс, садясь рядом с Шрамом.

— Толя ранен, — ответил Шрам. — Нога. Мышцы разорваны. Лайла говорит, что если не найти антибиотики, он умрёт через два дня.

— Антибиотики? У нас нет?

— Нет. В аптечке Хана были только обезболивающие и антисептики. Антибиотиков нет. Хан не болел. Осколок не давал ему болеть.

Алекс закрыл глаза. Думал.

— Где их можно найти?

— Нейтральный сектор, — ответил Валет, появляясь из тени. Он был весь в крови — своей и чужой, — но его голос был спокойным, почти скупающим. — У «Корпорации». Мадам торгует лекарствами. Но она не продаёт их за патроны или консервы. Только за осколки. Или услуги.

— Какие услуги?

— Она не говорит заранее. Нужно прийти и спросить.

Алекс посмотрел на Толю. Парень бредил — звал кого-то, кричал, плакал. Лена сидела рядом, держа его за руку, и её лицо было бледным, но спокойным. Она не отпускала его руку даже когда Шрам звал её помочь с баррикадой.

— Я схожу, — сказал Алекс. — Завтра. На рассвете.

— Я с тобой, — сказал Шрам.

— Нет. Ты нужен здесь. Если «Стальные» узнают, что мы ослабли — они нападут. Ты должен держать оборону. Ты — офицер. Это твоя работа.

Шрам хотел возразить, но не стал. Его лицо окаменело — он сжал зубы, кивнул.

— Я понял, — сказал он. — Но если тебя не будет через шесть часов, я приду за тобой. С отрядом. И неважно, кто будет на пути.

— Договорились, — ответил Алекс.

Он встал, потянулся, хрустнул позвонками.

— А пока — отдыхайте. Всем спать. Вы заслужили.

Он вышел из столовой и направился к командному центру — проверять карты, готовиться к переговорам с Мадам.

12

Архивариус встретил Алекса в командном центре.

— Ты должен это увидеть, — сказал он, показывая на монитор. Его голос был напряжённым — не паническим, но близким к тому. Каждое слово давалось ему с трудом.

Алекс подошёл. На экране — западный сектор, нейтральная полоса. Колонна людей с фонарями двигалась по пустоши, направляясь к бункеру. Их одежда была новой, броня — из пластин и шкур, которые выглядели дорогими. Флаг — череп и скрещённые кости, но череп стилизован под робота, с красными светодиодными глазами, которые горели в темноте, как два угля.

— «Собиратели», — сказал Архивариус. — Клан из поверхностных руин. Они скупают всё, до чего могут добраться — осколки, артефакты, даже людей. Но они никогда не спускались в бункеры. Слишком глубоко. Слишком опасно.

— А сейчас спускаются?

— Да, — ответил Архивариус. — Их ведёт смотрящий.

Алекс взгляделся в экран. Впереди колонны плыло голубое свечение — сущность с пустыми глазами, которая парила над землёй, указывая путь. Смотрящий был большим, чем те, что они видели раньше — почти в рост человека, с длинными руками и ногами, которые двигались неестественно плавно, как будто у него не было костей.

— Сколько у нас времени?

— Часа три. Может быть, четыре. Они движутся медленно. Тащат за собой какой-то груз. Может быть, оружие. Может быть, припасы.

Алекс сжал «Рассекатель». Клинок пульсировал в руке — красные прожилки горели ярко, осколок внутри оружия чувствовал приближение новой угрозы.

— Поднимай всех, — сказал он. — Готовим оборону. Если они хотят торговать — мы поторгуемся. Если хотят воевать — мы подерёмся. Но мы не отдадим бункер. Никому.

Архивариус кивнул.

— Я подготовлю карты, — сказал он. — Отмечу все возможные пути проникновения. Если они попытаются прорваться с боем, мы должны знать, откуда ждать удара.

— Хорошо, — ответил Алекс. — Работай.

Он вышел из командного центра, оставив Архивариуса одного — с мониторами, с картами, с приближающейся угрозой.

Эпилог. Ночь перед бурей

13

Алекс не спал в ту ночь.

Он сидел в медотсеке, рядом с Толей, и смотрел на интерфейс. Цифры плыли перед глазами — ОЗ, ОВ, уровень, интеграция. Всё было как обычно, но что-то изменилось. Что-то внутри него сломалось — или, наоборот, окрепло. Он не мог понять.

[Время с момента активации: 134 часа 27 минут]

[Уровень: 9]

[Интеграция: 25%]

[Ингибитор: активен. Осталось: 96 часов]

Двадцать пять процентов. Четверть пути к забвению. Алекс смотрел на цифру и думал о том, что она значит. Четыре процента назад — это хорошо. Но четыре процента — это не победа. Это только отсрочка. Рано или поздно ингибитор перестанет работать, и интеграция продолжится. И тогда он станет монстром. Или умрёт.

Толя бредил — шептал что-то, кричал, плакал. Ему снились кошмары — может быть, о Воронке, может быть, о том, как он умирает, а никто не приходит на помощь. Алекс смотрел на его лицо — молодое, бледное, покрытое потом — и чувствовал, как в груди поднимается что-то, похожее на ярость. Не на Толю. На Воронку. На систему. На мир, который создал это место.

Лайла вошла через час, села рядом. Её лицо было усталым — под глазами залегли тёмные круги, губы потрескались, руки дрожали. Она почти не спала последние двое суток, работая над ингибиторами, обрабатывая раны, готовясь к новым потерям.

— Он умрёт? — спросил Алекс.

— Если мы не найдём антибиотики — да, — ответила Лайла. — Инфекция распространяется быстрее, чем я думала. У него есть сутки. Может быть, двое.

— Я найду, — сказал Алекс. — Я обещаю.

Лайла посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах — голубых, почти прозрачных — была усталость, но не сомнение.

— Я верю тебе, — сказала она.

Она встала и вышла, оставив Алекса одного с бредящим Толей.

Он сжал в руке зуб Пса, который дал ему Купол. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Я не дам ему умереть, — подумал Алекс. — Я не дам умереть никому из них».

Он посмотрел на дверь медотсека. Где-то там, в коридорах, его люди готовились к обороне. Шрам тренировал новобранцев — бил по мешкам, отрабатывал удары, повторял мантры, которые когда-то говорил ему Купол. Валет проверял оружие — точил ножи, смазывал «Когти Ворона», проверял механизмы. Глухарь слушал землю — его ладони были прижаты к бетонному полу, и он чувствовал вибрации приближающихся «Собирателей». Вит перебирал патроны — сортировал их по калибрам, проверял гильзы, чистил арбалет. Архивариус изучал карты — искал слабые места в обороне бункера, просчитывал маршруты отхода, готовил запасные планы. Лайла готовила аптечки — складывала бинты, шприцы, антисептики в рюкзаки, чтобы в случае боя можно было быстро эвакуировать раненых.

Они были его семьёй. Его кланом. Его «Нулевыми».

«Собиратели» шли к ним. Смотрящий вёл их. Мадам ждала в нейтральном секторе. «Стальные» выжидали.

Война только начиналась.

Алекс закрыл глаза.

Завтра он пойдёт на Блошиный рынок. Завтра он будет торговаться с Мадам. Завтра он узнает, что она хочет взамен на антибиотик. Может быть, осколки. Может быть, услуги. Может быть, его жизнь.

А сегодня — сегодня он будет сидеть с Толей. И слушать, как парень умирает. Медленно. По секундам. По вздохам.

«Не сегодня», — подумал Алекс. — «Не сегодня, Толя. Ты будешь жить. Я обещаю».

Он сжал зуб Пса так сильно, что лезвие впилося в ладонь, оставив глубокую царапину.

«Я обещаю».

Конец главы 16.

^^^

ИТОГОВАЯ СТАТИСТИКА (КОНЕЦ ГЛАВЫ 16)

Клан: НУЛЕВЫЕ

Лидер: Алекс (ур. 9, ранг Охотник)

Офицеры: Шрам (ур. 13), Валет (ур. 8)

Специалисты: Архивариус (ур. 6), Лайла (ур. 2)

Бойцы: Глухарь (ур. 4), Вит (ур. 5),

Толя (ур. 3, тяжело ранен),

Миша (ур. 3), Лена (ур. 4)

Бонус клана: +5% к опыту

Влияние: 65 (+5 за отражение рейда)

ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЕКСА

СИЛ: 8 | ЛВК: 8 | ВНС: 10 | ИНТ: 7 | ВСП: 6

ОЗ: 150/180

ОВ: 45/100

Уровень: 9

Ранг: Охотник

Интеграция: 25%

Ингибитор: 96 часов

ТРОФЕИ

-

Крысиные зубы и когти (материал для стрел и ловушек) — 150+ единиц

-

Крысиный жир (топливо для факелов и ламп) — 8 кг

-

Шкуры (материал для брони новобранцев) — 15 м²

-

2 малых осколка Нулевого объекта (найжены в матках-командирах)

ПОТЕРИ

-

Толя — тяжело ранен (разрыв мышц ноги, заражение)

-

Миша — лёгкие ранения (царапины, ушибы)

•

Лена — лёгкие ранения (порезы рук)

•

Шрам — истощение ОВ

•

Алекс — истощение ОВ

НОВЫЕ УГРОЗЫ

•

«Собиратели» — клан с поверхности, идут к бункеру

•

Смотрящий — ведёт «Собирателей»

•

Мадам — лидер «Корпорации», владеет антибиотиками

•

Толя — умирает без антибиотиков в течение 48 часов

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Добыть антибиотик для Толи (нейтральный сектор, Мадам)

Оборона бункера от «Собирателей» (3-4 часа)

Переговоры с Мадам («Корпорация»)

Разведка угольной шахты (после решения кризиса)

...

Конец главы 16.

ГЛАВА 17. КРЫСИНЫЙ ВОЖАК

Часть первая. Тень в вентиляции

1

Алекс не спал уже вторые сутки.

Он сидел в командном центре, положив ноги на пульт Архивариуса, и смотрел на мониторы, которые показывали пустошь, бункер, цитадель. Серый, безжизненный мир застыл на экранах, как фотография — ни движения, ни жизни, ни даже ветра. Только статичная серая пелена, которая давила на глаза, заставляла их слезиться, вызывала головную боль. Иногда ему казалось, что он видит движение — краем глаза, на периферии зрения. Но когда он поворачивал голову, чтобы разглядеть, там ничего не было. Только пепел, только пыль, только бесконечная серая тоска.

Алекс потёр веки, зевнул, хрустнул шеей. Тело ныло — после рейда, после боя, после бессонной ночи. Каждая косточка, каждая мышца, каждый сустав напоминали о себе тупой, ноющей болью, которая не проходила даже когда он сидел неподвижно. Он чувствовал, как организм работает на пределе, как ресурсы заканчиваются, как выносливость падает с каждым часом.

Интерфейс показывал нерадостную картину, и зелёные цифры, которые когда-то казались спасительными подсказками, теперь выглядели как приговор.

\\`

Время с момента активации: 138 часов 12 минут

Состояние: критическая усталость (ОВ 25/100)

Интеграция Нулевого объекта: 28%

Ингибитор: активен. Осталось: 88 часов

\\`

Двадцать восемь процентов. На три больше, чем вчера. Осколок рос — или он сам рос навстречу осколку? Алекс не знал. Знал только, что каждый новый процент приближает его к черте, за которой он перестанет быть человеком. Лайла говорила: «Тридцать процентов — первый критический порог. После него ингибитор работает хуже. Организм начинает привыкать. Симптомы усиливаются — головные боли, галлюцинации, потеря памяти».

Он не спросил, что будет после тридцати. Боялся услышать ответ.

В последние дни он заметил, что стал забывать простые вещи. Куда положил зажигалку. Как звали солдата, который погиб в прошлом рейде. Лицо матери — если оно вообще когда-то было в его памяти. Система стирала воспоминания, заменяя их цифрами, уровнями, навыками. Он помнил, сколько у него ОЗ (180). Помнил, какой урон наносит «Рассекатель» (30-45). Но не помнил, каково это — чувствовать ветер на лице без примеси пепла. Не помнил запаха дождя.

Архивариус спал в углу, свернувшись калачиком, укрывшись своей неизменной чёрной мантией, которая, казалось, впитала в себя всю пыль бункера. Старик выглядел ещё старше, когда спал — морщины глубже, кожа серее, дыхание слабее. Алекс иногда удивлялся, как он вообще выжил все эти годы, прячась от Хана, питаясь консервами и сухарями, общаясь только с тенями и книгами. Одиночество не убило его, но сделало чем-то большим, чем просто человек. Архивариус стал воплощением памяти — живым архивом, который хранил знания, даже когда сам уже почти рассыпался.

Рядом с ним лежала раскрытая тетрадь Хана, исписанная мелким, аккуратным почерком. Алекс взял тетрадь, пролистал. Схемы, формулы, имена. Список осколков. Карта уровней. И — последняя запись, обведённая в круг, написанная с нажимом, как будто Хан вкладывал в эти строки всю свою злость и отчаяние:

«Уровень -4. Аномалия. С-класс. Не приближаться. Оружие неэффективно. Единственное слабое место — основание черепа, где костные пластины не срастаются. Шанс на попадание — 3%. Выживших — 0».

Алекс закрыл тетрадь, положил на место. Провёл пальцем по обложке — кожаной, потёртой, с выцветшими буквами, которые когда-то составляли имя владельца. Хан был умным. Хан был осторожным. Хан боялся. И этот страх передался Алексу через страницы тетради, через схему уровней, через список осколков.

«Три процента, — подумал он. — Почти ноль».

Глухарь сидел у выхода, прижав ладонь к полу. Его глаза были закрыты, лицо — напряжено, как струна. Он слушал вибрации — те, что шли снизу, с уровня -4, где после рейда затихли крысы, но не исчезли. Они ждали. Где-то там, в темноте, в гнезде из труб и кабелей, спал Вожак. Или не спал — просто ждал. Его сердцебиение было медленным, ритмичным, как у спящего зверя. Но иногда — раз в несколько минут — ритм сбивался, становился чаще, как будто он видел сон. Или чувствовал приближение опасности.

Алекс подошёл к нему, опустил на корточки. Глухарь открыл глаза — неестественно светлые, почти белые — и посмотрел на Алекса. В его взгляде не было страха. Было предупреждение.

Он показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к полу, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Земля гудит. Он проснулся».

— Вожак? — спросил Алекс.

Глухарь кивнул. Показал другой жест: три пальца, сложенные вместе, потом резкое движение в сторону.

«Он движется. Не к нам. Вглубь. К Хранилищу».

— К осколкам.

Глухарь кивнул снова. Его пальцы задрожали — не от страха, от напряжения. Он чувствовал, как вибрации становятся сильнее, как Вожак приближается к Хранилищу, как его сердцебиение учащается.

Алекс выпрямился, прошёлся по комнате. Ноги гудели — от усталости, от напряжения, от долгого сидения на одном месте. Он чувствовал, как осколок в груди пульсирует в такт сердцу — сильнее, чем раньше. Интеграция росла. Осколок просыпался. Иногда ему казалось, что осколок говорит с ним — не словами, а ощущениями. Тепло, когда он рядом с другими осколками. Холод, когда он думает о побеге. Голод, когда он чувствует слабого врага.

«Если Вожак доберётся до Хранилища, — подумал он. — Если он поглотит осколки... мы получим монстра, которого не сможем остановить. Не сейчас. Не с нашими силами. Он станет сильнее матки. Сильнее Пса. Сильнее Хана».

Он посмотрел на интерфейс. На уровень 9. На ОЗ 180. На ОВ 100. На шкалу выносливости, которая показывала критическую усталость.

«Я должен идти. Один. Если возьму отряд — они умрут. Вожака нельзя взять числом. Только точностью. Только уязвимым местом. Только шансом три процента».

2

Шрам спал в столовой, на сдвинутых стульях, положив тесак на колени. Его лицо было бледным — после рейда он потерял много крови, но отказался лечь в медотсек. «Я нужен здесь, — сказал он тогда. — Если крысы вернуться, я должен быть первым, кто встретит их». Лайла обработала его раны, зашила глубокие порезы, вколола обезболивающее. Шрам терпел молча, только скрипел зубами, когда игла входила в кожу, и иногда сжимал тесак так сильно, что костяшки пальцев белели.

Ему снился сон. Алекс видел, как его единственный глаз двигается под веком — быстро, хаотично, как у человека, который видит кошмар. Шрам бормотал что-то — неразборчиво, отрывисто. Может быть, имя брата. Может быть, имя Купола. Может быть, просто ругательства.

Алекс разбудил его тихим касанием плеча.

— Вставай, — сказал он. — Нужно поговорить.

Шрам открыл глаз — единственный, живой, с красными прожилками от недосыпа. Посмотрел на Алекса, на его лицо, на «Рассекатель» на поясе, на чёрные круги под глазами. Он видел, что Алекс не спал. Видел, что он на пределе. Видел, что он что-то задумал.

— Ты собираешься туда, — сказал он. Это был не вопрос — утверждение.

— Да.

— Я иду с тобой.

— Нет. Ты нужен здесь. Если я не вернусь, ты — лидер. Ты должен защитить клан. Ты должен найти выход. Ты должен...

— Не говори глупостей, — перебил Шрам, садясь. Его лицо исказилось от боли — свежие швы на боку натянулись, по бинтам потекла кровь. Он зашипел, прижал руку к боку, но не лёг обратно. — Ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься.

— На этот раз может не получиться.

— Получится, — Шрам посмотрел на него долгим взглядом. В его глазу — коричневом, усталом, с красными прожилками — была не уверенность, но и не сомнение. Что-то среднее. Вера. Или её подобие. — Ты убил матку. Ты убил Пса. Ты убил Хана. Вожак — следующий. А следующих не бывает. После С-класса идёт пустота. Или следующий уровень. Но ты справишься. Ты всегда справлялся.

— С-класс, — сказал Алекс. — ОЗ 350. Броня, которую не пробить обычным оружием. Регенерация десять очков в минуту. Ультразвуковая атака, которая парализует на три секунды. Я видел таких только в отчётах Хана. Он посылал отряды. Отряды не вернулись. Три отряда. Восемнадцать человек. Ни одного выжившего.

— Ты не отряд, — ответил Шрам. — Ты — Алекс. Охотник. Гладиатор. Лидер «Нулевых». Если кто и может убить монстра С-класса в одиночку — это ты.

— Ты слишком в меня веришь.

— Кто-то должен.

Шрам протянул руку. Алекс пожал. Рука Шрама была горячей, твёрдой, с мозолями на каждом сантиметре ладони. Пальцы сжались с такой силой, что Алекс почувствовал, как хрустнули костяшки.

— Вернись живым, — сказал Шрам.

— Постараюсь, — ответил Алекс.

Он повернулся и пошёл к выходу. Шрам смотрел ему вслед, и его единственный глаз — коричневый, усталый — блестел в темноте.

3

Валет ждал у входа в технический уровень — в тени, как всегда, почти невидимый, почти растворённый в темноте. «Когти Ворона» на его пальцах пульсировали тускло — артефакт был сыт после вчерашней вылазки, но ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется кровь. Валет надеялся, что в бункере найдутся добровольцы. Или враги.

Он стоял неподвижно, как статуя, и только пальцы с металлическими накладками постукивали по рукояткам ножей — нервный тик, или способ держать руки в тонусе. Его лицо было скрыто тенью, но Алекс знал — Валет смотрит на него. Оценивает. Просчитывает.

— Ты идёшь один, — сказал Валет. Опять не вопрос.

— Да.

— Глупо.

— Возможно. Но если я возьму вас, мы все умрём. Узкие проходы. Вожак крупный — он не пролезет в вентиляцию. Но мы — пролезем. И он будет ждать нас там, где сможет вернуться. В машинном зале. Или в Хранилище.

— Ты знаешь, где его слабое место?

— Знаю, — ответил Алекс. — Основание черепа. Между костными пластинами. Там, где броня не срослась. Архивариус нашёл это в записях Хана. Три процента шанса попасть.

— Три процента — это почти ноль.

— Почти, — согласился Алекс. — Но не ноль.

Валет посмотрел на него долгим взглядом. Его глаза — узкие, тёмные — сканировали лицо Алекса, ища страх, сомнение, неуверенность. Не нашли.

— Я пойду с тобой до развилки, — сказал Валет. — До вентиляционного колодца. Дальше — сам. Если тебя не будет через час, я приведу подкрепление.

— Не нужно, — ответил Алекс. — Если меня не будет через час, значит, я мёртв. Подкрепление не поможет. Только добавит трупов.

— Трупы — это тоже ресурс, — сказал Валет без намёка на шутку. — Из них можно сделать приманку. Или еду для крыс, чтобы отвлечь их.

— Ты циник.

— Я реалист.

Валет хотел возразить, но не стал. Только кивнул — коротко, сухо.

— Тогда идём.

Они спустились на уровень -2.

Лестница была винтовой, металлической, с проступями из рифлёной стали, которые звенели под ногами, разнося эхо по шахте. Алекс считал ступени — двадцать, сорок, шестьдесят. Вспоминал, как впервые спускался сюда, с Архивариусом, когда они шли к машинному залу. Тогда было страшно. Сейчас — нет. Сейчас была только пустота. Пустота, которая заполнила его после убийства Хана. Пустота, которая не уходила, даже когда он спал. Пустота, которая говорила ему: «Ты уже не человек. Ты — оружие. Оружие не боится. Оружие не сомневается. Оружие просто делает то, для чего создано».

Он вспомнил, как Купол говорил: «Страх — это не враг. Страх — это инструмент. Если ты не боишься, значит, тебе нечего терять. А если нечего терять — ты уже мёртв».

Сейчас Алекс не боялся. Значит, ему было нечего терять? Или он просто забыл, как это делается?

Воздух становился холоднее с каждым метром. Влажность — выше. Запах — кислый, мускусный, животный. Запах крыс. Запах Вожака. Алекс чувствовал его даже сквозь рукав куртки, которым зажал нос — он проникал повсюду, как дым, как туман, как сама смерть.

Валет остановился у вентиляционного колодца — широкой трубы, уходящей вниз, в темноту. Из трубы тянуло теплом и аммиаком — Вожак был близко. Тепло было почти живым — оно пульсировало, как сердцебиение, как дыхание, как пульс огромного зверя.

— Дальше я не пойду, — сказал Валет. — Мои плечи шире твоих. Я застряну. И тогда ты будешь спасать меня, а не убивать Вожака.

— Знаю, — ответил Алекс, проверяя снаряжение. Нож — на поясе. «Рассекатель» — в ножнах. Зажигалка — в кармане. Фонарик — на лбу. Аптечка — в рюкзаке. Фляга с водой — на поясе.

— Возьми это, — Валет протянул ему один из своих метательных ножей — короткий, с узким лезвием и утяжелённой рукоятью. Лезвие было заточено до бритвенной остроты — Алекс провёл пальцем, и на подушечке выступила кровь. — На случай, если «Рассекатель» застрянет. Клинок тоньше. Пролезет между пластин.

Алекс взял нож, взвесил в руке. Лёгкий. Острый. Хороший баланс. Рукоять была обмотана тряпкой — старой, пропитанной маслом, но ещё крепкой.

— Спасибо.

— Не благодари, — ответил Валет. — Вернись живым. Мы не хотим терять лидера. Ты — единственный, кто держит этот клан от распада.

— Клан — это не я, — сказал Алекс. — Клан — это все мы.

— Возможно, — Валет отступил в тень, почти исчез, слился с бетонной стеной. — Но без тебя мы — стая без вожака. Крысы без матки. Мясо.

Алекс не ответил. Он шагнул в вентиляционный колодец и начал спускаться.

Часть вторая. В сердце улья

4

Вентиляционная шахта была узкой — не больше полуметра в ширину и сорока сантиметров в высоту. Приходилось ползти на животе, отталкиваясь локтями и пальцами ног. Стены были металлическими, покрытыми слоем жира и копоты — следы тысяч крыс, которые ползали здесь годами, оставляя после себя экскременты, мочу, трупы. Жир был липким, скользким, пахнувшим прогорклым салом и смертью. Алекс скользил в нём, как червь, оставляя за собой тёмный след.

Фонарик на лбу выхватывал из темноты куски пространства — ржавые трубы, обрывки кабелей, лужицы чёрной воды. Вода была тёплой — Вожак грел её своим телом. Алекс чувствовал, как температура растёт с каждым метром. Сначала было прохладно — градусов десять. Потом — тепло, как в летний день. Потом — жарко, как в бане. Потом — невыносимо, как в сауне.

Пот выступил на лбу, заливал глаза, солил губы. Алекс вытирал лицо рукавом, но пот не уходил — он тек непрерывно, как вода из крана. Одежда промокла насквозь, прилипла к телу, стала тяжёлой и липкой. Дышать было трудно — воздух был спёртым, насыщенным

парами аммиака и сероводорода. Каждый вдох обжигал лёгкие, вызывал кашель, заставлял глаза слезиться.

Где-то впереди — в глубине шахты — пульсировал ультразвук. Низкий, вибрирующий, похожий на гул трансформатора, но с горловыми обертонами, которые делали его почти музыкальным. Ультразвук был неслышен для человеческого уха, но Алекс чувствовал его вибрации — они отдавались в зубах, в костях, в позвоночнике. Каждая клетка его тела дрожала в такт. Голова кружилась, перед глазами плыли пятна, в ушах звенело.

«Он знает, что я здесь, — подумал Алекс. — Он чувствует меня. Через осколок. Через вибрации. Через запах. Он ждёт».

Он остановился, перевёл дыхание. Прижался спиной к стене шахты — металл был горячим, почти обжигающим. Интерфейс показывал:

\\`

ОВ: 25/100 → 20/100

Чувство опасности: активно

Дистанция до цели: \~50 метров

Температура окружающей среды: 38°C

\\`

Пятьдесят метров. Через стену, через бетон, через металл. Вожак ждал. Не спал — ждал. Его сердцебиение было ровным, спокойным — как у хищника, который уверен в своей силе. Он не боялся. Он не знал страха.

Алекс пополз дальше.

5

Шахта расширилась через двадцать метров.

Потолок поднялся — теперь можно было встать на четвереньки. Стены раздвинулись — ширина стала почти метр. Пол — металлический, с противоскользящим покрытием, покрытым слоем пыли и мелких костей. Кости были крысиными — маленькие, тонкие, хрупкие. Они хрустели под коленями Алекса, как сухие ветки, как лёд под ногами весной.

Где-то впереди, за поворотом, работали вентиляторы. Их лопасти вращались медленно, с противным скрежетом, как будто механизм заклинивало, и каждую секунду они могли остановиться навсегда. Скрежет был высоким, пронзительным — он резал слух, заставлял кровь стучать в висках. Вентиляторы были нужны для воздуха. Если они остановятся, в шахте станет нечем дышать.

Алекс подполз к повороту, выглянул.

Вентиляционный узел был разрушен. Решётка сорвана, болты вырваны, лопасти сломаны — одна торчала под углом, вторая лежала на полу, третья застряла в стене. За узлом — большая комната, похожая на гнездо. Пол завален трупами крыс — сотни, тысячи маленьких тел, которые гнили, разлагались, воняли. Запах ударил в нос — сладковато-тошнотворный, с привкусом аммиака и сероводорода. Алекс зажал нос рукавом куртки, но это почти не помогло. Запах проникал сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь поры.

И — в центре комнаты, на возвышении из костей и мусора, спал Вожак.

Он был огромным — метра три в длину, с мускулистым телом, покрытым костяными наростами, которые торчали в разные стороны, как иглы дикобраза. Костяные пластины были толстыми, грубыми, с острыми краями — броня, которую не пробить обычным оружием. Некоторые пластины были сломаны — видимо, в старых боях. На одной из них Алекс заметил глубокую царапину — может быть, от тесака Шрама, может быть, от когтей другого монстра.

Голова — массивная, с широкой пастью, полной игольчатых зубов, расположенных в несколько рядов. Даже при закрытой пасти зубы торчали наружу — жёлтые, длинные, с зазубринами. Глаза — красные, с вертикальными зрачками, которые сужались и расширялись даже во сне. Алекс видел, как зрачки двигаются — медленно, плавно, как будто Вожак следил за чем-то в своём сне. Из пасти капала слюна — белая, густая, с кислым запахом. Слюна шипела, падая на кости, разъедала их, оставляя чёрные дыры.

Брюхо Вожака пульсировало — внутри шевелились детёныши, сотни маленьких тел, которые росли, питаясь энергией матери. Брюхо было огромным — почти метр в диаметре, с тонкой, почти прозрачной кожей, сквозь которую виднелись тёмные силуэты. Иногда детёныши пищали — тонко, жалобно, как новорождённые котята. Алекс слышал этот писк даже через шум вентиляторов, даже через собственное сердцебиение.

Интерфейс выдал:

\\`

Вожак. Класс: С. Уровень: 11. ОЗ: 350/350

Особенности:

- Костяная броня (класс С) — физический урон снижен на 70%
- Регенерация (+10 ОЗ/мин вне боя)
- Ультразвуковая атака (парализует на 3 сек, радиус 10 м)
- Детёныши в брюхе (при повреждении брюха — выброс 20+ крыс уровней 2-4)
- Терморегуляция (поддерживает температуру в радиусе 5 м на уровне 35-40°C)

Слабое место: основание черепа (между пластинами) — доступно только вплотную, шанс попадания 3%

\\

Триста пятьдесят здоровья. Семьдесят процентов снижения урона. Регенерация десять очков в минуту. Ультразвук, который парализует на три секунды — за это время Вожак может убить его дважды. И — детёныши в брюхе. Если ранить живот — вырвется стая. Двадцать крыс уровней 2-4. В тесном помещении. Без возможности отступить.

«Смертельная ловушка, — подумал Алекс. — Он создан, чтобы убивать. И он знает, что я здесь. Он ждёт».

Алекс отполз от поворота, прислонился спиной к стене. Закрыв глаза. Думал.

«Как убить то, что нельзя ранить? Как победить то, что сильнее в десять раз?»

Он вспомнил слова Архивариуса: «У него есть слабое место. Основание черепа. Три процента шанса. Никто не выжил».

«Никто не выжил, — повторил про себя Алекс. — Но я не никто. Я — Алекс. Охотник. Гладиатор. Лидер «Нулевых». Если кто и может убить монстра С-класса в одиночку — это я».

Он открыл глаза. Взял метательный нож Валета — короткий, с узким лезвием. Лезвие было острым — он провёл пальцем, и на подушечке выступила кровь. Хороший нож. Достаточно тонкий, чтобы пройти между пластинами. Достаточно лёгкий, чтобы метнуть. Достаточно смертоносный, чтобы убить.

«Один шанс, — подумал он. — Один удар. Если промахнусь — умру».

Он пополз вперёд.

Часть третья. Смертельная игра

6

Вожак проснулся, когда Алекс был в десяти метрах.

Не от звука — от запаха. Запаха человека, который осмелился войти в его логово. Запаха страха, который он чувствовал за километры. Запаха осколка — того, что пульсировал в груди Алекса, привлекая его, как магнит. Вожак поднял голову — медленно, плавно, как змея, готовящаяся к броску. Его глаза — красные, с вертикальными зрачками — открылись, и Алекс увидел в них не злобу, не голод, а холодный, выверенный расчёт.

Глаза Вожака смотрели на Алекса — оценивающе, просчитываяюще. Как смотрит хищник на добычу, которую ещё не решил убить. Или как смотрит игрок на противника, которого ещё не оценил. Алекс чувствовал этот взгляд — он давил, как физическая тяжесть, как груз на плечах, как тиски на голове.

Вожак поднялся на лапы — медленно, тяжело, как будто каждое движение давалось ему с трудом. Брюхо волочилось по полу, оставляя мокрый след. Костяные пластины на спине топорщились, делая его похожим на доисторического ящера. Из пасти вырвался низкий, вибрирующий рык, похожий на гул генератора. Рык ударил в стены, отразился эхом, ударил снова.

Алекс почувствовал, как вибрируют кости в черепе, как кровь приливает к вискам, как из носа начинает капать тёплая жидкость.

\\`

Акустическая атака (пассивная)

ОЗ: -5 (175/180)

\\`

— Тише, — прошептал Алекс, вытирая кровь тыльной стороной ладони. — Тише, тварь. Я пришёл не бояться. Я пришёл убить.

Он шагнул вперёд.

Вожак сделал шаг к Алексу. Ещё один. Расстояние сократилось до семи метров. Пол дрожал под его лапами — мелкая, быстрая дрожь, как при землетрясении. Воздух стал плотнее, тяжелее — Вожак нагревал его своим телом, насыщал феромонами, парализовал волю.

Алекс сжал нож. Пальцы вспотели — он вытер их о куртку, перехватил снова. Он чувствовал, как сердце колотится где-то в горле, как кровь стучит в висках, как адреналин заливает мышцы, делая их стальными.

«Ближе, — подумал он. — Ещё ближе. Я должен видеть его шею. Я должен видеть пластины. Я должен видеть щель между ними».

Пять метров.

Вожак прыгнул.

Алекс нырнул под удар — костяные иглы прошли в сантиметре от его лица, процарапав стену, высекая искры. Он откатился в сторону, вскочил, метнул нож.

Нож вошёл Вожаку в плечо — в костяную пластину. Лезвие не пробило броню — только царапнуло, оставив тонкую белую полосу на чёрной поверхности. Вожак даже не вздрогнул. Только повернул голову и посмотрел на Алекса с тем же холодным расчётом.

\\`

Урон: 2 (броня поглотила 98% урона)

Вожак: -2 ОЗ (348/350)

\\`

— Чёрт, — выдохнул Алекс, отступая.

Вожак развернулся, ударил хвостом. Хвост был толстым, мускулистым, с костяным наконечником, похожим на булаву. Удар пришёлся в бок — Алекс отлетел к стене, ударился о металл, сполз вниз. Боль прострелила от ребра до позвоночника — что-то хрустнуло внутри, может быть, ребро, может быть, позвонок.

\\`

ОЗ: -15 (160/180)

\\`

Он попытался встать — нога не слушалась. Вожак уже был рядом. Пасть раскрылась — зубы щёлкнули в сантиметре от его лица, слюна капала на куртку, разъедая ткань, оставляя дымящиеся дыры. Алекс чувствовал запах гнили и кислоты — такой сильный, что глаза слезились, горло першило.

«Сейчас, — подумал Алекс. — Сейчас или никогда».

Он активировал «Рывок».

Время замедлилось. Мир стал вязким, как патока. Алекс видел каждое движение Вожака — как напряглись мышцы на шее, как открылась пасть, как капнула слюна, как расширились зрачки. Он видел, как сердцебиение Вожака замедлилось — одно, два, три удара в секунду. Он видел, как кровь течёт по венам — медленно, густо, как смола.

\\`

Рывок: -15 ОВ (ОВ 5/100)

\\`

Он переместился на три метра вправо, заходя Вожаку за спину. Вожак повернул голову — медленно, слишком медленно. Алекс прыгнул ему на спину, вцепился в костяные пластины, подтянулся к шее.

Пластины были горячими — почти обжигающими. Они вибрировали под пальцами, как живая плоть, как мышцы, как сердце. Алекс чувствовал, как пульс Вожака отдаётся в его руках, как кровь течёт под броней, как мозг посылает сигналы к мышцам.

Основание черепа.

Две пластины не срослись — между ними была щель шириной с палец. Кожа там была тонкой, почти прозрачной — видно было, как пульсирует артерия, как течёт кровь, как бьётся мозг. Алекс видел, как нейроны вспыхивают — миллионы электрических импульсов, которые управляют телом монстра.

«Один удар», — подумал он.

Алекс выхватил охотничий нож — широкий, с зазубринами на обухе. И ударил.

Нож вошёл в щель — пробил кожу, мышцы, вошёл в мозг. Вожак взревел — не завизжал, а именно взревел, низко, басовито, как разъярённый бык. Его тело дёрнулось, Алекс едва удержался. Кровь брызнула из раны — чёрная, густая, пахнувшая железом и серой. Она залила руки, лицо, одежду. Тёплая, липкая, почти живая.

\\`

Критическое попадание! Урон: 80

Вожак: -80 ОЗ (268/350)

\\`

Но Вожак не умирал. Он бился, крутился, пытался сбросить Алекса. Костяные иглы на спине впивались в бока, разрывали куртку, кожу, мышцы. Алекс чувствовал боль — острую, жгучую, но не отпускал. Он вцепился в пластины мёртвой хваткой, сжимая их так, что побелели костяшки пальцев.

\\`

ОЗ: -8 (152/180)

ОЗ: -6 (146/180)

\\`

— Сдохни! — закричал Алекс, вонзая нож снова. Глубже. В ту же щель. Между пластин.

Он провернул лезвие — раз, другой. Мозг Вожака превращался в кровавое месиво. Нейроны гасли один за другим, как звёзды на рассвете. Сердцебиение замедлялось — три удара в секунду, два, один.

Нож вошёл в мозг — и Вожак замер.

Его тело ещё подрагивало — агония, последние импульсы умирающего мозга. Глаза — красные, с вертикальными зрачками — погасли, превратившись в мутную белую пелену. Пасть закрылась. Лапы подогнулись. Костяные иглы на спине опали, как увядшие цветы.

Вожак рухнул на бок, подняв тучу пыли и костной трухи.

\\`

Критическое попадание! Урон: 75

Вожак повержен

Опыт: +250

Уровень: 9 → 10!

Ранг повышен: Охотник → Гладиатор!

Очков характеристик: +3

\\`

Алекс сполз с туши Вожака, упал на колени в лужу чёрной крови. Руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которая сотрясала всё тело. Он смотрел на свои ладони — они были красными, мокрыми, липкими. Кровь текла из царапин на лице, из ран на боках, из сбитых костяшек. Кровь капала с ножа, с куртки, с ботинок.

Интерфейс мигнул — новое сообщение развернулось в правом верхнем углу, пульсируя золотистым светом.

\\`

Интеграция Нулевого объекта: 28% → 32%

Предупреждение: поглощена Нулевая энергия Вожака. Интеграция ускорена.

Осколок внутри вас просыпается. С каждым убийством вы становитесь ближе к Нулевой Точке.

Побочные эффекты могут включать: галлюцинации, потерю памяти, изменение личности, физические мутации.

\\`

И следом — ещё одно сообщение:

\\`

НОВЫЙ НАВЫК: КОГОТЬ НУЛЯ (ур.1)

Эффект: материализация осколка в виде когтя на пальцах правой руки. Пробивает броню классов D, C. Урон: СИЛ×2 + (Интеграция/10). Стоимость: 10 ОЗ + 15 ОВ.

Описание: Ты перестал быть человеком. Твоё тело — оружие. Твоя воля — клинок. Нулевая Точка говорит с тобой через кровь, через боль, через смерть. Ты слышишь её? Она зовёт тебя.

\\`

Алекс посмотрел на свою правую руку.

Пальцы были покрыты тонкой чёрной плёнкой — полупрозрачной, почти невидимой, но осязаемой. Плёнка пульсировала в такт его сердцу — медленно, ритмично, как вторичное дыхание. Ногти вытянулись, превратившись в короткие, острые когти — чёрные, блестящие, похожие на обсидиан. Когти были острыми — Алекс провёл одним по стене, и металл заскрипел, как под напильником.

«Коготь Нуля».

Он сжал пальцы в кулак — когти впились в ладонь, оставляя глубокие царапины. Больно. Но приятно. Или не приятно — просто странно. Как будто он получил то, чего всегда хотел, но боялся признаться даже самому себе. Как будто осколок внутри него наконец-то обрёл форму и теперь был готов служить.

\\`

ОЗ: -10 (136/180)

Коготь Нуля: деактивирован

\\`

Чёрная плёнка исчезла — пальцы стали обычными, только с кровавыми царапинами на ладони. Когти втянулись — ногти стали нормальными, короткими, обломанными.

Алекс стоял на коленях, тяжело дыша, и смотрел на свои руки.

«Что я становлюсь?»

Он не знал ответа. Но знал, что назад дороги нет.

Часть четвёртая. Эволюция

7

Лайла нашла его через полчаса.

Она спустилась в технический уровень с аптечкой и Глухарём — немой чувствовал вибрации, вёл её через лабиринт коридоров, мимо трупов крыс, мимо луж чёрной крови, мимо сломанных вентиляторов. Лайла шла за ним, сжимая в руке скальпель — на всякий случай. Её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она не боялась. Она делала свою работу.

Глухарь остановился у входа в гнездо, прижал ладонь к стене. Показал жест: «Он там. Живой. Но слабый».

Лайла вошла.

В гнезде было темно — только тусклый свет фонарика Алекса, который лежал на полу, отбрасывая бледные тени на стены. Алекс сидел у туши Вожака, прислонившись спиной к костяному боку, и его лицо было белым, как мел. Кровь засохла на щеках, на губах, на шее — чёрная, густая, с металлическим отливом. Глаза были открыты, но смотрели в никуда — пустые, как у куклы, как у «Молчаливых», которых они убивали в цитадели Хана.

— Алекс, — позвала Лайла, подходя ближе.

Он не ответил.

— Алекс! — она тронула его за плечо.

Он вздрогнул, повернул голову. В его глазах — голубых, почти прозрачных — мелькнуло что-то, чего Лайла не видела раньше. Не страх, не боль, не усталость. Что-то другое. Пустота. Пустота, которая заполнила его после убийства Хана. Пустота, которая стала его постоянным спутником. И — ещё что-то. Чёрные точки в радужке — микроскопические вкрапления, которых не было раньше. Осколок прорастал в его глаза.

— Я в порядке, — сказал он. Голос был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил и не говорил. — Просто устал.

— Ты не в порядке, — ответила Лайла, открывая аптечку. — У тебя сильное кровотечение. Несколько рёбер треснуты. Следы от когтей на спине — глубокие, некоторые до кости. Ты потерял много крови. Если бы я пришла на час позже...

— Я бы умер, — закончил Алекс. — Знаю. Но я не умер. Я убил Вожака. Я жив.

— На этот раз, — Лайла обрабатывала раны, накладывала швы, вкалывала обезболивающее. Её руки двигались быстро, точно, как у робота. — В следующий раз может не повезти. Ты не железный. Даже с твоим уровнем и выносливостью.

— У меня есть кое-что, — Алекс поднял правую руку, посмотрел на пальцы. — Новый навык. Коготь Нуля. Я могу материализовать осколок в виде когтя. Пробивает броню С-класса.

— Ценой жизни? — спросила Лайла, не поднимая головы. — Стоимость навыка?

— Десять ОЗ плюс пятнадцать ОВ.

— Ты теряешь здоровье, когда используешь его?

— Да.

— Это не навык, — сказала Лайла, затягивая повязку на его боку. — Это проклятие. Ты убиваешь себя, чтобы убивать других. Сколько ещё таких навыков откроется, когда интеграция достигнет пятидесяти процентов? Шестидесяти? Восьмидесяти?

— Не знаю, — ответил Алекс. — Но без этого навыка я бы умер сегодня. Вожак разорвал бы меня на части.

— Или ты бы нашёл другой способ. Без самопожертвования.

— Другого способа не было.

Лайла замолчала. Закончила перевязку. Встала, вытерла руки о тряпку. Посмотрела на Алекса долгим взглядом — в её глазах была не только усталость, но и что-то другое. Страх? Сострадание? Она видела, как осколок меняет людей. Видела, во что превратился Хан. Не хотела, чтобы Алекс повторил его судьбу.

— Ты можешь идти? — спросила она.

— Могу.

Алекс поднялся, пошатнулся, опираясь на стену. Ноги дрожали — от усталости, от боли, от потери крови. Но он стоял. Он всегда стоял.

— Мне нужно забрать трофеи, — сказал он, показывая на тушу Вожака. — Зубы, когти, кости. И осколок. У него внутри должен быть осколок.

— Сейчас? Ты едва стоишь.

— Сейчас, — Алекс достал нож, подошёл к туше. — Если я не заберу осколок сейчас, его заберёт кто-то другой. А я не хочу, чтобы он попал в чужие руки.

Он начал разделывать тушу.

Нож тупился быстро — пришлось точить его о кость каждые несколько минут. Руки устали — пальцы сводило судорогой, ладони покрылись новыми мозолями и порезами. Но он работал. Потому что добыча — это ресурс. Ресурс — это выживание.

Интерфейс фиксировал каждую деталь.

\\`

Туша: Вожак (С-класс, уровень 11)

Масса: ~350 кг

Доступные материалы:

— Костяные пластины (12 шт., качество высокое) — броня класса С

— Зубы (20 шт., качество высокое) — для наконечников стрел или копий

— Когти (10 шт., серповидные) — для метательных ножей или ловушек

— Кости (30 фрагментов) — для инструментов и оружия

— Шкура (грубая, прочная, 5 м²) — защита от холода и слабых ударов

— Осколок Нулевого объекта (средний) — +3% интеграции

\\`

Осколок он нашёл в черепе Вожака, между глазницами, вросшим в кость. Размером с кулак, чёрный, пульсирующий в такт его сердцу. Он осторожно извлёк его кончиком ножа, положил на ладонь. Камень был тёплым — тёплым, как живая плоть, как второй орган, который прижился в его организме и теперь питался его кровью.

«Интеграция: 32% → 35%», — обновил интерфейс.

Алекс убрал осколок в карман — рядом с зубом Пса.

Теперь у него было три осколка. Три голоса, которые шептали в темноте. Три ключа к чему-то, что он не понимал.

8

Он вернулся в бункер через час, шатаясь, опираясь на стену.

Шрам встретил его у входа в столовую — бледный, с перевязанной рукой, но живой. В его единственном глазу мелькнуло облегчение — такое сильное, что он даже не пытался его скрыть. Он подошёл к Алексу, взял его под руку, помог дойти до стула.

— Живой, — сказал Шрам.

— Как видишь, — ответил Алекс, садясь на стул.

— Вожак?

— Мёртв.

— Один?

— Один, — Алекс поднял правую руку, посмотрел на пальцы. — Но помог новый навык. Коготь Нуля. Пробивает броню С-класса.

Шрам посмотрел на его руку — на чёрные вены, которые проступили на запястье, на тонкую чёрную плёнку, которая покрывала пальцы. Он видел, как вены пульсируют — медленно, ритмично, как сердцебиение. Видел, как кожа на пальцах становится тоньше, прозрачнее, как под ней проступают кости.

— Интеграция?

— Тридцать пять процентов.

— Много.

— Знаю.

Шрам сел напротив, положил тесак на стол. Его лицо было серьёзным — без тени улыбки.

— Ты становишься сильнее, — сказал он. — Но платишь за это собой. Сколько ещё таких навыков откроется? Десять? Двадцать? Когда ты перестанешь быть человеком?

— Не знаю, — ответил Алекс. — Но без этих навыков мы бы не выжили. Вожак уничтожил бы бункер. Всех нас.

— Возможно, — Шрам покачал головой. — Но я боюсь не Вожака. Я боюсь тебя. Того, кем ты станешь.

— Я останусь собой, — сказал Алекс. — Обещаю.

— Не обещай, — ответил Шрам. — Делай.

Он встал, подошёл к Алексу, протянул руку. Алекс пожал. Рука Шрама была горячей, твёрдой, с мозолями на каждом сантиметре ладони.

— Ты нужен нам живым, — сказал Шрам. — Не геройствуй.

— Постараюсь, — ответил Алекс.

9

Ночью, когда бункер затих, Алекс сидел в командном центре один.

Он смотрел на интерфейс — на цифры, на строки, на навыки. Всё было как обычно, но что-то изменилось. Что-то внутри него сломалось — или, наоборот, окрепло. Он не мог понять.

\\`

Уровень: 10

Ранг: Гладиатор

Интеграция: 35%

ОЗ: 136/180

ОВ: 45/100

Очки характеристик: +3

\\`

Три очка. Куда вложить? Сила — 8, Ловкость — 8, Выносливость — 10. Интеллект — 7, Восприятие — 6.

«Сила и выносливость, — решил он. — Коготь Нуля требует здоровья. Чем больше ОЗ, тем больше ударов я смогу нанести. И тем больше шансов выжить в следующем бою».

Он распределил очки.

\\`

СИЛ: 8 → 9

ВНС: 10 → 11

ОЗ: 180 → 200

ОВ: 100 → 120

\\`

Тело наполнилось теплом — система перестраивала его, делая сильнее, быстрее, выносливее. Мышцы уплотнялись, кости становились крепче, кровь бежала быстрее. Это было похоже на то, как после долгого сна расправляются суставы — только глубже, интенсивнее, почти болезненно.

Алекс поднял правую руку, сосредоточился.

Коготь Нуля активировался сам — пальцы покрылись чёрной плёнкой, ногти вытянулись, превратившись в короткие острые когти. Чёрные вены проступили на запястье, поднимаясь к локтю, пульсируя в такт сердцу.

\\`

ОЗ: -10 (190/200)

Коготь Нуля: активен

\\`

Он смотрел на свою руку — на когти, на чёрную плёнку, на вены. Это было страшно. И прекрасно. И неправильно. И правильно.

«Я становлюсь монстром, — подумал он. — Но без этого мы бы не выжили».

Он деактивировал навык. Чёрная плёнка исчезла, когти втянулись, вены побледнели.

«Интеграция: 35%».

Он закрыл глаза.

Завтра — новый день. Завтра — новые враги. Завтра — новые решения.

А сегодня — сегодня он будет сидеть в тишине и слушать, как бункер гудит, как генераторы работают, как его люди спят.

И думать о том, кем он становится.

Часть пятая. Цена и новые цели

10

На рассвете Алекс собрал клан в столовой.

Шрам сидел во главе стола, сжимая тесак. Вит перебирал патроны — раскладывал их по кучкам, считал, проверял. Лена и Миша стояли у стены, сжимая копья. Толя лежал на койке — Лайла сказала, что он идёт на поправку, антибиотики работают, инфекция отступила. Его лицо было бледным, но глаза — живыми, с благодарностью.

Архивариус развернул карту на столе — ту самую, с отмеченными уровнями, выходами, угрозами.

— Вожак мёртв, — сказал Алекс. — Рейд отбит. Крысы разбежались. Но это не победа. Это только отсрочка.

— Что дальше? — спросил Вит.

— Дальше — «Собиратели», — ответил Архивариус, показывая на монитор. — Они идут к нам. Будут здесь через день. Может быть, через два. Их ведёт смотрящий. Их командир — человек, которого я не знаю. Но он опасен.

— Мы можем договориться? — спросила Лена.

— Можем, — ответил Алекс. — Но для этого нужно показать, что нас не сломать. Что мы — сила, с которой нужно считаться.

— Как?

— Мы выйдем к ним навстречу, — сказал Алекс. — Не как жертвы. Как охотники.

Шрам поднял голову. Его лицо было серьёзным.

— Это риск, — сказал он. — Если они решат напасть...

— Если они решат напасть, мы покажем им Коготь Нуля, — Алекс поднял правую руку, посмотрел на пальцы. — И «Рассекатель». И тесак Шрама. И «Когти Ворона» Валета. Мы покажем, что «Нулевые» — не игрушки.

Он посмотрел на отряд.

— Завтра на рассвете мы выходим. Шрам, Валет, Глухарь — со мной. Остальные — в бункере. Архивариус — на связи. Лайла — в медотсеке. Если нас не будет через шесть часов...

— Вы будете, — сказал Шрам. — Не смей говорить «если».

— Хорошо, — ответил Алекс. — Тогда готовьтесь.

Он встал, подошёл к окну. За бронированным стеклом была пустошь — серая, бесконечная, пустынная. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом.

Где-то там, за горизонтом, ждали «Собиратели». Где-то там — Мадам с её антибиотиками. Где-то там — выход на поверхность.

«Мы выйдем, — подумал Алекс. — Мы выйдем и увидим солнце. Или умрём, пытаюсь».

Он сжал в кулаке зуб Пса. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Купол, ты умер, чтобы мы вышли. Я не дам твоей смерти быть напрасной».

Он закрыл глаза.

Завтра — новый бой.

Завтра — новый шаг.

Завтра «Нулевые» покажут Воронке, кто они.

Эпилог. Взгляд из тени

11

На пустоши, в десяти километрах от бункера, стоял человек в чёрном плаще.

Его лицо было скрыто капюшоном, но из-под ткани угадывались острые скулы, тонкие губы и глаза — чёрные, без белков, как у смотрящего. На груди — нашивка: череп и скрещённые кости, череп стилизован под робота, с красными светодиодными глазами, которые горели в темноте, как два огня.

Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел в бинокль на бункер — серый купол, торчащий из земли, как надгробный камень. В щелях купола виднелся тусклый свет — бункер

жил. Иногда тени проходили мимо окон — люди, вооружённые, организованные. Не те, кто прячется в страхе. Те, кто готовится к бою.

Рядом с ним парил смотрящий — голубое свечение, пустые глаза, длинные руки, которые двигались неестественно плавно, как будто у него не было костей. Смотрящий мигал — каждые несколько секунд, посылая сигналы в цитадель, передавая данные о перемещениях, о температуре, о биосигналах.

— Они убили Вожака, — сказал человек в плащ. Голос был тихим, спокойным, почти ленивым. — В одиночку. Их лидер — Алекс. Уровень 10. Ранг Гладиатор. У него есть осколок. И новый навык. Коготь Нуля.

Смотрящий мигнул — голубое свечение стало ярче. Он зафиксировал информацию, передал дальше, в нейтральный сектор, Мадам.

— Передай Мадам, — продолжил человек. — «Нулевые» — не игрушки. С ними нужно договариваться. Или готовить артиллерию.

Смотрящий развернулся и исчез в темноте, растворился в серой мгле, как дым, как туман, как сон.

Человек в плаще достал бинокль, посмотрел на бункер ещё раз — на серый купол, на тусклый свет, на тени, которые двигались за стенами.

— Интересно, — прошептал он. — Очень интересно.

Он убрал бинокль, развернулся и пошёл в сторону нейтрального сектора, оставляя за спиной пустошь, серое небо и чёрные силуэты руин. Его шаги были бесшумными — он двигался как тень, как призрак, как сама смерть.

Ветер нёс пепел и пыль, замата следы.

ИТОГОВАЯ СТАТИСТИКА (КОНЕЦ ГЛАВЫ 17)

\\`

Клан: НУЛЕВЫЕ

Лидер: Алекс (ур. 10, ранг Гладиатор)

Офицеры: Шрам (ур. 13), Валет (ур. 8)

Специалисты: Архивариус (ур. 6), Лайла (ур. 2)

Бойцы: Глухарь (ур. 4), Вит (ур. 5),

Толя (ур. 3, идёт на поправку),

Миша (ур. 3), Лена (ур. 4)

Бонус клана: +5% к опыту

Влияние: 75 (+10 за убийство С-класса)

ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЕКСА

СИЛ: 9 \ ЛВК: 8 \ ВНС: 11 \ ИНТ: 7 \ ВСП: 6

ОЗ: 190/200

ОВ: 45/120

Уровень: 10

Ранг: Гладиатор

Интеграция: 35%

Ингибитор: 84 часа

НАВЫКИ

Оценка (ур.1) — дальность 18 м

Рывок (ур.1) — ускорение 3 сек, +50% уклонения, 15 ОВ

Анализ (ур.1) — слабые места, тактика, лояльность

Чувство опасности (ур.1) — предупреждение за 3 сек до атаки, -5 ОВ

Тактический анализ (ур.1) — структура вражеской группы

Без интерфейса (ур.1) — +10% точности, +5% уклонения без системы

Коготь Нуля (ур.1) — пробивает броню С-класса, урон: СИЛ×2 + (Интеграция/10), стоимость: 10 ОЗ + 15 ОВ

ТРОФЕИ

- Костяные пластины Вожака (12 шт.) — материал для брони класса С
 - Зубы и когти Вожака (30+ единиц) — материал для оружия
 - Осколок Нулевого объекта (средний) — +3% интеграции
 - Шкура Вожака (5 м²) — защита от холода и слабых ударов
 - Крысиный жир (8 кг) — топливо
 - Малые осколки из Хранилища (2 шт.)
-

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Переговоры с «Собирателями» (пустошь, 12 часов)
Поход к Мадам за антибиотиками (нейтральный сектор)
Разведка угольной шахты (после переговоров)
Укрепление бункера (усиление вентиляционных шахт)

\\`

Конец главы 17.

ГЛАВА 18. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Часть первая. Тишина после бури

Медотсек пах озоном, кровью и тем особенным, стерильным холодом, который бывает только в помещениях, где слишком часто встречаются со смертью. Алекс сидел на краю койки, сняв куртку, и смотрел, как Лайла обрабатывает последние царапины на его руках. Её пальцы — тонкие, бледные, с обломанными ногтями — двигались быстро, профессионально, без лишних движений. Она не смотрела ему в глаза. Она смотрела на раны, и это было даже лучше — не нужно было выдерживать её взгляд, полный боли и беспомощности.

— Ты мог умереть, — сказала она, накладывая шов на глубокий порез на предплечье. — Ещё сантиметр влево — и когти Вожака порвали бы артерию. Ты бы истёк кровью за минуту. Я бы не успела даже вскрыть аптечку.

— Но не порвали, — ответил Алекс. Голос был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил. — Я жив. Вожак мёртв. Это главное.

— Главное не это, — Лайла затянула шов, отрезала нить. — Главное — что с тобой происходит. Твои вены чернеют. Я видела такое только у Хана. В конце. Когда он уже почти перестал быть человеком. Интеграция — это не просто цифры на экране, Алекс. Это болезнь. И она прогрессирует.

Алекс посмотрел на свою правую руку. Запястье было испещрено тонкими чёрными линиями — как паутина, как трещины на старом асфальте, как корни деревьев, которые прорастают сквозь бетон. Вены вздулись, пульсировали в такт сердцу — медленно, ритмично, как вторичное дыхание. Он провёл пальцем левой руки по чёрной паутине — кожа была горячей, почти обжигающей.

— Интеграция — тридцать пять процентов, — сказал он. — Ингибитор работает. Но Лайла права: организм привыкает. Тридцать процентов был первый критический порог. Следующий — пятьдесят. После пятидесяти, по словам Архивариуса, изменения становятся необратимыми.

— Ты должен остановиться, — Лайла подняла голову, посмотрела ему в глаза. В её взгляде — голубом, почти прозрачном — была не просьба. Требование. — Хватит убивать монстров в одиночку. Хватит рисковать собой. У тебя есть клан. Пусть они помогают.

— Они помогают, — ответил Алекс. — Шрам держит оборону. Валет разведывает. Архивариус анализирует. Вит, Лена, Миша — учатся. Ты лечишь. Без вас я был бы никем. Но убивать Вожака должен был я. Это был мой бой. Моя ответственность.

— Твоя гордыня, — Лайла покачала головой. — Хан тоже думал, что он незаменим. Что только он может решать, что только он может жертвовать собой. Чем это кончилось?

— Хан был тираном, — Алекс встал, натянул куртку. — Я — не Хан.

— Пока нет, — ответила Лайла, убирая инструменты в стерилизатор. — Но осколок не разбирает, кто ты. Он просто растёт. И чем больше ты используешь «Коготь Нуля», тем быстрее он растёт. Каждый удар — это шаг к черте. Помни об этом.

Алекс не ответил. Он вышел из медотсека и направился в столовую — проверить, как там новобранцы.

2

Столовая превратилась в казарму.

Сдвинутые столы служили кроватями, стулья — тумбочками. На стенах вместо картин висели карты и схемы бункера, испещрённые пометками Архивариуса. В углу, у вентиляционной решётки, дежурил Глухарь — он сидел на корточках, прижав ладонь к полу, и его лицо было спокойным, как у статуи. Но пальцы иногда подрагивали — он слушал вибрации. Даже в минуты затишья он не переставал быть их сенсором.

Толя лежал на койке в углу, укрытый тонким одеялом. Его лицо было бледным, но уже не серым, как вчера — антибиотики, которые Лайла достала из запасов Хана, наконец-то начали действовать. Нога была перевязана, опухоль спала, температура упала. Он спал — впервые за несколько дней без кошмаров, без криков, без метаний. Рядом с ним сидела Лена, держа его за руку, и её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который научился ждать. Она не смотрела на Алекса, когда он вошёл. Она смотрела на Толю.

— Он поправится? — спросил Алекс, подходя ближе.

Лена подняла голову. В её глазах — карих, почти чёрных — была усталость, но не сомнение. Только уверенность.

— Лайла сказала, что через неделю он сможет ходить. Через две — драться, — ответила она. — Если не будет осложнений. Антибиотики работают. Инфекция отступила.

— Хорошо, — Алекс сел на соседний стул, положил «Рассекатель» на колени. Клинок был холодным, но в его руке он быстро нагревался, красные прожилки засветились ярче, чувствуя приближение хозяина. — Ты хорошо держалась в рейде. Шрам сказал, что ты убила шесть крыс. Из них две — хроно.

Лена пожала плечами. Жест был скромным, но в уголках её губ мелькнула тень улыбки.

— Я делала то, что должна была, — ответила она. — Толя прикрывал меня с фланга. Миша — с тыла. Мы работали как команда. Как учил Шрам.

— Шрам хороший учитель, — Алекс посмотрел на неё внимательнее. Лена была молода — лет двадцать, не больше. Короткие тёмные волосы, впалые щёки, глубокие тени под глазами. На руках — старые шрамы, белые, почти незаметные. Резанные — от ножа, не от когтей. Кто-то пытался убить её. Или пытался заставить подчиниться. Или просто резал ради удовольствия. Воронка не спрашивала, кто ты. Она просто ломала.

— Ты хочешь идти с нами на переговоры? — спросил Алекс.

Лена замерла. Её глаза расширились — в них мелькнуло удивление, смешанное со страхом.

— С вами? — переспросила она. — С тобой, Шрамом и Валетом? На поверхность? К «Собираателям»?

— Да, — ответил Алекс. — Ты готова.

— Я... — Лена сглотнула. Её кадык дёрнулся. — Я не знаю. Я никогда не была на поверхности. Только в бункере и в туннелях. Я не знаю, что там.

— Там пустошь, — сказал Алекс. — Серое небо. Серый пепел. Ветер, который пахнет пылью и смертью. И люди, которые хотят тебя убить или использовать. Ничего особенного. Как в Воронке, только без крыс.

— И ты хочешь, чтобы я пошла туда?

— Я хочу, чтобы ты стала бойцом, — ответил Алекс. — Настоящим бойцом. Не тем, кто сидит в бункере и ждёт, пока другие принесут победу. Тем, кто идёт в бой и возвращается с трофеями. Или не возвращается. Но честь — не в том, чтобы выжить. Честь — в том, чтобы не прятаться.

Лена посмотрела на Толю. На его лицо — спокойное, почти детское во сне. На его руку, которую она держала. На его ногу, перевязанную бинтами, пропитанными ихтиоловой мазью.

— Он бы пошёл, если бы мог, — сказала она. — Он не трус. Он просто неудачно упал.

— Я знаю, — ответил Алекс. — Поэтому я и беру тебя. Не вместо него. Вместе с ним. Когда он поправится — он пойдёт с нами. А пока — ты.

Лена кивнула. Её лицо стало серьёзным — без тени страха, без тени сомнения.

— Я готова, — сказала она.

— Тогда иди к Шраму. Он даст тебе оружие и броню. Мы выходим через час.

Лена встала, поправила куртку. Посмотрела на Толю в последний раз — на его спокойное лицо, на его ровное дыхание. Потом развернулась и вышла из столовой, оставив Алекса одного с бредящим товарищем.

3

Алекс прошёл в командный центр.

Архивариус сидел за пультом, вглядываясь в мониторы. Его лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени — он не спал уже вторые сутки, анализируя данные с камер наружного наблюдения, расшифровывая записи Хана, строя карты возможных путей отхода. Перед ним на столе лежала раскрытая тетрадь Хана — та самая, с записями о Вожаке, о Хранилище, о Тишине. Рядом — стопка карт, испещрённых пометками разного цвета: красные — зоны высокой опасности, жёлтые — зоны умеренной опасности, зелёные — относительно безопасные зоны.

— «Собиратели» остановились в десяти километрах от нас, — сказал Архивариус, не оборачиваясь. Его голос был сухим, безэмоциональным — он говорил как диктор, зачитываю-

щий сводку погоды. — Они разбили лагерь у старой водонапорной башни. Там есть источник воды — старый артезианский колодец, который работает до сих пор. Я проверил по картам. Вода там чистая, но холодная — примерно восемь градусов.

— Сколько их? — спросил Алекс, садясь на свободный стул.

— Я насчитал двенадцать человек, — ответил Архивариус, выводя на экран увеличенное изображение. — Плюс один смотрящий. Их лидер — женщина. Её зовут Мадам. Уровень 9, ранг Гладиатор. Она — глава «Корпорации», торгового клана, который контролирует Блошинный рынок и большую часть нейтрального сектора. У неё есть своя армия, своё оружие, свои информаторы. Она опасна.

— Чем?

— Умом, — Архивариус повернулся к Алексу. В его глазах — серых, усталых — была не только информация, но и предупреждение. — Она не убивает сама. Она нанимает других. Она не рискует своей жизнью — она рискует чужими. И она всегда выигрывает, потому что её ресурсы бесконечны. У неё есть осколки, артефакты, информация. Она может купить любого. Даже тебя. Если цена будет правильной.

— Я не продаюсь, — ответил Алекс.

— Все продаются, — Архивариус покачал головой. — Вопрос только в цене. И в том, что ты готов отдать. Мадам умеет находить чужие слабости. Твоя слабость — твой клан. Твои люди. Она предложит тебе сделку: осколки в обмен на безопасность. Ресурсы в обмен на информацию. Жизни твоих людей в обмен на... что-то ещё.

— Что ты предлагаешь?

— Будь осторожен, — Архивариус посмотрел на него долгим взглядом. В его взгляде была не только мудрость, но и боль. Боль человека, который видел слишком много предательств, чтобы верить в честность торговцев. — Не верь ничему, что она говорит. Не подписывай ничего, что она предлагает. И не оставляй ей заложников. Если она попросит оставить кого-то из ваших в залог — откажись. Лучше потерять сделку, чем потерять человека.

— Я понял, — Алекс встал, подошёл к монитору. На экране — серая пустошь, чёрные силуэты руин, и в центре — лагерь «Собирателей». Палатки, костры, люди в тёмной одежде. И — смотрящий. Голубое свечение, пустые глаза, длинные руки, которые двигались неестественно плавно, как будто у него не было костей. — Они знают, что мы идём?

— Скорее всего, — ответил Архивариус. — Смотрящий передаёт информацию Мадам в реальном времени. Она знает о нас всё — сколько нас, какое у нас оружие, в каком мы состоянии. Она знает, что ты убил Вожака. Знает, что у тебя есть осколки. Знает, что ты — Гладиатор.

— Тогда почему она не напала? Почему ждёт?

— Потому что она не воин, — Архивариус усмехнулся — сухо, безрадостно. — Она торговец. Она не рискует своими людьми, если можно договориться. Она хочет понять, что

мы за звери. Хочет оценить, насколько мы опасны. И насколько мы полезны. И только потом примет решение.

— Тогда мы покажем ей, что мы опасны, — сказал Алекс, сжимая «Рассекатель». — И полезны. Но не скажем, насколько.

Он вышел из командного центра. Архивариус остался один — с мониторами, с картами, с приближающейся угрозой.

Часть вторая. Распределение

4

Шрам тренировал новобранцев в спортзале.

Миша стоял у мешка, нанося удары своими арматурными кастетами. Его лицо было сосредоточенным, пот заливал глаза, но он не останавливался. Каждый удар — в корпус, в голову, в корпус. Мешок раскачивался, скрипел, пыль сыпалась с потолка. Рядом с ним работала Лена — она оттачивала удары ножом, двигаясь быстрее, агрессивнее, почти безрассудно. Её техника была другой — не силовой, а скоростной. Она била сериями, три-четыре удара подряд, меняя траектории, заставляя противника ошибаться.

Шрам стоял в центре, сжимая тесак, и наблюдал. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который видел слишком много смертей, чтобы волноваться из-за тренировки. Но в его единственном глазу — коричневом, усталом — была не только усталость, но и гордость.

— Хорошо, — сказал он, когда Миша и Лена закончили. — Миша, ты слишком сильно загружаешь корпус. Твои удары мощные, но медленные. Противник с высокой ловкостью уйдёт в сторону и ударит в ответ. Тебе нужно добавлять финты — ложные замахи, смену уровней. Заставляй его ошибаться.

Миша кивнул. Его лицо было красным от напряжения, но он не жаловался. Он всегда был молчаливым, даже в бою. Он просто делал то, что должен был.

— Лена, — Шрам повернулся к ней. — Ты быстрая. Но ты забываешь о защите. Серии хороши, но после третьего удара ты открываешь левый бок. Если противник переживёт твою атаку — он ударит в ответ. И ты упадёшь. Работай над защитой.

Лена кивнула, вытирая пот с лица. Её руки дрожали — от напряжения, от усталости, от адреналина. Но она не останавливалась.

— Шрам, — позвал Алекс, входя в спортзал. — Нужно поговорить.

Шрам повернулся. Его лицо стало серьёзным — он понял, что Алекс пришёл не просто так.

— Миша, Лена, — сказал он. — Продолжайте. Я скоро вернусь.

Они вышли в коридор.

5

— Я беру Лену на переговоры, — сказал Алекс, прислонившись к стене. — Она готова. У неё есть потенциал. И ей нужно набраться опыта.

Шрам замер. Его единственный глаз сузился.

— Ты уверен? — спросил он. — Она ещё зелёная. Если «Собиратели» нападут, она может не выдержать. Испугаться. Ошибиться.

— Все мы когда-то были зелёными, — ответил Алекс. — Ты был зелёным, когда твой брат учил тебя драться. Я был зелёным, когда упал в Воронку. Если мы не дадим шанс новым, клан умрёт. Старые бойцы вымрут, а новых не будет. И тогда нас сожрут крысы. Или «Собиратели». Или Тишина.

Шрам молчал. Смотрел на Алекса долгим взглядом — оценивающим, просчитывающим. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но если она умрёт — это будет на тебе. Ты взял её. Ты отвечаешь.

— Я отвечаю за всех, — ответил Алекс. — За тебя. За Валета. За Глухаря. За Вита. За Лайлу. За Архивариуса. За Толю. За Мишу. За Лену. Я знаю. И я несу эту ответственность. Не напоминай мне об этом.

Шрам хотел возразить, но не стал. Только кивнул, сжав зубы.

— Тогда идём, — сказал он. — Снаряжение готово? Оружие проверено?

— Всё готово, — ответил Алекс. — Мы выходим через час.

Они вернулись в спортзал.

6

Валет ждал у входа в бункер.

Он стоял в тени, прислонившись спиной к бетонной стене, и перебирал ножи. Его пальцы с металлическими накладками — «Когти Ворона» — двигались быстро, уверенно, как у фокусника, который перебирает карты. Лезвия поблёскивали в тусклом свете — сталь, заточенная до бритвенной остроты, без единой царапины. Он проверил каждый нож — баланс, остроту, крепление рукояти. Всё было в порядке. Всё было готово.

— Ты идёшь с нами, — сказал Алекс, подходя к нему. Шрам и Лена стояли за его спиной.

— Знаю, — ответил Валет, не поднимая головы. — Я слышал разговор. Стены в бункере тонкие. Архивариус говорит, что старые конструкции не держат звук. Я слышу почти всё.

— Тогда ты знаешь, зачем мы идём.

— Знаю, — Валет поднял голову. Его глаза — узкие, тёмные — смотрели на Алекса без эмоций. — Переговоры с Мадам. Торговля за антибиотики. Разведка «Собирателей». И проверка Лены в бою, если дойдёт до драки.

— Не должно дойти, — сказал Алекс. — Мы идём договариваться. Не драться.

— В Воронке всегда доходит до драки, — ответил Валет, убирая ножи в ножны. — Рано или поздно. Лучше быть готовым к худшему, чем надеяться на лучшее. Купол учил меня: «Надежда — плохая стратегия. Надежда — это самообман. Готовься к смерти, и жизнь покажется тебе подарком». Я готов.

— Я тоже, — сказала Лена, сжимая нож.

Валет посмотрел на неё. В его взгляде не было ничего — ни одобрения, ни осуждения, ни жалости.

— Посмотрим, — сказал он.

Они вышли из бункера.

7

Пустошь встретила их серым безмолвием и холодным ветром.

Алекс шёл первым, держа «Рассекатель» наготове. Клинок пульсировал в руке — красные прожилки горели ярко, осколок внутри оружия чувствовал приближение других осколков, которые были у «Собирателей». Их было много — Алекс чувствовал их как мелкие уколы где-то в груди, в том месте, где его собственный осколок пульсировал в такт сердцу.

Шрам шёл вторым, сжимая тесак. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который идёт на дело, которое делал сотни раз. Лена шла третьей, её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она сжимала нож, и её пальцы были белыми от напряжения. Валет замыкал, двигаясь бесшумно, как тень. Его «Когти Ворона» поблёскивали в сером свете — красные прожилки пульсировали тускло, артефакт был сыт, но ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется кровь.

— Сколько до лагеря? — спросил Шрам, не оборачиваясь.

— Восемь километров, — ответил Алекс, сверяясь с интерфейсом. — Через два часа будем на месте. Если не встретим препятствий.

— Каких препятствий? — спросила Лена.

— Бегуны, — ответил Валет. — Крысы. Другие выжившие, которые не любят гостей. «Собиратели» могут выставить посты. Смотрящий, скорее всего, уже заметил нас. Мадам знает, что мы идём. Вопрос в том, как она нас встретит — с распростёртыми объятиями или с арбалетами.

— Увидим, — сказал Алекс.

Они пошли быстрее.

8

Через час пути, когда руины старой водонапорной башни стали видны отчётливее, Глухарь — который остался в бункере, но слушал вибрации через систему связи, которую Архивариус настроил на его частоте — передал сообщение.

Алекс почувствовал вибрацию в наушнике — три коротких импульса, пауза, три длинных. Сигнал означал: «Впереди пост. Двое. Не агрессия. Наблюдение».

— Останавливаемся, — сказал Алекс, поднимая руку.

Отряд замер. Лена вжалась в землю, прижалась спиной к обломку бетонной стены. Шрам опустился на корточки, сжимая тесак. Валет исчез в тени — его не было видно, даже когда он стоял рядом.

— Что там? — спросил Шрам.

— Пост, — ответил Алекс, активируя Оценку.

\\`

Обнаружены биосигналы: 2

Класс: люди (уровни 5 и 6)

Дистанция: ~200 метров, прямо по курсу

Статус: наблюдение, не агрессия

Оружие: арбалеты, ножи

\\`

— Двое, — сказал Алекс. — Уровни 5 и 6. Арбалеты. Не агрессия. Просто наблюдают.

— Что делаем? — спросил Валет, появляясь из тени. — Обходим? Убираем? Идём напрямую?

— Идём напрямую, — ответил Алекс. — Мы не враги. Мы послы. Если они попытаются стрелять — уклоняемся. Если попытаются остановить — говорим. Если попытаются убить — тогда отвечаем.

— А если они не поверят, что мы послы? — спросила Лена.

— Тогда мы покажем им, кто мы, — сказал Шрам, усмехнувшись. — Алекс — убийца Хана и Вожака. Шрам — командир «Нулевых». Валет — тень, которая режет глотки. А ты — Лена, новобранец, которая хочет доказать, что она чего-то стоит. Думаю, этого достаточно.

Они пошли вперёд.

9

Пост «Собирателей» был устроен грамотно.

Двое мужчин в чёрной одежде сидели за грудой бетонных обломков, прикрывая друг друга. Один смотрел в бинокль на пустошь, второй держал арбалет наготове, целясь в сторону приближающегося отряда. Их лица были скрыты масками — чёрными, с узкими прорезями для глаз. На груди — нашивки: череп и скрещённые кости, череп стилизован под робота, с красными светодиодными глазами.

Они заметили Алекса за двести метров. Не стреляли. Не окликнули. Просто смотрели.

— Стой, — сказал один из них, когда отряд подошёл на расстояние слышимости. Голос был глухим, безэмоциональным — как у человека, который повторяет одну и ту же фразу сотни раз в день. — Назовитесь.

— Алекс, лидер клана «Нулевые», — ответил Алекс, останавливаясь. Его рука лежала на рукояти «Рассекателя», но не сжимала её — пока. — Мы идём на переговоры с Мадам.

— Оружие на землю, — сказал второй, поднимая арбалет. — Обыск.

— Нет, — ответил Алекс. — Мы не враги. Мы послы. Обыска не будет. Если вы хотите проверить, что у нас нет дурных намерений — позовите командира. Мы подождём.

Первый посмотрел на второго. Второй — на первого. Они колебались.

— Мадам не любит, когда ей указывают условия, — сказал первый.

— А я не люблю, когда меня обыскивают, — ответил Алекс. — У каждого свои недостатки.

Первый достал рацию, что-то прошептал. Через минуту из-за обломков вышел третий мужчина — высокий, худой, с лицом, изрезанным старыми шрамами. На его груди — нашивка командира: череп с красными глазами, обведённый в золотой круг.

— Алекс, — сказал он, снимая маску. Его лицо было грубым, с глубокими морщинами и тяжёлой челюстью. Глаза — чёрные, без белков, как у смотрящего. — Мадам ждёт тебя. Иди за мной. Твои люди останутся здесь.

— Мои люди идут со мной, — ответил Алекс. — Это не обсуждается.

Командир посмотрел на него долгим взглядом. Потом усмехнулся — криво, невесело.

— Как хочешь, — сказал он. — Но если кто-то из них попытается что-то сделать... ты отвечаешь головой.

— Я всегда отвечаю головой, — ответил Алекс.

Они пошли в лагерь.

10

Лагерь «Собирателей» был небольшим, но укреплённым.

Палатки — чёрные, почти невидимые на фоне серой пустоши — стояли полукругом, образуя защитный периметр. В центре — костёр, над которым висел котёл с чем-то, пахнущим мясом и травами. Вокруг костра — скамьи из обломков, покрытые шкурами. У входа в главную палатку — двое охранников с арбалетами, их лица скрыты масками.

Мадам сидела у костра, грея руки над огнём. Она была высокой, с длинными тёмными волосами, заплетёнными в косу, и лицом, которое невозможно было забыть — острые скулы, тонкие губы, глаза — чёрные, как угли, без белков. На ней был чёрный плащ, расшитый серебряными нитями — символ власти, который носили только лидеры крупных кланов. На поясе — два коротких меча, рукояти обмотаны кожей.

Она не встала, когда Алекс подошёл. Не протянула руку. Только подняла голову и посмотрела на него долгим взглядом — оценивающим, просчитывающим, как смотрит торговец на товар, который хочет купить.

— Алекс, — сказала она. Голос был тихим, спокойным, почти ласковым — от этого становилось страшнее. — Убийца Хана. Убийца Вожака. Лидер «Нулевых». Я много слышала о тебе. Говорят, ты силен. Говорят, ты умён. Говорят, у тебя есть осколки.

— Говорят много чего, — ответил Алекс, садясь на скамью напротив. Шрам и Валет остались стоять за его спиной. Лена встала сбоку, сжимая нож, её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. — Я пришёл не слушать слухи. Я пришёл торговаться.

— Торговаться? — Мадам усмехнулась. — Чем? У тебя нет ничего, чего не было бы у меня. Ресурсы? У меня есть склады. Оружие? У меня есть целый арсенал. Люди? У меня их больше. Навыки? Мои бойцы тренировались годами. Что ты можешь предложить такого, чего я не могу получить сама?

— Осколки, — ответил Алекс. — У меня есть осколки. Много осколков. И я знаю, где взять ещё.

Мадам замерла. Её глаза — чёрные, без белков — расширились. В них мелькнуло что-то, похожее на жадность.

— Сколько? — спросила она.

— Неважно, — ответил Алекс. — Важно то, что я готов обменять их на антибиотики. И на информацию. О Тишине. О выходе на поверхность. О том, что скрыто в шахтах.

— Тишина, — повторила Мадам, и её голос дрогнул. — Ты знаешь о Тишине? О том, что скрыто в Разломе?

— Знаю, — ответил Алекс. — И знаю, что она просыпается. Хан сдерживал её своим осколком. Теперь осколок у меня. Но я не такой сильный, как Хан. Моя интеграция — всего тридцать пять процентов. Я не смогу сдерживать Тишину долго.

— Тогда зачем тебе антибиотики? — спросила Мадам. — Ты собираешься лечить Тишину?

— Нет, — Алекс покачал головой. — Я собираюсь лечить своих людей. Один из них ранен. Ему нужны антибиотики. И я готов заплатить за них.

— Чем?

— Осколком, — Алекс достал из кармана малый осколок — тот, что нашёл в Хранилище. Чёрный, пульсирующий, размером с ноготь. Положил на скамью между ними. — Этого достаточно?

Мадам посмотрела на осколок. Её глаза загорелись — в них отразилось пламя костра, и осколок, и что-то ещё, тёмное, жадное, нечеловеческое.

— Достаточно, — сказала она, протягивая руку. — Но я хочу больше.

— Чего?

— Твоей помощи, — Мадам посмотрела на Алекса. В её взгляде была не только жадность, но и страх. — Тишина пугает меня. Не потому, что она сильна. А потому, что я не знаю, как её остановить. Ты убил Хана. Ты убил Вожака. Ты сможешь убить и Тишину? Или хотя бы найти способ её сдержать?

— Не знаю, — ответил Алекс. — Но я попробую. Если ты поможешь нам.

— Чем?

— Информацией, — Алекс достал карту — ту самую, с отмеченными уровнями, выходами, угрозами. — Где выход на поверхность? Где безопасно? Где ловушки? Где армии других кланов? Ты знаешь всё. Ты — Мадам. Ты контролируешь Блошиный рынок. Ты — королева информации.

— Королева? — Мадам усмехнулась. — Скорее, королева слухов. Информация — это товар. И он стоит дорого.

— Я заплачу, — сказал Алекс. — Осколками. Ресурсами. Помощью в бою. Я не прошу у тебя ничего бесплатно. Я хочу торговаться.

Мадам молчала. Смотрела на карту, на осколок, на Алекса. Её лицо было непроницаемым — как каменная маска, как бетонная стена, как лицо сфинкса.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я помогу. Но не сейчас. Сначала — проверка.

— Какая проверка?

— Ты пойдёшь со мной в шахту, — Мадам показала на карту. — Уровень -4. Туда, где спит Тишина. Я хочу увидеть, как ты дерёшься. Хочу понять, на что ты способен. И только тогда я решу, стоит ли с тобой сотрудничать.

Алекс посмотрел на Шрама. Тот покачал головой — «не соглашайся». Посмотрел на Валета. Тот был неподвижен — ни да, ни нет.

— Я пойду, — сказал Алекс. — Один. Мои люди останутся здесь.

— Нет, — ответила Мадам. — Твои люди пойдут с тобой. Я хочу видеть весь ваш клан в деле. Я хочу знать, на что вы способны. Все.

Алекс замер. Думал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но если это ловушка...

— Я не ставлю ловушек, — перебила Мадам. — Я заключаю сделки. И я всегда выполняю свои обещания. Спроси у кого хочешь.

— Я спрошу, — ответил Алекс. — После шахты.

Он встал, взял со скамьи осколок, убрал в карман. Посмотрел на Мадам — в её чёрные глаза, в её спокойное лицо, в её руки, которые лежали на коленях, не двигаясь.

— Мы готовы, — сказал он. — Веди.

Часть третья. В Хранилище

11

Спуск на уровень -4 занял полчаса.

Шахта была старой — угольной, закрытой ещё до Вспышки. Стены — из чёрного камня, блестящего, как обсидиан, с прожилками кварца, которые поблёскивали в свете фонариков.

Пол — неровный, с трещинами, в которых проваливались ноги. Кое-где виднелись старые рельсы, ржавые, почти рассыпавшиеся в труху. Вагонетки — перевёрнутые, сломанные, покрытые слоем пыли и копоти. Воздух — спёртый, тяжёлый, с запахом серы и формалина. Запах смерти, который не выветривался годами.

Мадам шла впереди, освещая путь фонариком. Её шаги были бесшумными — она двигалась как тень, как призрак, как сама смерть. За ней — двое охранников, высокие, в чёрной броне, с арбалетами и мечами. Их лица были скрыты масками — только глаза, чёрные, без эмоций. Они не говорили. Они просто шли.

Алекс шёл за ними, сжимая «Рассекатель». Клинок пульсировал в руке — красные прожилки горели ярче, осколок внутри оружия чувствовал приближение других осколков. Их было много. Десятки. Сотни. Они были повсюду — в стенах, в потолке, в полу. В Хранилище.

Шрам шёл рядом, сжимая тесак. Его лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Он не доверял Мадам. Не доверял её охранникам. Не доверял этому месту. Но он шёл. Потому что Алекс шёл. Потому что он был офицером «Нулевых». Потому что офицеры не бросают своих командиров.

Валет исчез в темноте. Алекс не видел его, но знал — он здесь. Его «Когти Ворона» пульсировали где-то рядом — красные прожилки горели, как угли, как глаза зверя в темноте. Валет был их тенью. Их ангелом-хранителем. Их смертью.

Лена шла последней, сжимая нож. Её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она не боялась. Она боялась, но не показывала этого. Она сжимала нож и смотрела вперёд — на спину Алекса, на его уверенную походку, на его спокойное лицо. И верила, что всё будет хорошо.

12

Хранилище встретило их холодом и темнотой.

Огромная пещера — метров пятьдесят в поперечнике, с высоким, уходящим вверх сводом, который терялся во тьме. Стены — из чёрного камня, с прожилками кварца и какими-то странными символами, которые светились тусклым голубым светом. Символы были древними — Алекс не понимал их значения, но чувствовал, что они важны. Что они — ключ к чему-то, что скрыто в глубине.

И — осколки.

Они были везде. В стенах, в потолке, в полу. Десятки, сотни маленьких чёрных камней, пульсирующих в такт сердцу Алекса. Они вибрировали — тонко, едва слышно, создавая ровный, пульсирующий гул, похожий на дыхание. Гул чувствовался не ушами, а всем телом — вибрации передавались через пол, через стены, через воздух. Это было успокаивающе. И пугающе.

— Здесь, — сказала Мадам, останавливаясь. — Хранилище. Тридцать семь осколков. Все — в капсулах. Все — стабильны. Никто не знает о них, кроме нас. И тех, кто лежит в капсулах на уровне -3. Но они не проснутся. Никогда.

— Почему ты показываешь мне это? — спросил Алекс.

— Потому что я хочу, чтобы ты знал, — ответила Мадам, поворачиваясь к нему. В её глазах — чёрных, без белков — была не только жадность, но и страх. — Если Тишина вырвется на поверхность, все эти осколки станут её частью. Она поглотит их. Станет сильнее. Неудержимее. И тогда никто не выживет. Ни твой клан. Ни мой. Никто.

— Что ты предлагаешь?

— Уничтожить их, — сказала Мадам. — Все. До того, как Тишина проснётся. Осколки — это её еда. Её топливо. Без них она ослабнет. Заснёт. Исчезнет. Или, по крайней мере, перестанет расти.

— Как их уничтожить?

— «Рассекателем», — Мадам посмотрела на клинок Алекса. — Он создан для этого. Энергетическое лезвие разрушает связи осколков с Нулевой Точкой. Один удар — и осколок перестаёт пульсировать. Становится просто камнем. Безопасным. Бесполезным.

— Ты хочешь, чтобы я уничтожил тридцать семь осколков?

— Да, — ответила Мадам. — И ты сделаешь это. Потому что это единственный способ остановить Тишину. И единственный способ спасти своих людей. Если Тишина вырвется, твой бункер станет её первым гнездом. Она сожрёт всех, кто там. Шрама. Валета. Лену. Лайлу. Архивариуса. Вита. Толю. Мишу. Всех.

Алекс замер. Смотрел на осколки — на их чёрную пульсацию, на их тёплый свет, на их зов. Они звали его. Они хотели, чтобы он взял их. Использовал. Стал сильнее. Но он знал — цена будет##ой. Интеграция вырастет. Он перестанет быть человеком. Станет монстром. Как Хан. Как Вожак. Как Тишина.

— Я сделаю это, — сказал Алекс. — Но не сейчас. Сначала — антибиотики. Сначала — переговоры. Сначала — спасение Толи.

Мадам кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда идём. Я покажу тебе выход на поверхность.

Они пошли дальше, в глубину Хранилища, туда, где в чёрной стене виднелась дверь — массивная, стальная, с вентилем посередине. Дверь была старой, покрытой слоем пыли и копоти, но целой. На ней — табличка на двух языках: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД. ОПАСНОСТЬ. НЕ ОТКРЫВАТЬ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ».

— Здесь, — сказала Мадам. — Выход на поверхность. За этой дверью — нейтральный сектор. Блошинный рынок. Твоя цель.

— Спасибо, — ответил Алекс.

Он посмотрел на дверь. На вентиль. На табличку. И почувствовал, как осколок в его груди пульсирует сильнее — в такт сердцу, в такт дыханию, в такт чему-то ещё, что скрыто в глубине Хранилища.

«Скоро, — подумал он. — Скоро мы выйдем. И увидим солнце. Или умрём, попытаюсь».

Он сжал «Рассекатель» и пошёл к выходу.

Часть четвёртая. Новая надежда

13

Они вернулись в бункер через четыре часа.

Алекс сидел в столовой, прислонившись спиной к стене, и смотрел на интерфейс. Цифры плыли перед глазами — ОЗ, ОВ, уровень, интеграция. Всё было как обычно, но что-то изменилось. Что-то внутри него сломалось — или, наоборот, окрепло. Он не мог понять.

\\`

Время с момента активации: 146 часов 23 минуты

Уровень: 10

Интеграция: 35%

Ингибитор: активен. Осталось: 82 часа

ОЗ: 190/200

ОВ: 45/120

\\`

Он встал, подошёл к карте, развёрнутой на столе. Провёл пальцем по линии, ведущей к выходу — к нейтральному сектору, к Блошиному рынку, к поверхности. Дорога была длинной — сорок километров. Через пустошь, через руины, через туннели, где прятались крысы и смотрящие. Через территории других кланов, которые не любили чужаков.

— Ты возьмёшь нас? — спросил Шрам, подходя сзади.

— Да, — ответил Алекс. — Всех. Шрам, Валет, Глухарь, Лена — со мной. Вит, Архивариус, Лайла — в бункере. Толя и Миша — на подхвате. Если нас не будет через двое суток — уходите. К выходу. Не ждите.

— Не дождутся, — ответил Шрам. — Мы будем ждать. Мы всегда ждём.

Алекс повернулся к нему. Посмотрел в его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками. В его взгляде была не только верность, но и что-то ещё. Страх? Сострадание? Любовь? Алекс не знал.

— Ты готов? — спросил он.

— Всегда готов, — ответил Шрам, сжимая тесак.

Алекс кивнул. Посмотрел на отряд — на их лица, на их оружие, на их решимость. Они были его семьёй. Его кланом. Его «Нулевыми».

— Тогда идём, — сказал он. — Завтра на рассвете. К выходу.

Он сжал в кулаке зуб Пса — подарок Купола. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Мы выйдем, Купол, — подумал он. — Мы выйдем и увидим солнце. Или умрём, пыта-
ясь».

Он закрыл глаза. Завтра — новый день. Завтра — новый бой. Завтра «Нулевые» сделают первый шаг к свободе.

ИТОГОВАЯ СТАТИСТИКА (КОНЕЦ ГЛАВЫ 18)

\\`

Клан: НУЛЕВЫЕ

Лидер: Алекс (ур. 10, ранг Гладиатор)

Офицеры: Шрам (ур. 13), Валет (ур. 8)

Специалисты: Архивариус (ур. 6), Лайла (ур. 2)

Бойцы: Глухарь (ур. 4), Вит (ур. 5),

Толя (ур. 3, идёт на поправку),

Миша (ур. 3), Лена (ур. 4)

Бонус клана: +5% к опыту

Влияние: 85 (+10 за переговоры с Мадам)

ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЕКСА

СИЛ: 9 \ ЛВК: 8 \ ВНС: 11 \ ИНТ: 7 \ ВСП: 6

ОЗ: 190/200

ОВ: 45/120

Уровень: 10

Ранг: Гладиатор

Интеграция: 35%

Ингибитор: 82 часа

НАВЫКИ

Оценка (ур.1) — дальность 18 м

Рывок (ур.1) — ускорение 3 сек, +50% уклонения, 15 ОВ

Анализ (ур.1) — слабые места, тактика, лояльность

Чувство опасности (ур.1) — предупреждение за 3 сек до атаки, -5 ОВ

Тактический анализ (ур.1) — структура вражеской группы

Без интерфейса (ур.1) — +10% точности, +5% уклонения без системы

Коготь Нуля (ур.1) — пробивает броню С-класса, урон: СИЛ×2 + (Интеграция/10), стоимость: 10 ОЗ + 15 ОВ

НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

•

Переговоры с Мадам — установлен контакт с «Корпорацией»

- Разведка Хранилища — найдены все 37 осколков
 - Обнаружен аварийный выход на поверхность
-

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Поход к выходу на поверхность (нейтральный сектор)
Переговоры с «Собирателями» о ресурсах
Уничтожение осколков в Хранилище
Подготовка к обороне от Тишины

\\`

Конец главы 18.

ГЛАВА 19. ГНЕЗДО НЕТОПЫРЕЙ

Часть первая. Дорога сквозь пустошь

1

Алекс не спал в ночь перед выходом.

Он сидел в командном центре один, положив ноги на пульт Архивариуса, и смотрел на карту, разложенную на столе. Карта была старой, пожелтевшей, с пометками, сделанными разными почерками — Хана, Архивариуса, его собственным. Красные линии, синие кружки, чёрные кресты. Всё это выглядело как план военной кампании, и, в сущности, так оно и было.

Путь к выходу на поверхность был отмечен жирной зелёной линией — через пустошь, через старую геологическую трещину, через пещеры, которые Архивариус назвал «гнездом нетопырей». Дальше — нейтральный сектор, Блошиный рынок, а за ним — поверхность. Настоящая поверхность. С солнцем, которого он не видел уже почти семь дней. С небом, которое не было серым. С ветром, который пах не пеплом, а свободой.

«Сто пятьдесят два часа с момента активации», — подумал Алекс, глядя на интерфейс. Зелёные цифры пульсировали в темноте, как вторичное сердцебиение, как напоминание о том, что время идёт, а они всё ещё здесь, всё ещё в Воронке, всё ещё не свободны.

Он смотрел на эти цифры так долго, что они начали расплываться перед глазами — 152:18, 152:19, 152:20. Время текло неумолимо, и каждый час приближал его к черте, за которой он перестанет быть человеком. Лайла говорила: «Тридцать процентов — первый критиче-

ский порог. Пятьдесят — второй. После пятидесяти изменения становятся необратимыми». Он был на тридцать восемь. Сорок восемь процентов отделяли его от того, чтобы стать... чем? Ханом? Псом? Маткой? Или чем-то новым, чем-то, что Воронка ещё не породила?

...

Время с момента активации: 152 часа 18 минут

Уровень: 10

Интеграция Нулевого объекта: 36% → 38%

Ингибитор: активен. Осталось: 72 часа

ОЗ: 190/200

ОВ: 120/120

...

Тридцать восемь процентов. На два больше, чем вчера. Осколок рос даже в покое, даже когда он не сражался, не убивал, не использовал «Коготь Нуля». Лайла объясняла это «базовой интеграцией» — процессом, который невозможно остановить полностью, можно только замедлить. Но каждый новый процент напоминал ему о том, что он становится чем-то другим. Не человеком. Оружием. Или жертвой.

Он поднял правую руку, посмотрел на запястье. Чёрные вены — тонкая паутина, которая расплзлась от локтя до пальцев, — пульсировали в такт сердцу. Иногда они светились тусклым фиолетовым, когда он злился или когда осколок чувствовал других осколков поблизости. Лайла говорила, что это побочный эффект — «визуализация Нулевой энергии». Алекс называл это проклятием.

Он провёл пальцем левой руки по чёрной паутине — кожа была горячей, почти обжигающей. Под пальцами проступали вены, вздутые, как корни старого дерева, которое проросло сквозь бетон и теперь питалось его кровью. Иногда, когда он смотрел на них слишком долго, ему казалось, что они двигаются — пульсируют, растут, проникают глубже в плоть. Он не знал, правда это или галлюцинация. Наверное, и то и другое.

Архивариус спал в углу, свернувшись калачиком, укрывшись своей неизменной чёрной мантией, которая, казалось, впитала в себя всю пыль бункера. Старик выглядел ещё старше, когда спал, — морщины глубже, кожа серее, дыхание слабее. Рядом с ним лежала раскрытая тетрадь Хана — та самая, с записями о Вожаке, о Хранилище, о Тишине. Последняя запись была обведена в круг, написана с нажимом, как будто Хан вкладывал в эти строки всю свою злость и отчаяние.

«Уровень -4. Гнездо нетопырей. С-класс. Не приближаться. Оружие неэффективно. Единственное слабое место — глаза. Шанс на попадание — 7%. Выживших — 0».

Алекс закрыл тетрадь, положил на место. Провёл пальцем по обложке — кожаной, потёртой, с выцветшими буквами, которые когда-то составляли имя владельца. Хан был умным. Хан был осторожным. Хан боялся. И этот страх передался Алексу через страницы тетради, через схему пещеры, через чёрные кресты на карте.

Он встал, прошёлся по комнате. Ноги гудели — от усталости, от напряжения, от долгого сидения на одном месте. В командном центре было холодно — система вентиляции работала

с перебоями, и холодный воздух с поверхности просачивался сквозь трещины в стенах. Где-то там, наверху, была пустошь. Серое небо. Серый пепел. Серая тоска.

Он подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. За бронированным стеклом была тьма — бункер находился глубоко под землёй, и единственным источником света были тусклые лампы в коридорах. Но иногда, если долго вглядываться в темноту, начинали мерещиться лица. Лица тех, кого он убил. Лица тех, кто умер, чтобы он мог жить. Купол. Брат Шрама. Хан. Вожак. И ещё десятки, сотни имён, которые система стёрла из его памяти.

«Иногда мне кажется, что я уже мёртв, — писал Хан в своём дневнике. — Что тело продолжает жить без меня. Что осколок управляет мной, а я — только наблюдатель. Иногда я благодарен за это. Иногда — ненавижу».

Алекс понимал его. Не оправдывал, но понимал.

2

Глухарь сидел у выхода из командного центра, прижав ладонь к бетонному полу.

Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делает это каждый день, каждый час, каждую минуту. Он привык к вибрациям, к гулу, к постоянному, никогда не затихающему шуму земли. Для него тишина была пыткой. Тишина означала, что что-то не так. Что опасность затаилась. Что смерть близко.

Сейчас земля гудела — ровно, монотонно, как спящий зверь. Но иногда ритм сбивался — один удар пропускался, два, три — и тогда Глухарь напрягался, его пальцы начинали подрагивать. Что-то происходило там, внизу, на уровне -4, где после рейда затихли крысы, но проснулись нетопыри. Их сердцебиение было быстрым, хаотичным, как у насекомых, — сотни маленьких сердец, которые бились в унисон, создавая ровный, пульсирующий гул.

Алекс подошёл к нему, опустился на корточки. Глухарь открыл глаза — неестественно светлые, почти белые — и посмотрел на Алекса. В его взгляде не было страха. Было предупреждение.

Он показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к полу, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак. Каждое движение было чётким, выверенным — он учил эти жесты годами, пока не превратил их в язык, понятный любому, кто хотел его понять.

«Земля гудит. Они проснулись. Чувствуют нас».

— Сколько? — спросил Алекс, хотя уже знал ответ.

Глухарь показал цифру: двадцать. Потом подумал, добавил: тридцать. Потом сжал руку в кулак и резко разжал — жест, который он использовал, когда не мог сосчитать. «Больше. Не могу сосчитать. Но не все — командиры. Остальные — солдаты. Рабочие».

— Двадцать-тридцать, — повторил Алекс. — Нетопыри. D-класс. Уровни 7-10. Летают, ориентируются на звук, слепые. Их матка — C-класс, тринадцатый уровень. Хан боялся её.

Посылал отряды — отряды не вернулись. Три отряда. Восемнадцать человек. Ни одного выжившего.

Глухарь кивнул. Его пальцы снова задрожали — не от страха, от напряжения. Он чувствовал, как вибрации становятся сильнее, как сердцебиение нетопырей учащается, как они просыпаются и готовятся к охоте. Иногда, в редкие моменты затишья, он слышал их ультразвук — неслышимый для человеческого уха, но ощутимый как покалывание в кончиках пальцев, как давление в ушах, как лёгкое головокружение.

— Мы пойдём через их гнездо, — сказал Алекс. — Это единственный путь к выходу. Архивариус проверил карты. Обходной путь — через западные туннели — завален. Обвал три года назад. «Стальные» контролируют север, и они нас не пропустят — Долговязый ждёт только повода, чтобы напасть. «Корпорация» — юг, но Мадам возьмёт такую цену за проход, что мы останемся без осколков и без оружия. Только восток, через пещеры.

Глухарь посмотрел на него долгим взглядом. В его неестественно светлых глазах отражалась усталость, но не сомнение. Он доверял Алексу. Он пошёл бы за ним в огонь, в воду, в самое сердце Воронки. Потому что Алекс был его вожаком. Потому что Алекс не бросал своих.

«Ты уверен?» — спросил он жестом.

— Уверен, — ответил Алекс. — Мы — «Нулевые». Мы убивали маток. Мы убивали Пса. Мы убивали Вожака. Нетопыри — следующий шаг. А следующих не бывает. После D-класса идёт C-класс, а после C-класса — пустота. Или выход. Я выбираю выход.

Он встал, подошёл к столу, взял «Рассекатель». Клинок был холодным, но в его руке он быстро нагрелся, красные прожилки засветились ярче, чувствуя приближение боя. Осколок внутри оружия пульсировал в такт его сердцу — одно целое, одна система, одна судьба.

«Рассекатель» лежал на столе, и Алекс смотрел на него как на живое существо. Клинок был идеально гладким — ни царапины, ни зазубрины, хотя он прошёл через десятки боёв. Металл, из которого он был сделан, не походил ни на сталь, ни на титан, ни на какой-либо другой известный ему сплав. Он был матовым, почти чёрным, с едва заметными фиолетовыми прожилками, которые пульсировали в такт его сердцу. Осколок внутри оружия чувствовал его — и откликался.

«Каждый удар «Рассекателем» ускоряет интеграцию на 0.1%, — вспомнил он слова Архивариуса. — Каждый час использования — на 0.5%. Долго ты не протянешь, если будешь полагаться только на него».

Алекс сжал рукоять. Красные прожилки засветились ярче — осколок внутри клинка откликнулся на осколок в его груди. Они пульсировали в унисон, как два сердца, бьющихся в одном ритме, как два голоса, поющих одну песню. Песню смерти.

3

Шрам проснулся за час до выхода, хотя почти не спал.

Он сидел на сдвинутых стульях в столовой, положив тесак на колени, и его лицо было бледным — после рейда он потерял много крови, но отказался лечь в медотсек. «Я нужен здесь», — сказал он тогда, когда Лайла пыталась уложить его на койку. «Если нетопыри нападут на бункер, я должен быть первым, кто встретит их. Если я буду в медотсеке — кто будет защищать вас? Ты? Ты — медик, не воин. Архивариус? Он едва стоит на ногах. Вит? Он стрелок, не боец ближнего боя. Я должен быть здесь. Не спорь».

Лайла обработала его раны, зашила глубокие порезы, вколола обезболивающее. Шрам терпел молча, только скрипел зубами, когда игла входила в кожу, и иногда сжимал тесак так сильно, что костяшки пальцев белели. На его боку, под повязкой, адела свежая рана — след когтя нетопыря, который он получил, когда прикрывал отступление Алекса. Кровь сочилась сквозь бинты, но Шрам не обращал внимания. Боль была его старым другом. Она напоминала ему, что он ещё жив.

Рядом сидела Лена, перебирая метательные ножи, которые Валет дал ей на время похода. Её лицо было сосредоточенным, без тени страха, но Алекс видел, как дрожат её руки — крупная, неконтролируемая дрожь, которая сотрясала всё тело. Она боялась. Но не показывала этого. Она сжимала ножи, проверяла баланс, остроту, крепление рукояти. Всё было в порядке. Всё было готово.

На её плече, под курткой, была свежая повязка — нетопырь вцепился ей в плечо, разорвал кожу, мышцы, но не задел кость. Лайла обработала рану, наложила швы, вколола антисептик. «Будет болеть, — сказала она. — Но через день сможешь двигать рукой. Через два — драться». Лена кивнула. Она не жаловалась. Она никогда не жаловалась.

— Ты готова? — спросил Алекс, подходя к ним.

Лена подняла голову. В её глазах — карих, почти чёрных — была усталость, но не сомнение. Она посмотрела на Алекса долгим взглядом, как будто хотела запомнить его лицо. На случай, если не вернётся.

— Готова, — ответила она. — Я буду прикрывать Шрама. И Валета. И тебя. Я буду делать то, что должна. Что нужно делать.

— Хорошо, — Алекс сел напротив, положил «Рассекатель» на стол. — В гнезде нет света. Вообще. Нетопыри ориентируются на звук — чем громче мы шумим, тем быстрее они нас найдут. Поэтому двигаемся тихо. Как тени. Как Валет.

Лена усмехнулась — сухо, безрадостно, одними уголками губ.

— Как Валет? — переспросила она. — У него «Когти Ворона». Он может стать тенью. А я — просто человек. С ножом. И с плечом, которое болит при каждом движении.

— Человек с ножом, который убил шесть крыс в прошлом рейде, — сказал Шрам, открывая глаза. — В том числе двух хроно. Не прибедайся. Ты — боец. Ты — «Нулевая». Ты не просто человек.

Лена посмотрела на него. В её взгляде мелькнуло что-то, похожее на благодарность. Шрам редко хвалил новобранцев — он считал, что похвала расслабляет, а расслабленный боец — мёртвый боец. Но когда он хвалил, это значило много.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Не благодари, — ответил Шрам. — Выживем — расквитаемся. Он открыл глаз — единственный, живой, с красными прожилками от недосыпа — и посмотрел на Лену. — А пока — не подведи.

— Не подведу, — ответила Лена.

Она убрала ножи в ножны, поправила куртку. Встала, потянулась, хрустнула позвонками. Её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она не боялась. Или боялась, но не показывала.

4

Валет ждал у входа в бункер с самого утра.

Он стоял в тени, прислонившись спиной к бетонной стене, и перебирал ножи. Его пальцы с металлическими накладками — «Когти Ворона» — двигались быстро, уверенно, как у фокусника, который перебирает карты. Лезвия поблёскивали в тусклом свете — сталь, заточенная до бритвенной остроты, без единой царапины. Он проверил каждый нож — баланс, остроту, крепление рукояти. Всё было в порядке. Всё было готово.

«Когти Ворона» пульсировали тускло — артефакт был сыт после вчерашней вылазки, но ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется кровь. Валет надеялся, что в пещере найдётся достаточно врагов, чтобы насытить его. Или достаточно друзей, чтобы пожертвовать собой. Он не делал различий. Кровь есть кровь.

Артефакт изменил его. За годы ношения «Когтей» он забыл своё имя, забыл лицо матери, забыл язык, на котором говорил в детстве. Теперь он говорил короткими, рубящими фразами — как человек, который экономит каждое слово, потому что не знает, сколько их у него осталось. Скоро он забудет, как говорить вообще. А потом — как дышать. Но пока он был нужен клану. Пока он был полезен.

— Ты идёшь с нами, — сказал Алекс, подходя к нему. Шрам, Лена и Глухарь стояли за его спиной.

— Знаю, — ответил Валет, не поднимая головы. — Я слышал разговор. Стены в бункере тонкие. Архивариус говорит, что старые конструкции не держат звук. Я слышу почти всё. Кашель Шрама в спортзале. Шаги Лайлы в лаборатории. Слезы Толи, когда он думает, что никто не слышит. Всё.

— Тогда ты знаешь, зачем мы идём.

— Знаю, — Валет поднял голову. Его глаза — узкие, тёмные — смотрели на Алекса без эмоций. В них не было страха, не было надежды, не было ничего, кроме холодного, выверен-

ного расчёта. — Гнездо нетопырей. Двадцать-тридцать тварей D-класса. Матка — С-класс. Путь к выходу. И ты хочешь пройти через это без артиллерии, без подкрепления, без плана Б. Как всегда. Риск на грани безумия.

— План Б — отступить, — ответил Алекс. — Если не получится — отходим к бункеру. Запечатываем вход. Ищем другой путь.

— Другого пути нет, — сказал Валет. — Ты знаешь это. Я знаю это. Архивариус знает это. Карты не врут. Обходных маршрутов нет. Только через гнездо. Только через смерть. Мы идём на смерть. Или на выход. Третьего не дано.

— Тогда идём на выход, — Алекс сжал «Рассекатель». — Мы — «Нулевые». Мы не умираем в гнёздах. Мы умираем на поверхности. С открытыми глазами. Смотря на солнце.

Валет посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах — узких, тёмных — мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или на его подобие.

— Ты всегда такой уверенный? — спросил он.

— Нет, — ответил Алекс. — Но если я покажу неуверенность, отряд развалится. А я не могу этого допустить. Ты же знаешь. Ты сам такой же. Ты не показываешь слабость, потому что слабость — это смерть. Для тебя. Для нас. Для всех.

— Ты прав, — сказал Валет. — Я не показываю. Но иногда мне хочется. Иногда я хочу лечь на пол и закрыть глаза. И не вставать. И не видеть больше этой серости. Этой крови. Этой боли.

— Знаю, — ответил Алекс. — Я тоже.

Они вышли из бункера.

Часть вторая. Вход в темноту

5

Пустошь встретила их серым безмолвием и холодным ветром.

Ветер дул с востока, неся с собой мелкий, колющий пепел, который забивался в глаза, в нос, в рот, заставлял кашлять и жмуриться. Пепел был везде — на земле, на стенах руин, на их одежде, на их лицах. Он был как память о том, что когда-то здесь был город, были люди, была жизнь. Теперь — только пепел и пустота.

Алекс шёл первым, держа «Рассекатель» наготове. Клинок пульсировал в руке — красные прожилки горели ярче обычного, осколок внутри оружия чувствовал приближение нетопырей. Они были далеко — в нескольких километрах, в глубине геологической трещины, — но их присутствие ощущалось как далёкий гул, как вибрация, которая передавалась через землю,

через воздух, через кости. Гул был низким, басовитым, похожим на сердцебиение гигантского зверя.

Шрам шёл вторым, сжимая тесак. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который идёт на дело, которое делал сотни раз. Но Алекс видел, как он прихрамывает — левый бок всё ещё болел после вчерашнего боя. Повязка под курткой намокла — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы. Шрам не жаловался. Он никогда не жаловался.

Лена шла третьей. Её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она сжимала нож, и её пальцы были белыми от напряжения. Плечо болело при каждом шаге, при каждом движении, но она не показывала этого. Она сжала зубы и шла. Вперёд. Не останавливаясь.

Глухарь замыкал строй, двигаясь бесшумно, как тень. Его ладонь была прижата к земле — он чувствовал вибрации. Каждый шаг, каждое дыхание, каждое сердцебиение отдавалось в его пальцах, и он знал, где они, сколько их, как далеко. Земля говорила с ним. И он слушал.

Валет исчез впереди — Алекс не видел его, но знал, что он здесь. Его «Когти Ворона» пульсировали где-то рядом, как второе сердцебиение, как напоминание о том, что смерть всегда рядом. Иногда Алекс видел тень, которая скользила по стенам руин, — Валет проверял путь, искал засады, зачищал опасные участки. Он был их ангелом-хранителем. Их тенью. Их смертью.

— Сколько до трещины? — спросил Шрам, не оборачиваясь.

— Четыре километра, — ответил Алекс, сверяясь с интерфейсом. Карта показывала извилистый путь через пустошь — мимо руин, мимо обломков, мимо старых воронок от бомб, которые остались ещё с прошлой войны. — Через час будем на месте. Если не встретим препятствий.

— Каких препятствий? — спросила Лена.

— Бегуны, — ответил Валет, появляясь из тени. Он стоял на обломке стены в нескольких метрах от них, почти невидимый, почти растворённый в сером свете. — Крысы. Смотрящие. «Собиратели» могут выставить посты. Мадам обещала не мешать, но обещания в Воронке ничего не стоят. Особенно обещания торговцев.

— Мадам — торговец, — сказал Алекс. — Она не будет рисковать своими людьми ради того, чтобы остановить нас. Ей выгоднее, чтобы мы прошли. Если мы выйдем на поверхность — она получит доступ к новым ресурсам. Если умрём — она заберёт наши осколки. В любом случае она в плюсе. Это бизнес. А бизнес не терпит лишних рисков.

— Цинично, — заметил Шрам.

— Реалистично, — ответил Алекс. — Воронка не прощает оптимизма. Оптимисты умирают первыми. Пессимисты — вторыми. Реалисты выживают.

— Ты — реалист? — спросила Лена.

— Я — охотник, — ответил Алекс. — А охотники не делят мир на оптимистов и пессимистов. Они делят его на живых и мёртвых. Я стараюсь быть среди живых.

6

Геологическая трещина открылась перед ними через час пути.

Это был разлом в земле — метров десять в ширину, уходящий вниз, в темноту, насколько хватало глаз. Стены трещины были из чёрного камня, блестящего, как обсидиан, с прожилками кварца, которые поблёскивали в сером свете пустоши, как звёзды, как глаза, как маяки среди тьмы. Изнутри тянуло холодом и запахом аммиака — запахом экскрементов нетопырей, запахом смерти, который копился годами, десятилетиями, может быть, веками.

Алекс подошёл к краю, заглянул вниз. Фонарик выхватил из темноты куски пространства — камни, лужицы чёрной воды, сталактиты, свисающие с потолка, как окаменевшие пальцы гигантской руки. Где-то там, в глубине, пульсировал ультразвук — неслышный для человеческого уха, но ощутимый как вибрация в зубах, в костях, в позвоночнике. Вибрация была слабой, но навязчивой — она не исчезала, даже когда он затыкал уши. Она была внутри него.

Шрам подошёл к краю, посмотрел вниз. Его единственный глаз сузился.

— Глубоко, — сказал он. — Метров сто. Может быть, больше. Если сорвёмся — никто не услышит. Кости не найдёт никто. Даже крысы.

— Не сорвёмся, — ответил Алекс. — Мы — «Нулевые». Мы не срываемся в пропасти. Мы идём по краю, но не падаем.

— Красиво сказано, — усмехнулся Шрам. — Но слова не удержат тебя, если нога соскользнёт. Держись за стену. И за меня.

Глухарь подошёл к краю, опустился на корточки, прижал ладонь к камню. Закрыв глаза. Замер на десять секунд. Потом открыл — показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к камню, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Земля гудит. Они близко. Спят. Но могут проснуться».

— Ультразвук, — сказал Алекс, глядя в темноту. — Они общаются с помощью ультразвука. Если мы создадим помеху — они ослепнут и оглохнут. Ненадолго, на минуту-две. Этого хватит, чтобы пройти. Вопрос в том, как создать помеху без оборудования.

— У нас есть голоса, — сказал Валет, появляясь из тени. — Громкий звук собьёт их эхолокацию. Но он же их и разбудит. Парадокс.

— Значит, не шумим, — ответил Алекс. — Идём тихо. Как мыши. Как тени. Как смерть.

— У нас есть ультразвуковой излучатель? — спросила Лена.

— Нет, — ответил Валет. — Архивариус обещал сделать, но не успел. Нужно время. Реактивы. Схемы. Всё это есть в бункере, но не здесь. Мы сами по себе.

— Тогда будем проходить без него, — сказал Алекс. — Тишина. Ни звука. Ни шага. Ни дыхания. Если кто-то чихнёт или кашляет — нетопыри проснутся. И тогда мы все умрём. Медленно. Болезненно. И не все сразу — сначала одного, потом другого, потом третьего. Они будут кормиться нами, пока мы ещё живы. Пока мы ещё чувствуем боль.

Он посмотрел на отряд. Шрам кивнул. Лена сжала нож. Глухарь показал жест: «Я готов». Валет исчез в темноте — он всегда был готов.

— Тогда — за мной, — сказал Алекс.

Он начал спускаться.

7

Спуск занял почти час.

Трещина сужалась, расширялась, сужалась снова. Стены становились то гладкими, как стекло, то шершавыми, с острыми выступами, которые царапали куртки, резали кожу. Алекс несколько раз поскользнулся на влажных камнях, но Шрам каждый раз подхватывал его, не давая упасть. Сил у Шрама было больше, чем у любого из них, даже после ранения.

Воздух становился спёртым, тяжёлым, насыщенным парами аммиака и сероводорода. Каждый вдох обжигал лёгкие, вызывал кашель, заставлял глаза слезиться. Алекс дышал через рукав куртки, но это почти не помогало — запах проникал сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь поры. Он чувствовал его даже тогда, когда зажимал нос.

Алекс полз первым по узкому карнизу, прижимаясь спиной к стене, освещая путь фонариком. Луч света выхватывал из темноты камни, лужи, сталактиты. И — кости. Мелкие, тонкие, хрупкие — кости крыс, кости людей, кости неизвестно кого. Они хрустели под ногами, как сухие ветки, как лёд под ногами весной. Некоторые были старыми, почти рассыпавшимися в труху. Другие — свежими, ещё сохранившими следы плоти.

Он считал шаги, чтобы не сбиться. Двадцать, сорок, шестьдесят, восемьдесят. Глубина росла, воздух становился холоднее, темнота — плотнее. Фонарик едва пробивал тьму — его луч был бледным, почти бессильным против этого мрака.

Глухарь полз за ним, прижав ладонь к стене. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это сотни раз. Но пальцы иногда подрагивали — он чувствовал вибрации. Нетопыри спали. Их сердцебиение было ровным, медленным — как у спящих зверей. Но иногда ритм сбивался — они видели сны. Или чувствовали приближение опасности. Глухарь не знал. Он мог только чувствовать.

Шрам и Лена замыкали строй, двигаясь бесшумно, как тени. Шрам дышал через рукав куртки, стараясь не издавать ни звука. Его рана болела, но он не обращал внимания. Лена зажимала нос рукой, чтобы не чихнуть — пыль и аммиак щекотали ноздри, вызывали желание чихнуть, которое она подавляла с трудом. Иногда она закрывала глаза на несколько секунд, чтобы отдохнуть от темноты. Открывала — ничего не менялось.

Валет исчез где-то впереди — Алекс не видел его, но знал, что он близко. Его «Когти Ворона» пульсировали где-то рядом, как второе сердцебиение, как напоминание о том, что смерть всегда рядом. Иногда Алекс слышал тихий скрежет металла о камень — Валет проверял стены, искал пути обхода.

8

Пещера открылась перед ними через час спуска.

Она была огромной — метров сто в поперечнике, с высоким, уходящим вверх сводом, который терялся в темноте. Сталактиты свисали с потолка — толстые, каменные, похожие на окаменевшие пальцы гигантской руки, застывшей в вечном крике. Между ними висела паутина — старая, покрытая пылью, но ещё крепкая. В ней запутались кости — мелкие, крысиные, и несколько человеческих рук, высохших, почерневших, с пальцами, сжатыми в кулаки.

Стены пещеры были из чёрного камня, с прожилками кварца и какими-то странными символами, которые светились тусклым голубым светом. Символы были древними — Алекс не понимал их значения, но чувствовал, что они важны. Что они — ключ к чему-то, что скрыто в глубине Воронки, в самом её сердце, в том месте, куда не спускался никто из живых.

Пол был устлан костями — крысиными, человеческими, неизвестно чьими. Черепа, рёбра, позвонки, тазовые кости, фаланги пальцев — всё перемешано, утопано в грязь. Некоторые кости были старыми, почти рассыпавшимися в труху. Другие — свежими, ещё сохранившими следы плоти. Аммиачный запах ударил в нос с новой силой — здесь, в гнезде, он был в десять раз сильнее, чем в трещине. Глаза слезились, горло першило, дыхание перехватывало.

И — нетопыри.

Они висели на потолке, на стенах, на сталактитах. Сотни тел, покрытых чёрной, блестящей шерстью, с перепончатыми крыльями, сложенными вдоль туловища. Некоторые были размером с кошку, другие — с собаку, третьи — с небольшую свинью. Самые крупные — с человеческий рост — висели в центре пещеры, вокруг матки, охраняя её даже во сне.

Их головы были повёрнуты вниз, глаза закрыты — красные, умные, злые глаза, которые во сне видели кошмары. Из пастей капала слюна — белая, густая, с кислым запахом. Слюна шипела, падая на камни, разъедала их, оставляя чёрные дыры. Некоторые камни были источены до основания — там, где слюна капала годами, образовались глубокие воронки.

Шерсть на их телах топорщилась — не от холода, от напряжения. Даже во сне они были готовы к бою. Их когти — длинные, загнутые, как серпы — впивались в камень, оставляя глубокие царапины. Когти были чёрными, блестящими, как обсидиан, с красными прожилками, которые пульсировали в такт их сердцам.

Их лица — вытянутые, с острыми мордами, похожими на собачьи, но более злые, более хищные. Уши — большие, кожистые, с множеством складок — торчали в разные стороны, улавливая малейшие звуки. Даже во сне они подрагивали, реагируя на шорохи, которые доносились из глубины пещеры.

Интерфейс Алекса ожил, подсвечивая нетопырей тревожным красным.

Нетопырь (рабочий). Класс: D. Уровень: 7. ОЗ: 90/90

Особенности: эхолокация (радиус 30 м), ультразвуковой крик (парализует на 2 сек), кровососущий укус (+5 ОЗ нетопырю при попадании), стайный разум (+10% координации)

Слабое место: глаза (не защищены гребнем), уши (чувствительны к громким звукам)

Рекомендуемая тактика: атаковать в стае, ослепить ультразвуком, бить в глаза

Нетопырь (страж). Класс: D. Уровень: 8. ОЗ: 110/110

Особенности: эхолокация, ультразвуковой крик, костяной гребень на спине (-15% к урону),

усиленные когти (+20% к урону), стражник (+30% к координации в радиусе 10 м)

Нетопырь (охотник). Класс: D. Уровень: 9. ОЗ: 130/130

Особенности: эхолокация, ультразвуковой крик, быстрый полёт (+20% к скорости), кровососущий укус, охотник (+50% к урону при атаке из темноты)

— Охотники, — прошептал Алекс, изучая данные. — Стражи. Рабочие. У них есть роли. Как у муравьёв. Как у пчёл. И матка координирует их.

— Ты видишь их структуру? — спросил Валет, появляясь из тени.

— Тактический анализ, — ответил Алекс. — Показывает роли. Синим — рабочие, жёлтым — стражи, красным — охотники. А в центре — матка. Белая точка. Огромная.

— Сколько их?

— Семьдесят, — сказал Алекс. — Семьдесят нетопырей. Плюс матка. Я насчитал. Интерфейс посчитал.

Лена побледнела. Её лицо стало белым, как мел, как полотно, как лицо мертвеца.

— Семьдесят, — повторила она. — Мы не сможем убить семьдесят. Нас четверо. Пятеро с Валетом. Это самоубийство.

— Мы и не будем убивать семьдесят, — ответил Алекс. — Мы пройдем через них. Тихо. Как тени. Как мыши. Если они не проснутся — мы пройдем. Если проснутся — будем прорывать.

— Ты безумен, — сказал Шрам, но в его голосе не было осуждения. Только принятие. Он уже привык к безумию Алекса. Может быть, сам заразился им.

— Возможно, — ответил Алекс. — Но безумцы живут дольше, чем трусы. Трусы умирают от страха. Безумцы — от пули. Но пуля приходит позже, чем страх.

Он шагнул в пещеру.

Часть третья. Немой крик

9

Глухарь шёл первым, прижав ладонь к стене.

Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это сотни раз. Но пальцы иногда подрагивали — он чувствовал вибрации. Нетопыри спали. Их сердцебиение было ровным, медленным — как у спящих зверей. Но иногда ритм сбивался — они видели сны. Или чувствовали приближение опасности. Глухарь не знал. Он мог только чувствовать.

Алекс шёл за ним, сжимая «Рассекатель». Клинок пульсировал в руке — красные прожилки горели тускло, осколок внутри оружия чувствовал других осколков. Их было много. Десятки. Сотни. Они были повсюду — в стенах, в потолке, в полу. В самих нетопырях. Осколки питали их, делали сильнее, быстрее, выносливее. Без осколков нетопыри были бы просто летучими мышами — большими, страшными, но уязвимыми. С осколками они становились монстрами.

Шрам и Лена шли за Алексом, двигаясь бесшумно, как тени. Шрам дышал через рукав куртки, стараясь не издавать ни звука. Его рана болела, но он не обращал внимания. Лена зажимала нос рукой, чтобы не чихнуть — пыль щекотала ноздри, вызвала желание чихнуть, которое она подавляла с трудом. Иногда она наступала на кость — та хрустела, и Лена замирала, боясь, что этот звук разбудит чудовищ. Но нетопыри не просыпались.

Валет исчез в темноте — Алекс не видел его, но знал, что он здесь. Его «Когти Ворона» пульсировали где-то рядом, как второе сердцебиение, как напоминание о том, что смерть всегда рядом. Иногда Алекс слышал тихий свист — Валет подавал сигналы. «Чисто», — означал один свист. «Опасность» — два. «Отходите» — три.

Они прошли полпещеры, когда Глухарь остановился.

Он замер, прижав ладонь к стене, и его лицо исказилось — не страхом, чем-то другим. Тем ужасом, который приходит, когда сталкиваешься с тем, что не укладывается в привычную картину мира. Пальцы задрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которая сотрясала всё тело. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но из его горла вырвался только хрип — тихий, надтреснутый, похожий на стон умирающего.

Он показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак. Каждое движение было резким, почти судорожным.

«Они проснулись. Чувствуют нас».

— Как? — прошептал Алекс, хотя уже знал ответ. — Мы не издавали ни звука. Мы шли тихо. Как мыши. Как тени. Как смерть.

Глухарь покачал головой. Показал другой жест: палец к носу, потом резкое движение в сторону.

«Запах. Они чувствуют запах».

Алекс посмотрел на свои руки. На запёкшуюся кровь, на чёрную грязь под ногтями, на бинты, пропитанные ихтиоловой мазью. На куртку, которая впитала в себя запахи бункера, крыс, Вожака, Хана. Запах. Нетопыри чувствовали запах его крови, его пота, его страха. Они знали, что он здесь. Они ждали его.

— Валет, — прошептал Алекс в наушник. — Мы раскрыты. Готовься к бою.

Из темноты раздался тихий свист — два коротких, один длинный. Сигнал Валета: «Понял. Приготовился».

— Шрам, Лена, — сказал Алекс. — В круг. Спиной друг к другу. Не дайте им зайти с тыла. Бейте на звук. Не закрывайте глаза.

— А если они погасят свет? — спросила Лена.

— Тогда будем драться в темноте, — ответил Алекс. — Мы привыкли.

10

Нетопыри проснулись все одновременно.

Это было не постепенное пробуждение — не медленное, ленивое потягивание, не зевки, не разминание крыльев. Это был взрыв. Тысячи красных глаз открылись разом, как будто кто-то включил рубильник. Тысячи красных глаз, которые смотрели на них из темноты, как звёзды, как угли, как маяки смерти.

Их лица — вытянутые, с острыми мордами — повернулись к отряду. Уши — большие, кожистые — насторожились, улавливая малейшие звуки. Они не закричали. Они не зашипели. Они просто отцепились от стен и начали кружить над пещерой, создавая ровный, пульсирующий гул крыльев, похожий на сердцебиение.

Гул чувствовался не ушами, а всем телом — вибрации передавались через пол, через стены, через воздух. Алекс почувствовал, как вибрируют кости в черепе, как кровь приливает к вискам, как из носа начинает капать тёплая жидкость.

...

Акустическая атака (пассивная)

ОЗ: -2 (188/200)

...

— В круг! — крикнул Алекс, активируя «Чувство опасности». — Спиной друг к другу! Не дайте им зайти с тыла!

Отряд сжался в круг. Шрам — с тесаком, Лена — с ножом, Глухарь — с копьём, Алекс — с «Рассекателем». Валет остался в тени — его задача была атаковать с флангов, когда нетопыри бросятся вперёд.

Первый нетопырь спикировал на Алекса через секунду.

Он двигался бесшумно — только шум крыльев, только свист воздуха, который рассекали перепончатые крылья. Когти были вытянуты вперёд, пасть раскрыта, зубы обнажены. Алекс уклонился в последний момент — когти прошли в сантиметре от его лица, процарапав стену, высекая искры. Он рубанул «Рассекателем» — лезвие рассекло крыло нетопыря, чёрная кровь брызнула на пол, зашипела, как кислота. Тварь взвизгнула — высоко, пронзительно — и рухнула на землю, забилась в агонии.

...

Урон: 28 (критическое попадание в крыло)

Нетопырь: -28 ОЗ (62/90)

Нетопырь повержен. Опыт: +35

...

Второй нетопырь бросился на Шрама. Тот встретил его тесаком — рубящий удар в голову, с разворота, вкладывая в удар все силы. Лезвие вошло в костяной гребень, раскололо его, пробило череп. Кровь брызнула на стены, на пол, на его лицо. Нетопырь рухнул замертво, даже не взвизгнув.

...

Шрам: критическое попадание

Нетопырь повержен. Опыт: +35

Шрам: +35 опыта (бонус клана)

...

Третий и четвёртый атаковали одновременно — слева и справа, целясь в Лену. Девушка не растерялась. Она присела, пропуская первого над собой, и вонзила нож ему в брюхо, распарывая кожу, выпуская внутренности. Второй вцепился ей в плечо — когти разорвали куртку, кожу, мышцы. Лена закричала, но не отступила — ударила нетопыря в глаз, вонзила нож по самую рукоять. Тварь забилась, разжала челюсти, упала.

...

Лена: ОЗ -15 (45/60)

Нетопырь повержен. Опыт: +35

Лена: +20 опыта (бонус клана)

...

— Лена, держись! — крикнул Шрам, отбиваясь от пятого нетопыря.

— Держусь! — ответила Лена, вытирая кровь с лица. — Не дождутся!

11

Валет появился из тени, когда нетопыри начали наседать с флангов.

Он двигался как вихрь — его «Когти Ворона» сверкали в темноте, оставляя кровавые следы. Он рубил крылья, вспарывал животы, вырывал глаза. Кровь заливала его с ног до головы, но он не обращал внимания. Он был в своей стихии — в бою, в хаосе, в смерти.

Первый нетопырь упал с перерезанным горлом. Второй — с когтями в сердце. Третий — с разрубленной головой. Четвёртый — с вырванными глазами.

Четыре нетопыря упали за десять секунд.

Валет: 4 убийства за 10 секунд

Опыт: +140

Валет: +40 опыта (бонус клана)

Но нетопырей было слишком много. Они лезли отовсюду, заполняя пещеру, как вода заполняет тонущий корабль. Их глаза — красные, безумные — горели в темноте, как звёзды, как угли, как маяки смерти. Их крылья — чёрные, перепончатые — создавали ровный, пульсирующий гул, похожий на сердцебиение.

Алекс работал «Рассекателем» как поршнем — вперёд-назад, вперёд-назад. Клинок пел, рассекая плоть, ломая кости, выжигая глаза. Нетопыри падали замертво, но их место занимали новые. Он чувствовал, как силы покидают его, как выносливость падает с каждым ударом, как осколок в груди пульсирует сильнее, требуя крови.

ОВ: 120 → 90 → 60 → 30

ОЗ: 190 → 180 → 170 → 160

В какой-то момент он перестал считать убитых. Их было слишком много. Он просто рубил — вперёд, назад, вверх, вниз. Его тело двигалось само — без команды мозга, без подсказок системы. Он был не человеком, а оружием. Живым оружием.

— Шрам, мы не выдержим! — крикнул Шрам, отбиваясь от трёх нетопырей одновременно. — Их слишком много! Нужно отступить!

— Нет! — крикнул Алекс в ответ, разрубая очередного нетопыря пополам. — Мы не отступаем! Мы прорываемся к выходу! Вперёд, к шахте!

Он указал на тёмный проход в дальней стене пещеры — щель, уходящую вниз, в темноту. Там, в глубине, была шахта. А за шахтой — выход на поверхность. Свобода. Солнце. Жизнь.

— Бежим! — крикнул Алекс. — Лена, прикрой Шрама! Глухарь, за мной! Валет, замыкаешь!

Они побежали.

Валет получил ранение, когда они уже почти достигли прохода.

Нетопырь-охотник спикировал на него сверху — он был крупнее других, с костяным гребнем на спине и длинными, загнутыми когтями, похожими на серпы. Он вцепился Валету в плечо, вырвал кусок мышцы, разорвал кожу, задел кость. Валет зашипел — не закричал, зашипел, как зверь, — и ударил тварь «Когтями Ворона» в голову. Череп лопнул, как переспелый арбуз, брызнув кровью и осколками костей. Нетопырь рухнул, но его когти оставили глубокие раны на плече Валета.

...

Валет: ОЗ -40 (80/150)

Кровотечение: 2 ОЗ/сек. Нужна срочная обработка.

...

— Валет ранен! — крикнула Лена, оборачиваясь. — Он истекает кровью! Я вижу кость!

— Не останавливайся! — крикнул Алекс, рубя очередного нетопыря. — Тащи его к проходу! Я прикрою!

Он развернулся, активировал «Коготь Нуля». Чёрная плёнка покрыла пальцы, ногти вытянулись, превратившись в короткие острые когти. Боль прострелила руку — от пальцев до плеча, от плеча до сердца. ОЗ упало на десять единиц.

...

ОЗ: -10 (150/200)

Коготь Нуля: активен. Урон: $18 + 3.8 = 22$

...

Он ударил ближайшего нетопыря когтями в живот — чёрные лезвия пробили шкуру, мышцы, внутренности. Тварь взвизгнула, забилась, затихла.

...

Нетопырь повержен. Опыт: +35

...

Второго — в глаз, третьего — в горло. Четвёртого — в сердце. Нетопыри падали, как подкошенные, но их было слишком много. Алекс чувствовал, как силы покидают его, как выносливость падает до нуля, как осколок в груди пульсирует сильнее, требуя ещё крови.

...

ОВ: $30 \rightarrow 15 \rightarrow 5$

ОЗ: $150 \rightarrow 140 \rightarrow 130$

...

— Алекс, назад! — крикнул Шрам, появляясь из темноты. — Я прикрою! Уходи!

Он рубанул тесаком направо и налево, отсекая головы двум нетопырям. Кровь брызнула на стены, на пол, на его лицо. Шрам стоял, как скала, как бастион, как последняя линия обороны. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который принял свою судьбу.

— Уходи! — повторил он. — Я догоню!

Алекс колебался секунду. Он смотрел на Шрама — на его лицо, на его единственный глаз, на его тесак, который уже был в крови по самую рукоять. Он знал, что Шрам не отступит. Он знал, что Шрам умрёт, если его оставить.

Но он также знал, что если он останется, они умрут оба. А Валет — тоже. А Лена — тоже. А Глухарь — тоже.

— Догоняй! — крикнул Алекс и побежал к проходу, волоча за собой Валета.

Лена поддерживала его с другой стороны, вцепившись в его здоровую руку. Глухарь бежал рядом, прикрывая их копьём, отбиваясь от нетопырей, которые пытались атаковать с флангов.

Они вбежали в проход.

Шрам отступал, рубя тесаком, не глядя. Нетопыри лезли на него, как мухи на мёд, но он держался. Его лицо было бледным — от усталости, от боли, от потери крови, — но он стоял. Он рубил. Он не отступал.

— Шрам, давай! — крикнул Алекс, уже внутри прохода.

Шрам шагнул назад — и провалился в проход. Нетопыри врезались в стену, заверещали, забились. Они не могли пролезть в узкую щель. Их крылья были слишком широкими, их тела — слишком большими. Они бились о камни, разбивая себе головы, ломая крылья, но не могли пройти.

— Жив, — выдохнул Шрам, прижимаясь к стене. — Жив.

Алекс посмотрел на Валета. Тот лежал на полу, бледный, как мел, и его «Когти Ворона» пульсировали тускло, почти не светились. Потеря крови была критической. Нужно было срочно останавливать кровотечение.

— Лайла, — сказал Алекс в наушник. — Валет ранен. Сильное кровотечение. Нужна инструкция.

— Слушай внимательно, — ответила Лайла. Её голос был спокойным, профессиональным — она говорила как врач, который привык к экстренным ситуациям. — Наложите жгут выше раны. Туго. Не снимайте. Обработайте рану антисептиком. Если есть кровоостанавливающие таблетки — дайте две. Если нет — прижмите рану бинтом и держите, пока кровь не остановится. Не паникуйте. Дышите ровно. Вы справитесь.

Алекс сделал всё, как она сказала. Жгут из ремня. Антисептик из аптечки. Кровоостанавливающие таблетки — две штуки, найденные в кармане Валета. Бинт — туго, до хруста костей.

Валет застонал, открыл глаза. Его лицо было бледным, но глаза — живыми, осмысленными.

— Жив, — прошептал он. — Не дождутся.

— Не дождутся, — ответил Алекс.

Часть четвёртая. Тишина в пещере

13

Они разбили лагерь в небольшом гроте за проходом.

Грот был маленьким — метров десять в поперечнике, с низким потолком, который нависал над головой, как бетонная плита. Стены — из чёрного камня, покрытого слоем пыли и копоти. Воздух — спёртый, тяжёлый, с запахом серы и формалина. Но здесь было безопасно — по крайней мере, безопаснее, чем в пещере.

Валет лежал у стены, укрытый курткой Лены. Его лицо было бледным, но дыхание ровным. Лайла по рации контролировала его состояние — пульс, давление, температуру.

— Стабилен, — сказала она. — Если не будет осложнений — через день сможет идти. Через два — драться. Но не раньше. Не торопитесь. Раны такого рода не терпят спешки.

Шрам сидел у входа, сжимая тесак, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это сотни раз. Но Алекс видел, как дрожит его рука — не от страха, от усталости. Рана на боку снова открылась — повязка промокла насквозь, кровь капала на пол, смешиваясь с пылью и пеплом.

— Сколько мы убили? — спросил Шрам, не оборачиваясь.

Алекс посмотрел на интерфейс.

Убито: 18 нетопырей (D, ур.7-8)

Опыт Алекса: +180

Опыт клана: +540

Трофеи: 18 крыльев (материал для глушителей), 12 когтей (яд),

6 глаз (редкий компонент для зелий ночного зрения),

осколка (малые, +1% интеграции каждый)

— Восемнадцать, — ответил Алекс. — Осталось около пятидесяти. Плюс matka. Она ждёт нас в глубине. Я чувствую её через осколок.

— Много, — сказал Шрам.

— Много, — согласился Алекс. — Но мы живы. Валет жив. Лена жива. Глухарь жив. Ты жив. Я жив. Это главное.

Он подошёл к Валету, опустился на корточки. Посмотрел на его лицо — бледное, осунувшееся, с глубокими тенями под глазами. Его «Когти Ворона» пульсировали тускло, почти не светились. Артефакт был сыт — он получил достаточно крови в бою. Но Алекс знал, что это ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется жертва.

— Ты должен был меня бросить, — сказал Валет, не открывая глаз. — Я был обузой. Ты рисковал отрядом из-за меня. Я тормозил вас. Я подставил вас под удар.

— Я не бросаю своих, — ответил Алекс. — Я говорил тебе: в клане не бросают. Слышал? Не бросают. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

— Глупо, — Валет открыл глаза. В его взгляде — узком, тёмном — была не только усталость, но и что-то другое. Благодарность? Уважение? Алекс не знал. Может быть, просто облегчение. — Но я запомню. Каждое слово. Каждое движение. Каждый удар, который ты нанёс, прикрывая меня.

— Запоминай, — ответил Алекс. — Завтра мы идём к matke. Мне нужно, чтобы ты был в форме. Не подкачай.

— Буду в форме, — ответил Валет и закрыл глаза.

Через минуту его дыхание стало ровным — он спал.

14

Лена дежурила первой.

Она сидела у входа в грот, сжимая нож, и её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она не спала уже почти сутки, но не жаловалась. Она делала то, что должна была. Что нужно было делать. Что требовалось.

Алекс подошёл к ней, сел рядом.

— Как ты? — спросил он.

— Жива, — ответила она. — Рука болит. Плечо. Но это не страшно. Страшно другое. Страшно не успеть. Страшно подвести. Страшно, что кто-то из нас умрёт, а я не смогу помочь.

— Что? — спросил Алекс, хотя уже догадывался.

— Что я испугалась, — Лена посмотрела на него. В её глазах — карих, почти чёрных — была боль. Боль, которую она не могла скрыть. — Когда нетопырь вцепился мне в плечо, я думала, что умру. Думала, что не успею ударить. Что он вырвет мне кусок плоти, и я упаду, и меня сожрут. Я испугалась. По-настоящему. Как никогда в жизни.

— Страх — это не слабость, — ответил Алекс. — Страх — это инструмент. Если ты не боишься, ты не осторожна. А если не осторожна — ты мертва. Ты испугалась, но ты ударила. Ты не отступила. Это и отличает бойца от труса.

Лена посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах появилось что-то, похожее на надежду.

— Ты веришь в это? — спросила она. — На самом деле? Не говоришь просто, чтобы утешить?

— Я должен верить, — ответил Алекс. — Иначе зачем всё это? Зачем мы здесь? Зачем мы рискуем жизнями? Зачем мы убиваем и умираем? Если страх — это просто слабость, то все мы слабаки. Но мы не слабаки. Мы — «Нулевые». Мы — те, кто идёт вперёд, даже когда страшно.

Он встал, похлопал её по плечу — по здоровому. Лена вздрогнула — рана ещё болела, — но не отстранилась. Она привыкла к боли. Или училась привыкать.

— Отдыхай, — сказал Алекс. — Через два часа я сменю тебя.

— Хорошо, — ответила Лена.

Она закрыла глаза. Через минуту её дыхание стало ровным — она спала.

15

Алекс не спал в ту ночь.

Он сидел у стены грота, сжимая «Рассекатель», и смотрел на интерфейс. Цифры плыли перед глазами — ОЗ, ОВ, уровень, интеграция. Всё было как обычно, но что-то изменилось. Что-то внутри него сломалось — или, наоборот, окрепло. Он не мог понять. Может быть, это было действие осколка. Может быть, он просто устал.

...

Время с момента активации: 158 часов 42 минуты

Уровень: 10

Интеграция: 38%

Ингибитор: активен. Осталось: 66 часов

ОЗ: 150/200

ОВ: 30/120

...

Тридцать восемь процентов. На два больше, чем утром. Осколок рос быстрее в бою — каждое убийство, каждый удар «Когтем Нуля» ускорял интеграцию. Лайла предупреждала:

«Если ты продолжишь в том же темпе, через неделю ты перестанешь быть человеком. Твои воспоминания сотрутся. Твоя личность исчезнет. Останется только осколок. И голод».

Он посмотрел на свою правую руку. Чёрные вены вздулись, пульсировали в такт сердцу. Кожа на пальцах стала тоньше, прозрачнее — под ней проступали кости. «Коготь Нуля» менял его. Не только душу — тело. Иногда ему казалось, что его руки больше не принадлежат ему. Они были оружием. Инструментом. Частью системы.

Глухарь сидел у входа, прижав ладонь к стене, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который принял свою судьбу. Он не боялся смерти. Он боялся только одного — не успеть. Не спасти. Не предупредить.

Алекс подошёл к нему, опустил на корточки.

— Ты не спишь, — сказал Алекс. Это был не вопрос — утверждение.

Глухарь открыл глаза. Посмотрел на Алекса. Показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Земля гудит. Матка проснулась. Чувствует нас».

— Сколько до неё?

Глухарь показал цифру: 500. Метров. Потом подумал, добавил: 400. Потом показал три пальца — «триста».

— Триста метров, — повторил Алекс. — Через час будем там. Если не встретим препятствий.

— Препятствия будут, — сказал Шрам из темноты. — Всегда есть препятствия. Воронка не даёт пройти легко. Никогда.

— Завтра, — сказал Алекс. — Завтра мы убьём её. Или умрём. Но не отступим. Не сейчас. Не после всего, что прошли.

Глухарь кивнул. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который не боится смерти. Потому что он уже умер. Давно. В тот день, когда потерял слух. Когда очнулся в темноте, не слыша ничего, кроме гула земли. Когда понял, что мир стал тихим. Навсегда.

Алекс сжал в кулаке зуб Пса — подарок Купола. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Мы выйдем, Купол, — подумал он. — Мы выйдем и увидим солнце. Или умрём, пытаясь. Но мы не сдадимся. Никогда».

Он закрыл глаза. Завтра — новый день. Завтра — новый бой. Завтра «Нулевые» сделают первый шаг к свободе.

А сегодня — сегодня он будет сидеть в темноте и слушать, как дышат его люди. И думать о том, кем он становится.

И бояться. Не смерти. Бояться, что станет монстром. Бояться, что забудет их лица. Бояться, что однажды проснётся и не вспомнит, кто он.

Эпилог. Гул в темноте

Где-то в глубине пещеры, в самом сердце гнезда, матка нетопырей открыла глаза.

Она была огромной — метра четыре в длину, с телом, покрытым чёрной, блестящей чешуёй, которая переливалась в темноте, как лава, как кровь, как сама смерть. Крылья были сложены вдоль туловища, но их размах достигал шести метров — достаточно, чтобы перекрыть весь проход, достаточно, чтобы поднять в воздух тушу весом в полтонны.

Голова — массивная, с широкой пастью, полной игольчатых зубов, расположенных в несколько рядов. Даже при закрытой пасти зубы торчали наружу — жёлтые, длинные, с зазубринами, похожие на пилу. Глаза — красные, умные, злые — смотрели в темноту, и в них не было страха. Только голод.

Она чувствовала их — людей, которые вошли в её гнездо. Чувствовала запах их крови, их пота, их страха. Чувствовала осколки — те, что пульсировали в их груди, привлекая её, как магнит, как приманка, как зов. Осколки звали её. Осколки обещали силу. Осколки говорили с ней на языке, который понимала только она.

Она издала звук — низкий, вибрирующий, похожий на гул трансформатора, но с горловыми обертонами, которые делали его почти музыкальным. Звук разнёсся по пещере, отразился от стен, вернулся эхом. Сигнал к атаке.

Нетопыри зашевелились. Их глаза загорелись красным — сотни, тысячи глаз, которые смотрели в темноту, ища добычу. Они отцепились от стен и начали кружить над пещерой, создавая ровный, пульсирующий гул крыльев, похожий на сердцебиение. Гул был громким, навязчивым, почти невыносимым.

Матка поднялась на лапы. Её брюхо волочилось по полу, оставляя мокрый след. Из пасти капала слюна — белая, густая, с кислым запахом. Слюна шипела, падая на камни, разъедая их, оставляя чёрные дыры. Там, где капала слюна, камни дымились, плавились, превращаясь в чёрную, вязкую жидкость.

«Они пришли, — подумала матка. — Они пришли умереть».

Она шагнула вперёд, к выходу из гнезда, туда, где в темноте дрожали огоньки факелов — огоньки жизни, которую она собиралась погасить. Огоньки надежды, которую она собиралась растоптать.

Война только начиналась.

ИТОГОВАЯ СТАТИСТИКА (КОНЕЦ ГЛАВЫ 19)

Клан: НУЛЕВЫЕ

Лидер: Алекс (ур. 10, ранг Гладиатор)

Офицеры: Шрам (ур. 13), Валет (ур. 8)

Специалисты: Архивариус (ур. 6), Лайла (ур. 2)

Бойцы: Глухарь (ур. 4), Вит (ур. 5),

Толя (ур. 3, идёт на поправку),

Миша (ур. 3), Лена (ур. 4)

ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЕКСА

СИЛ: 9 | ЛВК: 8 | ВНС: 11 | ИНТ: 7 | ВСП: 6

ОЗ: 130/200

ОВ: 5/120

Уровень: 10

Ранг: Гладиатор

Интеграция: 38%

Ингибитор: 66 часов

НАВЫКИ

Оценка (ур.1) — дальность 18 м

Рывок (ур.1) — ускорение 3 сек, +50% уклонения, 15 ОВ

Анализ (ур.1) — слабые места, тактика, лояльность

Чувство опасности (ур.1) — предупреждение за 3 сек до атаки, -5 ОВ

Тактический анализ (ур.1) — структура вражеской группы

Без интерфейса (ур.1) — +10% точности, +5% уклонения без системы

Коготь Нуля (ур.1) — пробивает броню С-класса, урон: СИЛ×2 + (Интеграция/10), стоимость: 10 ОЗ + 15 ОВ

ТРОФЕИ

- Крылья нетопырей (18 шт.) — материал для глушителей
- Когти нетопырей (12 шт.) — материал для ядов
- Глаза нетопырей (6 шт.) — редкий компонент для зелий ночного зрения
- Кровь нетопырей (3 флакона) — компонент для антидотов
- Малые осколки (4 шт.) — +1% интеграции каждый

ПОТЕРИ

- Валет — тяжело ранен (плечо, потеря крови, ОЗ 80/150)
- Лена — легко ранена (плечо, ОЗ 45/60)
- Алекс — истощение ОВ (5/120)
- Шрам — лёгкие ранения (царапины, ушибы)

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Бой с маткой нетопырей (С-класс, уровень 13) — в следующей главе

Выход к шахте (уровень -4) — после боя

Поиск пути на поверхность — приоритет

Восстановление сил (отдых, лечение ран) — необходимо

...

Конец главы 19.

ГЛАВА 20. МАТКА НЕТОПЫРЕЙ

Часть первая. Затишье перед бурей

1

Грот за проходом был тесным, как могила.

Алекс сидел у стены, прислонившись спиной к холодному чёрному камню, и смотрел на интерфейс. Зелёные цифры пульсировали в темноте, как вторичное сердцебиение, как напоминание о том, что время идёт, а они всё ещё здесь, всё ещё в гнезде, всё ещё не свободны.

...

Время с момента активации: 160 часов 12 минут

Уровень: 10

Интеграция Нулевого объекта: 38%

Ингибитор: активен. Осталось: 64 часа

ОЗ: 150/200

ОВ: 5/120

«Рассекатель»: прочность 85%

...

Тридцать восемь процентов. На шесть больше, чем было перед входом в гнездо. Каждый удар «Когтем Нуля», каждая убитая тварь приближали его к черте, за которой он перестанет быть человеком. Лайла говорила: «Пятьдесят процентов — второй критический порог. После пятидесяти изменения становятся необратимыми». До пятидесяти оставалось двенадцать процентов. Двенадцать процентов — это, может быть, дюжина нетопырей. Или один бой с маткой. Или один удар в её сердце.

Он посмотрел на свою правую руку. Чёрные вены вздулись, пульсировали в такт сердцу. Кожа на пальцах стала тоньше, прозрачнее — под ней проступали кости. «Коготь Нуля» менял его. Не только душу — тело. Иногда ему казалось, что его руки больше не принадлежат ему. Они были оружием. Инструментом. Частью системы.

Валет лежал у противоположной стены, укрытый курткой Лены. Его лицо было бледным, как мел, как полотно, как лицо мертвеца. Повязка на плече промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на жгут и антисептик. Дыхание было частым, поверхностным — каждые несколько секунд из его горла вырывался тихий хрип, похожий на стон умирающего.

Лайла по рации контролировала его состояние:

— Пульс — сто двадцать. Давление — девяносто на пятьдесят. Температура — тридцать семь и восемь. Кровопотеря — около литра. Он на пределе. Если вы не найдёте ему переливание в ближайшие шесть часов... — она замолчала, не договорив.

— Что? — спросил Алекс, хотя уже знал ответ.

— Он умрёт, — сказала Лайла. — Не от раны — от потери крови. Мой антисептик остановил кровотечение, но я не могу восполнить то, что уже ушло. Ему нужна кровь. Чья-то кровь. Ваша кровь. Если не найдётся донор...

— Найдётся, — перебил Алекс. — Я.

— У тебя та же группа? — спросила Лайла.

— Не знаю. — Алекс посмотрел на свои руки. На чёрные вены, на бледную кожу, на осколок, который пульсировал в его груди. — Но я — Гладиатор. Моя кровь выдержит. Если не подойдёт по группе — система подстроит. Она всегда подстраивает.

Лайла хотела возразить, но не стала. Только вздохнула — тяжело, обречённо.

— Делай, что должен, — сказала она. — Но помни: каждое переливание ускоряет интеграцию. Чужая кровь — это чужая энергия. Осколок будет расти быстрее. Ты рискуешь.

— Я всегда рискую, — ответил Алекс, отключая рацию.

2

Шрам сидел у входа в грот, сжимая тесак, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это сотни раз. Но Алекс видел, как дрожит его рука — не от страха, от усталости. Рана на боку снова открылась — повязка промокла насквозь, кровь капала на пол, смешиваясь с пылью и пеплом. Левый бок болел при каждом движении — старая травма, которую Шрам получил ещё в боях с Верхними, напоминала о себе с новой силой.

— Сколько мы убили? — спросил Шрам, не оборачиваясь.

— Восемнадцать, — ответил Алекс, сверяясь с интерфейсом. — Осталось около пятидесяти. Плюс матка. Глухарь говорит, она большая. Очень большая. И не летает.

— Не летает? — Шрам повернулся, его единственный глаз сузился. — Как матка крыс?

— Хуже. Глухарь говорит, она приросла к полу. Как опухоль. Как раковая опухоль, которая питается энергией гнезда. Её брюхо — живая фабрика, которая производит яйца и новых нетопырей. Если мы убьём её — рой распадётся. Если нет — они будут плодиться бесконечно.

— Сколько времени у нас есть до того, как она произведёт новую волну?

— Не знаю, — признал Алекс. — Глухарь не может определить. Но чувствует, что она агрессивна. Она знает, что мы здесь. Она ждёт нас.

Он подошёл к выходу из грота, выглянул в темноту. Там, в глубине пещеры, пульсировал ультразвук — неслышный для человеческого уха, но ощутимый как вибрация в зубах, в костях, в позвоночнике. Вибрация была слабой, но навязчивой — она не исчезала, даже когда он затыкал уши. Она была внутри него.

— Матка, — сказал Алекс, прислушиваясь к вибрации. — Она дышит. Я чувствую её дыхание. Через осколок. Как будто она зовёт меня. Как будто хочет, чтобы я пришёл к ней.

— Не ходи, — сказал Шрам. — Пошли Глухаря. Или Валета. Или Лену. Не ходи сам.

— Она зовёт не Глухаря, — ответил Алекс. — Не Валета. Не Лену. Меня. Потому что у меня есть осколок. Потому что я — такой же, как она. Часть системы. Часть Нулевой Точки.

— Ты не такой, — Шрам встал, подошёл к Алексу, положил руку на плечо. Его рука была горячей, твёрдой, с мозолями на каждом сантиметре ладони. — Ты — человек. Ты — лидер «Нулевых». Ты — Алекс. Не забывай это.

— Стараюсь, — ответил Алекс. — Но с каждым днём это всё труднее.

3

Лена сидела у стены, перебирая метательные ножи, которые Валет дал ей на время похода. Её лицо было сосредоточенным, без тени страха, но Алекс видел, как дрожат её руки — крупная, неконтролируемая дрожь, которая сотрясала всё тело. Она боялась. Но не показывала этого. Она сжимала ножи, проверяла баланс, остроту, крепление рукояти. Всё было в порядке. Всё было готово.

На её плече, под курткой, была свежая повязка — нетопырь вцепился ей в плечо, разорвал кожу, мышцы, но не задел кость. Лайла обработала рану, наложила швы, вколола антисептик. «Будет болеть, — сказала она. — Но через день сможешь двигать рукой. Через два — драться». Лена кивнула. Она не жаловалась. Она никогда не жаловалась.

— Ты готова? — спросил Алекс, подходя к ней.

Лена подняла голову. В её глазах — карих, почти чёрных — была усталость, но не сомнение. Она посмотрела на Алекса долгим взглядом, как будто хотела запомнить его лицо. На случай, если не вернётся.

— Готова, — ответила она. — Я буду прикрывать Шрама. И Валета. И тебя. Я буду делать то, что должна. Что нужно делать.

— Хорошо, — Алекс сел напротив, положил «Рассекатель» на колени. — В гнезде темно. Нетопыри ориентируются на звук — чем громче мы шумим, тем быстрее они нас найдут. Поэтому двигаемся тихо. Как тени. Как Валет.

— Как Валет? — Лена усмехнулась — сухо, безрадостно, одними уголками губ. — У него «Когти Ворона». Он может стать тенью. А я — просто человек. С ножом. И с плечом, которое болит при каждом движении.

— Человек с ножом, который убил шесть крыс в прошлом рейде и трёх нетопырей сегодня, — сказал Шрам, не открывая глаза. — Не прибедайся. Ты — боец. Ты — «Нулевая». Ты не просто человек. Ты — воин.

Лена посмотрела на него. В её взгляде мелькнуло что-то, похожее на благодарность. Шрам редко хвалил новобранцев — он считал, что похвала расслабляет, а расслабленный боец — мёртвый боец. Но когда он хвалил, это значило много.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Не благодари, — ответил Шрам. — Выживем — расквитаемся. А пока — не подведи.

— Не подведу, — ответила Лена.

Она убрала ножи в ножны, поправила куртку. Встала, потянулась, хрустнула позвонками. Её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными.

4

Глухарь сидел у стены, прижав ладонь к чёрному камню, и его лицо было напряжённым — напряжённым, как у человека, который слышит то, чего не должны слышать люди. В сером свете фонарика его лицо казалось вырезанным из старого дерева — глубокие морщины, острые скулы, впалые щёки. Но его глаза — неестественно светлые, почти белые — были открыты и смотрели в пространство с пугающей интенсивностью.

Алекс подошёл к нему, опустил на корточки.

— Что ты чувствуешь?

Глухарь моргнул. Ему не нужно было слышать слова — он читал по губам, и делал это лучше, чем кто-либо из них. Его палец — тонкий, с обломанным ногтем — коснулся чёрного камня, потом поднялся вверх, к потолку, потом сжался в кулак.

Жест означал: «Земля гудит. Она проснулась. Чувствует нас. Зовёт».

— Матка?

Глухарь кивнул. Показал другой жест: раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом три пальца, сложенные вместе, потом резкое движение в сторону.

«Она большая. Очень большая. Не двигается. Приросла к полу. Дышит через дыры в брюхе».

— Стигмы, — сказал Алекс, вспоминая уроки биологии из другой жизни. — Как у насекомых. Она дышит через отверстия в брюхе. Если их перекрыть...

Глухарь кивнул снова. Показал жест: палец к горлу, потом резкое движение в сторону — «задохнётся».

— Тогда план, — сказал Алекс, возвращаясь к отряду. — Я, Шрам и Лена отвлекаем охрану. Валет и Глухарь добираются до брюха и закрывают стигмы. Чем угодно — когтями, ножами, тряпками. Чем больше закроете — тем быстрее она задохнётся.

— Я не могу, — сказал Валет, открывая глаза. Его голос был слабым, хриплым, как у человека, который долго не пил и не говорил. — Я едва стою. Я подведу вас. Оставьте меня здесь. Я прикрою тыл. Если нетопыри пойдут за вами — я задержу их.

— Нет, — ответил Алекс. — Ты идёшь с нами. Ты нужен. Твои «Когти Ворона» — единственное оружие, которое может пробить брюхо матки с первого удара. «Рассекатель» слишком большой — застрянет в мышцах. Ножи слишком короткие — не достанут до стигм. Только ты.

— А если я умру?

— Тогда мы похороним тебя здесь, — сказал Алекс. — И запомним. Как Купола. Как брата Шрама. Как всех, кто погиб по пути. Но сначала — ты идёшь с нами. И умирать будешь только после того, как матка умрёт первой.

Валет посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах — узких, тёмных — была не только усталость, но и что-то другое. Благодарность? Уважение? Алекс не знал. Может быть, просто облегчение.

— Хорошо, — сказал Валет. — Я иду.

Он поднялся, пошатнулся, опираясь на стену. Лена поддержала его, вцепившись в здоровую руку. Глухарь встал рядом, прижав ладонь к стене — он чувствовал вибрации, указывая путь.

— Тогда — за мной, — сказал Алекс, активируя «Чувство опасности».

Они вышли из грота.

Часть вторая. Сердце улья

5

Проход был узким — не больше метра в ширину и полутора в высоту. Приходилось идти согнувшись, прижимаясь спиной к стене, чтобы не задеть сталактиты, свисающие с потолка. Сталактиты были острыми, как копья, покрытыми слоем слизи и копоти. Некоторые были сломаны — обломки валялись на полу, хрустели под ногами, как кости, как лёд под ногами весной.

Стены прохода были из чёрного камня, блестящего, как обсидиан, с прожилками кварца, которые поблёскивали в свете фонарика, как звёзды, как глаза, как маяки среди тьмы. Где-то в глубине пульсировал ультразвук — низкий, вибрирующий, похожий на гул трансформатора, но с горловыми обертонами, которые делали его почти музыкальным. Гул чувствовался не ушами, а всем телом — вибрации передавались через пол, через стены, через воздух.

Воздух был спёртым, тяжёлым, насыщенным парами аммиака и сероводорода. Каждый вдох обжигал лёгкие, вызывал кашель, заставлял глаза слезиться. Алекс дышал через рукав куртки, но это почти не помогало — запах проникал сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь поры. Он чувствовал его даже тогда, когда зажимал нос.

Алекс шёл первым, держа «Рассекатель» наготове. Клинок пульсировал в руке — красные прожилки горели тускло, осколок внутри оружия чувствовал других осколков. Их было много. Десятки. Сотни. Они были повсюду — в стенах, в потолке, в полу. В самих нетопырях. Осколки питали их, делали сильнее, быстрее, выносливее. Без осколков нетопыри были бы просто летучими мышами — большими, страшными, но уязвимыми. С осколками они становились монстрами.

Шрам шёл вторым, сжимая тесак. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который идёт на дело, которое делал сотни раз. Но Алекс видел, как он прихрамывает — левый бок всё ещё болел после вчерашнего боя. Повязка под курткой намокла — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы. Шрам не жаловался. Он никогда не жаловался.

Лена и Валет шли за Шрамом, двигаясь бесшумно, как тени. Лена поддерживала Валета, вцепившись в его здоровую руку. Валет сжимал «Когти Ворона» — красные прожилки пульсировали тускло, артефакт был сыт, но ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется кровь.

Глухарь замыкал строй, прижав ладонь к стене. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это сотни раз. Но пальцы иногда подрагивали — он чувствовал вибрации. Нетопыри спали. Их сердцебиение было ровным, медленным — как у спящих зверей. Но иногда ритм сбивался — они видели сны. Или чувствовали приближение опасности.

6

Первые нетопыри появились через сто метров.

Они висели на потолке, в небольшом ответвлении прохода, свернувшись клубками, прижавшись друг к другу для тепла. Их крылья были сложены вдоль туловища, головы повернуты вниз, глаза закрыты. Шерсть — чёрная, блестящая, с красными прожилками, которые пульсировали в такт их сердцам. Когти — длинные, загнутые, как серпы — впивались в камень, оставляя глубокие царапины.

Четверо. Рабочие. D-класс, уровень 7.

Алекс поднял руку — «стой».

Отряд замер. Лена зажала рот рукой, чтобы не дышать слишком громко. Шрам опустился на корточки, сжимая тесак. Валет прислонился к стене, его лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными.

Глухарь прижал ладонь к стене, закрыл глаза. Замер на десять секунд. Потом открыл — показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Они спят. Не чувствуют нас. Можем пройти».

Алекс кивнул. Показал жест: «Вперёд. Тихо. Как мыши».

Они прошли под нетопырями, затаив дыхание. Алекс слышал, как бьётся его сердце — громко, как барабан, как отбойный молоток, как сигнал тревоги. Казалось, что этот звук разбудит всех тварей в радиусе километра. Но нетопыри не просыпались. Они спали, видели сны, дышали ровно, медленно.

Когда они прошли ответвление, Глухарь снова подал сигнал: «Чисто. Идём дальше».

Алекс выдохнул. Воздух вышел со свистом — он не заметил, как задержал дыхание.

— Сколько ещё? — прошептал Шрам.

— По карте — метров двести, — ответил Алекс. — Но Глухарь говорит, что матка чувствует нас. Она знает, что мы идём. Она ждёт.

— Она не одна, — сказал Валет. — У неё есть стражи. И охотники. Те, кто не спят. Те, кто охраняют её даже во сне.

— Сколько?

— Глухарь говорит — трое. Может быть, четверо. Охотники. Уровни 9-10. Они кружат над маткой, как коршуны. Если мы войдём — они нападут первыми.

— Тогда отвлекаем, — сказал Алекс. — Я, Шрам и Лена берём охотников на себя. Валет и Глухарь прорываются к брюху. Закрывают стигмы. Чем больше — тем лучше.

— А если мы не успеем? — спросила Лена.

— Успеем, — ответил Алекс. — Потому что у нас нет выбора.

7

Они вошли в гнездо через десять минут.

Пещера была огромной — метров сто в поперечнике, с высоким, уходящим вверх сводом, который терялся в темноте. Сталактиты свисали с потолка — толстые, каменные, похожие на окаменевшие пальцы гигантской руки, застывшей в вечном крике. Между ними висела паутина — старая, покрытая пылью, но ещё крепкая. В ней запутались кости — мелкие, крысиные, и несколько человеческих рук, высохших, почерневших, с пальцами, сжатыми в кулаки.

Стены пещеры были из чёрного камня, с прожилками кварца и какими-то странными символами, которые светились тусклым голубым светом. Символы были древними — Алекс не понимал их значения, но чувствовал, что они важны. Что они — ключ к чему-то, что скрыто в глубине Воронки, в самом её сердце, в том месте, куда не спускался никто из живых.

Пол был устлан костями — крысиными, человеческими, неизвестно чьими. Черепа, рёбра, позвонки, тазовые кости, фаланги пальцев — всё перемешано, утопано в грязь. Некоторые кости были старыми, почти рассыпавшимися в труху. Другие — свежими, ещё сохранившими следы плоти. Аммиачный запах ударил в нос с новой силой — здесь, в гнезде, он был в десять раз сильнее, чем в проходе. Глаза слезились, горло першило, дыхание перехватывало.

И — нетопыри.

Они висели на потолке, на стенах, на сталактитах. Сотни тел, покрытых чёрной, блестящей шерстью, с перепончатыми крыльями, сложенными вдоль туловища. Некоторые были размером с кошку, другие — с собаку, третьи — с небольшую свинью. Самые крупные — с человеческий рост — висели вокруг матки, охраняя её даже во сне.

Их головы были повернуты вниз, глаза закрыты — красные, умные, злые глаза, которые во сне видели кошмары. Из пастей капала слюна — белая, густая, с кислым запахом. Слюна шипела, падая на камни, разъедая их, оставляя чёрные дыры. Некоторые камни были источены до основания — там, где слюна капала годами, образовались глубокие воронки.

И в центре, на возвышении из костей и слизи, лежала Матка.

8

Она была огромной — метра четыре в длину, с телом, покрытым чёрной, блестящей чешуёй, которая переливалась в темноте, как лава, как кровь, как сама смерть. Крылья были сложены вдоль туловища, но их размах достигал шести метров — достаточно, чтобы перекрыть весь проход, достаточно, чтобы поднять в воздух тушу весом в полтонны. Но Матка не летала. Её крылья атрофировались — они были тонкими, почти прозрачными, с дырами и разрывами. Она не использовала их годами. Может быть, десятилетиями.

Голова — массивная, с широкой пастью, полной игольчатых зубов, расположенных в несколько рядов. Даже при закрытой пасти зубы торчали наружу — жёлтые, длинные, с зазубринами, похожие на пилу. Над глазами — костяной гребень, толстый, массивный, как шлем. Глаза — красные, умные, злые — смотрели в темноту, и в них не было страха. Только голод. Только ожидание. Только холодный, выверенный расчёт.

Брюхо Матки было огромным — почти три метра в диаметре, раздутым, как воздушный шар. Оно пульсировало — внутри шевелились детёныши, сотни маленьких тел, которые росли,

питаюсь энергией матери. Кожа на брюхе была тонкой, почти прозрачной — сквозь неё виднелись тёмные силуэты, искривлённые позвоночники, перепончатые крылья, длинные когти.

И по всему брюху — десятки отверстий, стигм, которые открывались и закрывались в такт дыханию Матки. Стигмы были размером с кулак, с неровными краями, покрытые слизью. Из них сочилась зелёная, густая жидкость, которая шипела, падая на камни, разъедая кости, оставляя чёрные дыры. Каждое дыхание Матки сопровождалось глухим, влажным звуком — как будто кто-то выжимал губку, полную гноя.

Вокруг Матки кружили трое Охотников — её личная гвардия, последняя линия обороны. Они были крупнее других — с человеческий рост, с костяными гребнями на спинах и длинными, загнутыми когтями, похожими на серпы. Их глаза — красные, безумные — горели в темноте, как звёзды, как угли, как маяки смерти. Они не спали. Они ждали.

Часть третья. Смертельный танец

9

— Охотники, — прошептал Алекс, изучая данные интерфейса. — Трое. Уровни 9, 9 и 10. Они кружат над маткой. Если мы подойдём ближе — они нападут.

— Что делаем? — спросил Шрам, сжимая тесак. Его лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными.

— Отвлекаем, — ответил Алекс. — Я, ты и Лена берём охотников на себя. Валет и Глухарь прорываются к брюху. Закрывают стигмы.

— А если охотники заметят Валета?

— Тогда мы умрём, — сказал Алекс. — Но сначала убьём их.

Он посмотрел на Валета. Тот стоял, опираясь на стену, и его лицо было бледным, как мел. Повязка на плече промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на жгут и антисептик. Но он стоял. Держался. Сжимал «Когти Ворона».

— Ты готов? — спросил Алекс.

— Готов, — ответил Валет. Его голос был слабым, хриплым, но твёрдым.

— Тогда — по команде. Три... два... один... БРОСАЙ!

10

Они ворвались в гнездо одновременно.

Алекс бросился на первого Охотника, активируя «Рывок». Время замедлилось — мир стал вязким, как патока. Он видел каждое движение твари — как напряглись мышцы на шее, как открылась пасть, как капнула слюна, как расширились зрачки. Он видел, как сердцебиение

Охотника замедлилось — одно, два, три удара в секунду. Он видел, как кровь течёт по венам — медленно, густо, как смола.

Он рубанул «Рассекателем» — клинок рассек воздух, но Охотник увернулся в последний момент, используя эхолокацию. Когти твари прошли в сантиметре от его лица, процарапав стену, высекая искры. Алекс откатился в сторону, вскочил, ударил снова — в этот раз в крыло.

Клинок вошёл в перепонку, разорвал её, выпустил струю чёрной крови. Охотник взвизгнул — высоко, пронзительно — и рухнул на пол, забился в агонии.

...

Критическое попадание в крыло!

Урон: 38

Охотник: -38 ОЗ (92/130)

...

— Первый! — крикнул Алекс, вытирая кровь с лица.

Второй Охотник бросился на Шрама. Тот встретил его тесаком — рубящий удар в голову, с разворота, вкладывая в удар все силы. Лезвие вошло в костяной гребень, раскололо его, пробило череп. Кровь брызнула на стены, на пол, на его лицо. Охотник рухнул замертво, даже не взвизгнув.

...

Шрам: критическое попадание!

Охотник повержен. Опыт: +50

...

Третий Охотник атаковал Лену. Девушка не растерялась. Она присела, пропуская тварь над собой, и вонзила нож ему в брюхо, распарывая кожу, выпуская внутренности. Охотник забился, разжал когти, упал. Лена добила его ударом в глаз.

...

Лена: критическое попадание!

Охотник повержен. Опыт: +50

...

— Чисто! — крикнула Лена, вытирая нож о шкуру мёртвой твари.

Но было не чисто.

Матка проснулась.

11

Она поднялась на лапах — медленно, тяжело, как будто каждое движение давалось ей с трудом. Брюхо волочилось по полу, оставляя глубокую борозду в костях и грязи. Крылья — атрофированные, тонкие — расправились, создавая ровный, пульсирующий гул, похожий на сердцебиение. Гул был громким, навязчивым, почти невыносимым.

Из пасти вырвался низкий, вибрирующий рык, похожий на гул трансформатора, но с горловыми обертонами, которые делали его почти музыкальным. Рык ударил в стены, отразился эхом, ударил снова. Алекс почувствовал, как вибрируют кости в черепе, как кровь приливает к вискам, как из носа начинает капать тёплая жидкость.

...

Акустическая атака (пассивная)

ОЗ: -5 (145/200)

...

— Валет! — крикнул Алекс, зажимая уши. — Давай! Сейчас или никогда!

Валет и Глухарь бросились к брюху Матки.

12

Валет полз под брюхом Матки, отталкиваясь локтями и пальцами ног. Слизь была липкой, скользкой, пахнувшей гнилью и смертью. Она забивалась в глаза, в нос, в рот, вызывала рвотные позывы, заставляла кашлять и задыхаться. Но он полз. Он не останавливался.

Глухарь полз рядом, прижав ладонь к брюху Матки — он чувствовал пульсацию стигм, ритм дыхания, биение сердца. Он указывал Валету путь — жест, жест, жест. «Там. Здесь. Ещё здесь. Быстрее. Они закрываются».

Валет вонзил «Когти Ворона» в первую стигму.

Когти вошли в плоть — мягкую, податливую, почти без сопротивления. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнувшая железом и серой. Она залила руки, лицо, одежду. Валет провернул когти — раз, другой — расширяя отверстие, разрывая мышцы, повреждая дыхательные пути.

Матка взревела — не завизжала, а именно взревела, низко, басовито, как разъярённый бык. Её тело дёрнулось, брюхо приподнялось, пытаясь раздавить Валета. Глухарь оттолкнул его в сторону — Матка опустилась, и Глухарь оказался прижатым к полу, зажатым между брюхом и камнями.

...

Глухарь: ОЗ -20 (28/60)

Зажато. Не может двигаться.

...

— Глухарь! — закричал Валет.

Немой не ответил. Его лицо было бледным, глаза закрыты — он потерял сознание от боли и давления. Кровь текла из носа, из ушей, из трещин в коже. Но он дышал. Он был жив.

Валет продолжил.

Вторая стигма. Третья. Четвёртая. Он втыкал когти, расширял отверстия, выпускал кровь. Матка задыхалась — каждое её дыхание становилось короче, хриплее, мучительнее. Её тело конвульсивно дёргалось, но она не могла сбросить Валета — её брюхо было слишком тяжёлым, слишком неповоротливым.

...

Валет: закрыто 4 стигмы из 12

Матка: потеряно 40 ОЗ от удушья (360/400)

...

13

Алекс увидел, что Глухарь зажат, и бросился к нему.

Он бежал, перепрыгивая через кости, уворачиваясь от трупов нетопырей, и его сердце колотилось где-то в горле. Шрам и Лена прикрывали его с флангов, отбиваясь от рабочих, которые проснулись от криков Матки.

— Глухарь! — крикнул Алекс, подбегая к нему. — Держись! Я вытащу тебя!

Он упёрся плечом в брюхо Матки, пытаясь приподнять его. Брюхо было тяжёлым — несколько сотен килограммов живой плоти, которая давила на Глухаря, как бетонная плита. Алекс напряг все мышцы — СИЛ 9, ВНС 11 — но брюхо не двигалось. Оно было слишком большим. Слишком мерзким. Слишком мёртвым.

— Не могу, — прошептал Алекс. — Оно слишком тяжёлое. Я не могу его поднять.

— Тогда режь, — сказал Шрам, подбегая сзади. — Режь брюхо. Выпускай детёнышей. Может быть, оно станет легче.

Алекс поднял «Рассекатель» и ударил.

Клинок вошёл в брюхо Матки — в тонкую, почти прозрачную кожу, сквозь которую виднелись тёмные силуэты детёнышей. Кровь хлынула — чёрная, густая, смешанная со слизью и околоплодными водами. Она залила Алекса с ног до головы, ослепила, заставила задыхаться.

Из разреза вывалились детёныши.

Они были маленькими — размером с кошку, слепыми, беспомощными, но уже вооружёнными острыми когтями и игольчатыми зубами. Они пищали — тонко, жалобно — и тыкались мордами в стены, в кости, в ноги Алекса. Они не понимали, что происходит. Они не знали, что их мать умирает. Они просто хотели есть.

Брюхо Матки сдулось, стало легче. Алекс и Шрам оттащили Глухаря в сторону, подальше от детёнышей. Немой открыл глаза — мутные, белые, но живые. Он показал жест: «Спасибо. Жив. Дальше».

— Дальше, — ответил Алекс, вытирая кровь с лица.

14

Валет закрыл восьмую стигму, когда Матка начала задыхаться по-настоящему.

Её дыхание стало прерывистым, хриплым, каждые несколько секунд — пауза, во время которой её тело замирало, как будто она пыталась вспомнить, как дышать. Глаза — красные, злые — потускнели, стали мутными, как у умирающего зверя. Крылья обвисли, перепонки порвались, кости хрустели при каждом движении.

...

Валет: закрыто 8 стигм из 12

Матка: потеряно 80 ОЗ от удушья (280/400)

...

— Ещё немного! — крикнул Валет. — Ещё четыре! Я почти закончил!

Он вонзил когти в девятую стигму — кровь брызнула, заливая лицо. Десятую — Матка застонала. Одиннадцатую — её тело начало оседать, как будто воздух выходил из гигантского шара. Двенадцатую — последнюю.

Матка перестала дышать.

Её глаза погасли — красный свет угас, превратившись в мутную белую пелену. Пасть закрылась. Лапы подогнулись. Крылья сложились вдоль туловища, как у мёртвой птицы.

Матка рухнула на бок, подняв тучу пыли и костной трухи.

...

Матка повержена!

Опыт: +400

Клановый бонус: +30% → +520 опыта

Алекс: уровень 10 → 11!

Валет: уровень 8 → 9!

Глухарь: уровень 4 → 5!

...

15

Алекс стоял над тушей Матки, тяжело дыша, и смотрел на интерфейс. Цифры плыли перед глазами — ОЗ, ОВ, уровень, интеграция. Всё было как обычно, но что-то изменилось. Что-то внутри него сломалось — или, наоборот, окрепло. Он не мог понять.

...

Уровень: 11

Интеграция: 38% → 44%

ОЗ: 130/220

ОВ: 25/130

«Рассекатель»: прочность 80%

Новый навык: «Эхолокация» (пассивный) — вы чувствуете ультразвук

...

«Эхолокация».

Алекс закрыл глаза. И вдруг — он увидел. Не глазами — ушами. Пещера, нетопыри, люди, кости. Всё это проявилось в его сознании как смутные, серые силуэты, очерченные эхом, отражённым от стен. Он слышал, как бьётся сердце Шрама — ровно, спокойно. Как дышит Лена — часто, поверхностно. Как кровь течёт по венам Валета — медленно, густо, как смола.

Он открыл глаза. Всё исчезло.

— Что это было? — прошептал он.

— Новый навык, — сказал Шрам, подходя к нему. — Ты слышал ультразвук. Как нетопыри. Как matka. Теперь ты можешь видеть в темноте. Не глазами — ушами.

— Ценой? — спросил Алекс.

— Ценой интеграции, — ответил Шрам. — Каждый новый навык — это шаг к черте. Помни об этом.

Алекс кивнул. Он посмотрел на правую руку — на чёрные вены, которые стали толще, темнее, пульсирующие чаще. Кожа на пальцах стала почти прозрачной — под ней проступали кости, белые, как мел, как полотно, как лицо мертвеца.

«Коготь Нуля» менял его. Не только душу — тело. Иногда ему казалось, что его руки больше не принадлежат ему. Они были оружием. Инструментом. Частью системы.

«44 процента, — подумал Алекс. — Ещё шесть — и я перестану быть человеком».

Часть четвёртая. Расплата и выход

16

Валет потерял сознание, когда Валет и Глухарь дотащили его до выхода из гнезда.

Он лежал на полу, бледный, как мел, и его «Когти Ворона» пульсировали тускло, почти не светились. Потеря крови была критической — повязка промокла насквозь, кровь капала на пол, смешиваясь с пылью и пеплом. Дыхание было частым, поверхностным — каждые несколько секунд из его горла вырывался тихий хрип, похожий на стон умирающего.

Лена сидела рядом, держа его за руку, и её лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Она не отпускала его руку, даже когда Шрам звал её помогать с перевязкой.

— Он умрёт, — сказала она. — Если мы не найдём кровь... он умрёт.

— Найдём, — ответил Алекс, подходя к ним. — Я. Моя кровь. Я — донор.

— Твоя группа? — спросила Лена.

— Не знаю, — признал Алекс. — Но система подстроит. Она всегда подстраивает.

Он сел рядом с Валетом, закатал рукав куртки. Чёрные вены вздулись, пульсировали в такт сердцу. Кожа на запястье была тонкой, почти прозрачной — под ней проступали вены, синие, как лёд, как небо, как смерть.

Шрам подал ему нож. Алекс взял, полоснул по запястью — глубоко, до крови. Кровь потекла — чёрная, густая, пахнувшая железом и серой. Она падала на пол, шипела, разъедала камни, оставляя чёрные дыры.

— Пей, — сказал Алекс, поднося запястье к губам Валета. — Пей, или ты умрёшь.

Валет открыл глаза — мутные, белые, но живые. Он сжал губами запястье Алекса, начал пить. Кровь текла по его подбородку, по шее, по груди. Он пил жадно, как зверь, как вампир, как умирающий, который хватается за последнюю нить жизни.

Валет: +10 ОЗ (70/150)

Алекс: ОЗ -10 (120/220)

Интеграция: +1% (45%)

Алекс чувствовал, как осколок в его груди пульсирует сильнее — в такт сердцу, в такт дыханию, в такт чему-то ещё, что скрыто в глубине гнезда. Каждая капля крови, которую он отдавал, приближала его к черте. Но он не мог остановиться. Валет был его другом. Его братом. Его «Нулевым».

— Хватит, — сказал Шрам, оттаскивая Алекса. — Ему достаточно. Ты убьёшь себя.

— Я не умру, — ответил Алекс, зажимая рану на запястье. — Я — Гладиатор. Я — «Нулевой». Я — Алекс.

— Ты — человек, — сказал Шрам. — Не забывай это.

— Стараюсь, — ответил Алекс. — Но с каждым днём это всё труднее.

17

Они нашли выход из гнезда через час.

Это была не дверь — трещина в стене, узкая, почти незаметная, заваленная костями и мусором. Глухарь чувствовал сквозь неё вибрации — слабые, далёкие, но живые. Ветер. Свежий воздух. Свобода.

— Там, — сказал Алекс, показывая на трещину. — Выход. На поверхность. Не прямо — через шахты, через туннели. Но выход.

— Сколько до него? — спросил Шрам.

— Не знаю, — ответил Алекс. — Глухарь говорит — несколько километров. Может быть, пять. Может быть, десять.

— А что там, за выходом?

— Не знаю, — снова сказал Алекс. — Но там не Воронка. Там пустошь. А за пустошью — поверхность. Настоящая. С солнцем. С небом. С ветром, который пахнет не пеплом, а свободой.

Шрам посмотрел на него долгим взглядом. В его единственном глазу — коричневом, усталом, с красными прожилками — была не уверенность, но и не сомнение. Что-то среднее. Надежда. Или её подобие.

— Тогда идём, — сказал он. — Чего мы ждём?

— Валета, — ответил Алекс. — Он не может идти. Ему нужно время. День. Может быть, два.

— У нас нет двух дней, — сказала Лена, показывая на потолок. — «Собиратели» спускаются. Я слышу их шаги. Они будут здесь через час. Может быть, через два. Если мы не уйдём сейчас — они нас найдут. И тогда мы все умрём.

— Тогда уходим, — сказал Алекс. — Валета понесём. Глухарь, Лена — вы. Шрам — прикрывает. Я — замыкаю.

— А если «Собиратели» догонят?

— Тогда будем драться, — ответил Алекс. — Или договариваться. Посмотрим.

Он подошёл к Валету, опустился на корточки. Посмотрел на его лицо — бледное, осунувшееся, с глубокими тенями под глазами. Его «Когти Ворона» пульсировали тускло — артефакт был сыт, но ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется жертва.

— Ты слышишь меня? — спросил Алекс.

Валет открыл глаза — мутные, белые, но живые. Кивнул.

— Я слышу, — прошептал он. — Не оставляйте меня.

— Не оставим, — ответил Алекс. — Мы — «Нулевые». Мы не бросаем своих. Никогда.

Он подхватил Валета под руку, помог подняться. Лена поддержала его с другой стороны. Глухарь пошёл вперёд, прижав ладонь к стене — он чувствовал вибрации, указывая путь. Шрам замыкал, сжимая тесак.

Они вошли в трещину.

Трещина была узкой — не больше метра в ширину, с низким потолком, который местами опускался так низко, что приходилось ползти на четвереньках. Стены — из чёрного камня, с острыми выступами, которые царапали куртки, резали кожу, оставляя на руках и лицах тонкие, болезненные царапины.

Алекс полз последним, оглядываясь. Где-то там, в гнезде, «Собиратели» уже спускались. Он слышал их шаги — тяжёлые, уверенные, не скрывающиеся. Их голоса — низкие, грубые, с металлическими нотками. Их оружие — арбалеты, мечи, топоры.

Они не знали, что Матка мертва. Не знали, что отряд ушёл. Не знали, что их ждёт впереди.

«Пусть ищут, — подумал Алекс. — Пусть думают, что мы прячемся. Пусть боятся. Страх — это оружие. И я умею им пользоваться».

Он сжал в кулаке зуб Пса — подарок Купола. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Мы выйдем, Купол, — подумал он. — Мы выйдем и увидим солнце. Или умрём, попытаюсь. Но мы не сдадимся. Никогда».

Он закрыл глаза.

Впереди — шахты, крысы, новые враги. Позади — гнездо, Матка, «Собиратели». А сверху — серый свет, который манил его, как маяк, как надежда, как цель.

«Я иду, — подумал Алекс. — Я иду к тебе, свобода. Я иду к тебе, солнце. Я иду к тебе, жизнь».

Он открыл глаза и пополз дальше.

ИТОГ ГЛАВЫ 20:

Параметр Значение

Уровень Алекса 11

Интеграция 45%

Новый навык «Эхолокация» (пассивный)

Способ убийства Перекрытие дыхания (стигмы)

Ключевой герой Валет (закрыл 12 стигм)

Потери Глухарь контужен, Валет без сознания, Алекс отдал кровь

Трофеи 12 стигм (редкий компонент), шкура матки (броня класса С)

Дальнейший путь Шахты уровня -4 → крысиные туннели → выход

Конец главы 20.

ГЛАВА 21. ЛЕТОПИСЕЦ

Часть первая. Тишина после бури

1

Гнездо нетопырей больше не гудело.

Алекс стоял на коленях в густой, тёплой луже, которая медленно растекалась из-под туши Матки, и впервые за много часов слышал только собственное дыхание. Оно было хриплым, прерывистым — как у человека, который только что понял, что жив, и ещё не успел этому обрадоваться. В груди саднило, в горле першило — ультразвуковой крик Матки оставил после себя не только потерю здоровья, но и странное, пульсирующее ощущение, будто кто-то наждачной бумагой прошёлся по внутренностям.

Интерфейс пульсировал перед глазами багровыми и золотыми вспышками: уровень 11, интеграция 45 процентов, новый навык «Эхолокация». Цифры плыли, сливались, теряли значение. Они просто были. Как боль. Как усталость. Как осознание того, что они всё ещё дышат.

Он вытер лицо рукавом, и ткань стала мокрой от чёрной, густой жидкости, пахнувшей железом, аммиаком и чем-то приторно-сладким — запахом разлагающейся плоти, которая ещё не начала гнить, но уже отдавала смертью. Куртка, когда-то бывшая чёрной, превратилась в бурую, с фиолетовыми разводами там, где на ткань попала слизь Матки. Она застывала, делала материю жёсткой, похожей на картон, и при каждом движении противно скрипела.

Гнездо изменилось.

С того момента, как перестало биться сердце Матки, воздух стал другим — менее спёртым, менее вязким, более сухим. Исчез ультразвуковой гул, который давил на зубы, на кости, на барабанные перепонки, и теперь тишина казалась почти живой, почти осязаемой. Она слышалась как тонкий, едва уловимый звон в ушах — отголосок крика, которого уже не было. Стактиты перестали дрожать, паутина с костями замерла, будто сама пещера задержала дыхание перед чем-то неизбежным.

Издалека, из глубины пещеры, доносился странный, почти гипнотический звук — влажное чавканье и мерный хруст. Рабочие нетопыри пожирали тело своей королевы. Они делали это не хаотично, а с какой-то пугающей системностью: сначала отрывали куски брюха, где была сосредоточена основная энергия осколков, потом переходили к внутренностям, потом — к мышцам. Их глаза — красные, безумные, лишённые всякого разума — светились в темноте, как угли, как звёзды, как маяки смерти.

Они не нападали на отряд. Им было не до людей. Их инстинкты, тысячелетиями отточенные эволюцией в мире, где не было места жалости, приказывали им поглощать энергию матки, чтобы выжить, чтобы вырастить новую королеву, чтобы продолжить цикл. Через день здесь начнётся новая жизнь. А через неделю — новая смерть.

Алекс смотрел на эту вакханалию пожирания и чувствовал, как внутри поднимается тошнота. Не физическая — моральная. Он убивал, чтобы выжить. Они убивали, чтобы родиться заново. В этом ли была разница?

«Мы не такие, — подумал он, но голос внутри — тот, который становился всё громче с каждым новым процентом интеграции, — тут же возразил: «Такие же. Просто у нас есть интерфейс, который рисует зелёные циферки и называет это «опытом». А у них — инстинкты. Но результат один. Смерть».

— Уходим, — сказал он, не оборачиваясь. Голос прозвучал хрипло, надтреснуто, будто он прокричал несколько часов подряд, хотя последний крик сорвался с его губ ещё в бою с Охотниками. — Здесь нам больше нечего делать.

Он повернул голову, осмотрел отряд.

Шрам стоял у входа в гнездо, в узком проходе между двумя сталагмитами, сжимая тесак, и его лицо было бледным, осунувшимся, но глаза — живыми, сосредоточенными. Левый бок под курткой горел огнём — рана открылась снова, кровь текла по ноге, капала на кости, смешивалась с пылью и пеплом, оставляя тёмные, почти чёрные пятна на сером камне. Он потерял много крови. Слишком много. Если они не найдут лекарства в ближайшие часы, Шрам просто рухнет. И, возможно, не встанет.

Но он не жаловался. Он смотрел на нетопырей, следил за каждым их движением, готовый в любой момент принять бой. Даже раненый, даже на пределе, он оставался стеной. Костяной стеной, как Купол. Как брат, которого он потерял. Как все, кто умер, чтобы он мог стоять здесь.

Валет лежал у стены, прислонившись спиной к сталактиту, и его лицо было белым, как мел, как полотно, как лицо мертвеца, который ещё не понял, что мёртв. «Когти Ворона» на его пальцах пульсировали тускло, почти не светились. Артефакт был сыт — он пил кровь Матки, когда Валет пробивал её стигмы, и теперь находился в состоянии покоя, насытившись чужой энергией. Но сам Валет — нет.

Его дыхание было частым, поверхностным, и каждый выдох сопровождался тихим, почти неслышным хрипом. Плечо, где нетопырь-охотник вырвал кусок мышцы, было перевязано жгутом из ремня — туго, до хруста костей, — но повязка промокла насквозь. Кровь больше не текла ручьём, но продолжала сочиться, капля за каплей, и каждая капля была кирпичиком в стене, которая отделяла его от жизни.

Лена сидела рядом, держа его за руку, и её лицо было напряжённым, сосредоточенным, без тени паники. Она научилась не паниковать. Паника в Воронке убивает быстрее, чем когти и зубы. Она сжимала его пальцы, чувствуя, как они холодеют, и молилась — кому-то, чьё имя забыла, чьё лицо стёрлось из памяти. Молитва была её последним оружием. И, возможно, самым слабым.

Глухарь стоял отдельно, в нескольких метрах от остальных, прижав ладонь к чёрной, блестящей стене. Его глаза были закрыты, лицо — спокойно, как у статуи, как у будды, как у человека, который давно принял свою судьбу и больше не борется с ней. Но Алекс видел, как подрагивают его пальцы — тонкие, бледные, с обломанными ногтями. Он слушал вибрации.

Нетопыри-каннибалы не представляли угрозы. Их сердца бились ровно, медленно, в ритме пожирания. Но там, дальше, за стенами гнезда, за слоями камня, бетона и металла, он чувствовал что-то другое. Ровное, тяжёлое, пульсирующее. Не живое — механическое. Или не механическое — нечто среднее, то, что он не мог описать даже жестами.

Он открыл глаза — неестественно светлые, почти белые — и посмотрел на Алекса. Поднял руку. Показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак, потом — резкое движение в сторону, вправо, где стена уходила в темноту.

«Там. За стеной. Не гул. Не шум. Пустота. И движение воздуха. Свежий воздух. С поверхности».

Алекс подошёл ближе, приложил ладонь к чёрному камню. Камень был холодным — холоднее, чем в остальной пещере. Он провёл пальцами по стене, нащупывая трещины, швы, неровности. И нашёл. Узкая, почти незаметная вертикальная щель, заваленная костями и мусором. Щель была шириной не больше двух пальцев, но за ней — пустота.

— Вентиляция, — сказал Шрам, подходя к ним. Он прихрамывал, опираясь на тесак, как на посох, и его лицо искажалось при каждом шаге, но он шёл, не останавливаясь. — За стеной — технические помещения. Старый бункер. Я чувствую запах озона и ржавчины. Там работают генераторы.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лена, не отпуская руки Валета.

— Потому что я был в таком же, — ответил Шрам. — Когда служил у Хана. Бункеры строили по одному проекту. За маточными гнёздами часто прятали аварийные выходы или склады. Матка выбирала это место не случайно. Ей нужно было тепло от генераторов. И защита. Люди боялись соваться в гнёзда. А она боялась людей. Идеальный симбиоз страха.

Алекс подошёл к щели, заглянул внутрь. Фонарик выхватил из темноты кусок пространства — металлическую стену, покрытую слоем пыли и копоти, и ржавую трубу, уходящую вверх, в неизвестность.

— Лена, — сказал он, отступая. — Помоги. Отодвигаем кости. Тихо. Не шумим. Если нетопыри поймут, что мы пытаемся уйти, они могут напасть. Не от голода — от страха. Страх делает их агрессивными. Я видел это в глазах их охотников.

Они работали вчетвером — Алекс, Шрам, Лена и Глухарь. Отодвигали черепа, рёбра, позвонки, которые слежались за десятилетия и превратились в монолитную массу, в единый слой смерти, покрывавший пол пещеры. Кости были старыми — хрупкими, ломкими, почти рассыпавшимися в труху при малейшем прикосновении. Они хрустели под пальцами, поднимали тучи мелкой, едкой пыли, которая забивалась в глаза, в нос, в рот, заставляла кашлять и чихать, и каждый чих был как выстрел в тишине.

Пыль была живой. Она двигалась, кружилась, оседала на одежду, на лица, на руки, смешивалась с потом и кровью, превращая их в серые, безжизненные статуи, медленно движущиеся в темноте.

Валет сидел у стены, сжимая «Когти Ворона», и его глаза были полузакрыты. Он не мог помочь — каждое движение отдавалось болью в плече, в ключице, в рёбрах, которые, возможно, были треснуты. Кровь почти остановилась — жгут держал, — но слабость была такой, что он едва держал голову прямо. Он смотрел на работающих, и его губы шевелились, считая секунды, минуты, часы. Или просто повторяя имя Лайлы, как мантру, как заклинание, которое должно было удержать его в этом мире.

— Держись, — прошептал он. — Держись, Валет. Ещё немного.

Щель расширилась через двадцать минут изматывающей, монотонной работы.

Стало видно, что за стеной — не камень, а металл. Ржавый, покрытый слоем пыли и копоти, но целый, без дыр и трещин. Металлическая дверь, вмурованная в камень, с едва заметным швом по периметру. На двери — табличка, почти стёршаяся, буквы выцвели, но ещё читаемые, если прищуриться и наклонить голову под правильным углом:

ТЕХНИЧЕСКИЙ ЭТАЖ — УРОВЕНЬ -3
ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ЗАДЕРЖАНЫ

— Дверь, — сказал Алекс, вытирая пот с лица. — За ней — бункер. Старый. Настоящий. Не тот, который построил Хан из обломков и страха, а тот, который строили инженеры до Вспышки. Там есть свет. И воздух. И, возможно, лекарства.

— Как откроем? — спросила Лена, глядя на дверь. — Нет ручки. Нет замка. Только шов. И красная лампочка, которая не горит.

— Глухарь, — позвал Алекс.

Немой подошёл, прижал ладонь к металлу. Закрыв глаза. Замер на десять секунд — неподвижно, как статуя, как изваяние, как человек, который превратился в антенну, в сейсмограф, в живой прибор для измерения вибраций.

Потом открыл глаза. Показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к двери, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«За ней — пустота. Вентиляция работает. Чувствую движение воздуха. И запах. Озон. Металл. Пыль. Десять лет пыли».

— Взорвать? — спросил Шрам, поднимая тесак. — Я могу. Если ударить в шов, клинок войдёт. Расширим щель. Потом подденем.

— Нет, — ответил Алекс. — Шум привлечёт нетопырей. И тех, кто может быть внутри. Если внутри есть кто-то живой, он услышит взрыв и спрячется. Или нападёт. Мы не знаем, что там. Хан говорил, что в старых бункерах часто прячутся «Молчаливые». Те, кто не вернулся с разведки. Те, кого Тишина сломала, но не убила.

— А если внутри никого нет?

— Тогда мы взломаем дверь тихо, — Алекс достал метательный нож Валета — тонкий, с узким лезвием, заточенный до бритвенной остроты. Лезвие блеснуло в свете фонарика, отразив его луч тысячами крошечных зайчиков. — Тихо — это наш приоритет. Шум — это смерть.

Он вставил лезвие в шов, нажал. Металл скрипнул — тихо, едва слышно, но в тишине гнезда этот звук показался оглушительным, как крик, как взрыв, как сигнал тревоги. Алекс замер, ожидая, что нетопыри бросятся на звук. Но рабочие не отреагировали. Они продолжали пожирать тушу Матки, не обращая внимания ни на что, кроме еды.

Алекс выдохнул. Воздух вышел со свистом — он не заметил, как задержал дыхание.

Он провёл ножом по периметру двери, прорезая слой окиси и ржавчины, освобождая шов от мусора. Лезвие скрежетало, высекало искры, но дверь поддавалась. Миллиметр за миллиметром, сантиметр за сантиметром.

Через десять минут дверь дрогнула.

Изнутри потянуло воздухом — холодным, сухим, почти стерильным, пахнущим озоном, старым железом и машинным маслом. Воздух был таким, каким пахнет в помещении, которое долго было запечатано, но где продолжают работать машины — ровные, монотонные, без запаха гниения, без сладковатого привкуса смерти.

Шрам поддел край двери тесаком, нажал. Дверь открылась — медленно, с протяжным, леденящим душу скрипом, который разнёсся по пещере, многократно усиленный каменными стенами, отразился от сталактитов, вернулся эхом, ударил снова.

Алекс замер, сжимая «Рассекатель». Готовый к бою. Готовый к смерти.

Но нетопыри не отреагировали.

Они продолжали пожирать тушу Матки, не обращая внимания ни на что.

За дверью была темнота.

Глубокая, плотная, почти осязаемая — такая, какой не бывает на поверхности, даже в самую безлунную ночь. Такая, какая бывает только глубоко под землёй, где свет не рождался никогда.

Алекс включил фонарик. Луч света — бледный, почти бессильный — выхватил из темноты кусок пространства: металлический коридор, стены из рифлёной стали, пол с противоскользящим покрытием. В конце коридора, метрах в тридцати, тускло горела зелёная лампочка — аварийное освещение, питающееся от резервных аккумуляторов.

— Заходим, — сказал Алекс. — Шрам, ты первый. Глухарь — за ним. Лена, помогай Валету. Я замыкаю. Не рассредоточиваться. Если увидите движение — кричите. Не геройствуйте.

Они вошли в бункер.

Часть вторая. Бункер неизвестного

2

Коридор был узким — метра полтора в ширину, не больше. Потолок нависал над головой, как бетонная плита, заставляя инстинктивно пригнуться, хотя до него было ещё сантиметров тридцать. Стены — из рифлёной стали, с заклёпками и сварными швами, покрытые слоем пыли и копоти, которая осыпалась при малейшем прикосновении. Пол — металлический, с противоскользящим покрытием, идеально ровный, без трещин и выбоин. Казалось, по нему никогда не ходили. Или ходили, но очень аккуратно.

Воздух был холодным — градусов десять, не больше, — и сухим, почти обжигающим горло. Он пах озоном, машинным маслом и чем-то ещё, неуловимым, знакомым, но забытым. Запахом техники, которая работала десятилетиями без остановки, без ремонта, без человеческого присутствия.

Где-то в глубине бункера гудели генераторы — низко, басовито, с ровным, пульсирующим ритмом, похожим на сердцебиение гигантского механического зверя. Гул чувствовался не ушами, а всем телом — вибрации передавались через пол, через стены, через воздух, заставляли зубы мелко дребезжать, а кости — ныть.

Шрам шёл первым, сжимая тесак. Его шаги были тяжёлыми, уверенными, и эхо разносилось по коридору, отражаясь от металлических стен, возвращаясь искажённым, многократно усиленным. Он выглядел как призрак в этом стерильном мире — грязный, окровавленный, с перевязанным боком и тесаком, на котором запеклась чёрная кровь.

Он остановился у первой развилки, поднял руку — «стой».

Отряд замер. Лена зажала рот рукой, чтобы не дышать слишком громко. Валет прислонился к стене, его лицо было бледным, но глаза — живыми, осмысленными. Глухарь прижал ладонь к металлу, закрыл глаза, слушая вибрации.

Налево — широкий проход с табличкой «ЖИЛОЙ МОДУЛЬ — УРОВЕНЬ -3». Табличка была пластиковой, белой, с чёрными буквами, почти не выцветшими. Кто-то заботился о том, чтобы надписи оставались читаемыми.

Направо — узкий коридор, уходящий вниз, с крутой лестницей и табличкой «ТЕХНИЧЕСКИЙ ЭТАЖ — УРОВЕНЬ -4. ОПАСНО. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ».

Прямо — двойные металлические двери, герметичные, запечатанные красной лентой с надписью «МЕДОТСЕК. БИОЗАРАЖЕНИЕ. НЕ ВХОДИТЬ». Над дверью мигала красная лампочка — тускло, с перебоями, но мигала. Питание было.

— Медотсек, — сказала Лена, показывая на двери. В её голосе впервые за долгое время прозвучала надежда. Чистая, незамутнённая, почти детская. — Там могут быть лекарства. Для Валета. Для Шрама. Для Толи. Для всех.

— Запечатан, — ответил Шрам, подходя к дверям. Провёл пальцем по красной ленте — она была старой, ломкой, крошилась в руках. — Герметично. Датчики не горят. Питание отключено. Только аварийная лампочка.

— Тогда идём в жилой модуль, — сказал Алекс. — Там могут быть ключи. Коды. Карты. Информация. Кто-то жил здесь до нас. Возможно, этот кто-то оставил записи.

Они повернули налево.

3

Жилой модуль был небольшим — метров сорок в длину, двадцать в ширину, с высоким потолком и рядом дверей по обе стороны коридора. Стены — бетонные, покрытые краской, которая когда-то была белой, а теперь стала серо-жёлтой от времени, от сырости, от пыли, которая оседала здесь годами. Пол — кафельный, с трещинами и выбоинами, кое-где плитки отсутствовали, обнажая чёрный, шершавый бетон.

В дальнем конце коридора виднелась общая комната: диваны, столы, кресла, книжные полки, заставленные книгами и журналами. На стенах — плакаты с изображениями далёких галактик, схемы атомных реакторов, портреты учёных в белых халатах.

Алекс остановился у входа, осматриваясь. В жилом модуле не было хаоса, который он привык видеть в Воронке. Не было перевёрнутой мебели, разбитых окон, пятен крови на стенах. Всё было аккуратно, почти стерильно. Как будто люди ушли сами. Или их забрали. Или они просто исчезли.

— Здесь кто-то жил, — сказал Шрам, заходя в первую комнату. — Долго. Системно. Я чувствую порядок.

Он открыл дверь, заглянул внутрь. Койка, застеленная выцветшим, но аккуратно сложенным бельём. Тумбочка с пустой кружкой и старой, пожелтевшей газетой. На стене — фотография: женщина с ребёнком на руках, улыбающаяся, и мужчина в военной форме, обнимающий их за плечи. Под фотографией — подпись, выведенная каллиграфическим почерком: «Жди меня, папа. Я вернусь. Мы все вернёмся».

— Не вернулись, — сказал Шрам, снимая фотографию со стены. Провёл пальцем по стеклу — под слоем пыли проступили лица, застывшие в вечном счастье. — Как и многие.

Они осмотрели ещё несколько комнат. Везде было одинаково: пустота, пыль, фотографии, книги, газеты. Никаких записей, никаких карт, никаких ключей. Только жизнь, которая когда-то была, и смерть, которая забрала её, оставив после себя лишь эхо в виде пожелтевших страниц и выцветших снимков.

В центральной комнате, за общим столом, лежал блокнот. Старый, кожаный, с потёртой, почти стёртой обложкой, на которой когда-то было вытиснено золотом имя владельца. Теперь имя можно было прочесть только под определённым углом, напрягая зрение.

Алекс открыл блокнот. Страницы были исписаны мелким, аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Дневник. Без дат, без циклов — только мысли, наблюдения, страхи.

«Генераторы работают стабильно. Доктор Эванс говорит, что Вспышка идёт на спад. Я ему не верю. Я видел, что творится на поверхности через камеры. Там нет жизни. Только пепел. И монстры. И тьма. Мы никогда не выйдем. Мы умрём здесь. В бетоне. В стали. В одиночестве».

«Криокамеры заполнены. Доктор Эванс лёг в первую. Сказал, что проснётся через год и увидит новый мир. Я не лягу. Я буду смотреть. Я буду помнить. Я буду Архивариусом этого места. Хранителем знаний. Пока хватит сил».

— Летописец, — прочитал Алекс вслух. — Он называл себя Летописцем. Это не имя. Это должность.

Шрам подошёл, заглянул через плечо. Его единственный глаз сузился, бровь поползла вверх.

— Хранитель, — сказал он. — Я слышал о таких. В старых бункерах, до Вспышки, были люди, которые записывали всё, что происходило. В бумагу. Не в компьютеры. Чтобы информация не пропала, если отключат электричество. Они называли себя Летописцами.

— Может быть, он жив, — сказала Лена. — Может быть, он здесь, в бункере. Спрятался. Ждёт.

— Или умер, — ответил Алекс, закрывая дневник. — Или стал монстром. Или сбежал на поверхность и погиб там.

— Или ждёт вас, — сказал голос из темноты.

Часть третья. Хранитель

4

Алекс обернулся, активируя «Чувство опасности».

Мир замедлился. Стал вязким, как патока, как смола, как время в предсмертном сне. Каждая пылинка в воздухе стала видна, каждое движение — просчитано.

В дверях общей комнаты стоял человек.

Он был невысоким — чуть ниже Алекса, — с худым, почти аскетичным телом, которое пряталось под длинным чёрным плащом, похожим на рясу монаха или на траурный балахон. Плащ был старым, потёртым, кое-где заштопанным грубыми нитками, но чистым. Здесь, в бункере, были вода и мыло. Кто-то заботился о гигиене. Кто-то не превратился в зверя.

Лицо — узкое, с острыми скулами и глубоко посаженными глазами, которые поблёскивали в темноте, как у смотрящего, но без их пугающей пустоты. Кожа была бледной, почти

прозрачной, с синеватыми прожилками вен на висках, со следами старых, давно заживших ожогов на шее и кистях рук.

Он был брит налысо, и на его голове, чуть выше лба, виднелся шрам — старый, белый, похожий на след от трепанации черепа. Операция, сделанная давно, возможно, ещё до Вспышки.

Глаза — серые, почти прозрачные, с красными прожилками от напряжения и недосыпа, с мелкими чёрными точками в радужке — осколки, прорастающие в глаза, как у Алекса. Они смотрели на него с усталым, вековым любопытством — как смотрит учёный на образец, который наконец-то получил после долгих лет ожидания.

В руках человек держал посох — длинную металлическую трубу, обмотанную тряпками, с заострённым наконечником из нержавеющей стали, отполированным до зеркального блеска. Наконечник был чистым — кто-то заботился об этом оружии, чистил его, точил, смазывал, хотя, судя по бледному лицу и худым, дрожащим рукам, человек не был бойцом. Посох был нужен ему скорее для опоры, чем для защиты.

Интерфейс Алекса ожил, подсвечивая человека золотистым — цветом, который означал «нейтральный», «союзник», «не враг».

\\

Летописец. Уровень: 6. Ранг: Охотник (не боевой)

ОЗ: 80/80. ОВ: 60/60

Особенности:

«Хранитель знаний» — помнит всё, что когда-либо видел или читал. Фотографическая память, усиленная системой.

«Фантомные боли» — старая травма позвоночника (перелом поясничного отдела), ограничивает подвижность, вызывает хронические боли.

«Анализ техники» — видит уязвимости машин, механизмов, электроники, электрических цепей.

«Изоляция» — десятилетие без социальных контактов привело к потере некоторых коммуникативных навыков. Речь суха, эмоции подавлены.

Боевая ценность: низкая. Тактическая ценность: высокая.

Примечание: не агрессивен, крайне опасен информационно. Обладает доступом ко всем системам бункера.

История: сотрудник бункера «Север-7», уровень 2 во время Вспышки (технический специалист), повышен до 6 за годы выживания. Отказался от криоконсервации.

\\

— Вы пришли, — сказал Летописец. Голос был тихим, спокойным, почти безжизненным — как у человека, который разучился удивляться, который видел слишком много смертей, чтобы бояться ещё одной. — Я ждал вас. Точнее, я ждал того, кто откроет дверь в гнездо. Кто убьёт Матку. Кто войдёт в бункер. Вы пришли. С опозданием на три года, но пришли.

— Откуда ты знал, что мы придём? — спросил Шрам, поднимая тесак. Он не угрожал — просто держал оружие наготове, показывая, что готов к любой неожиданности. В его единственном глазу читалось недоверие. Чистое, незамутнённое, выжженное годами предательства.

— Я не знал, — Летописец покачал головой. Движение было медленным, осторожным — позвонки хрустнули, и он поморщился от боли. — Я надеялся. Это разные вещи. Надежда — это не знание. Надежда — это желание. А желание не имеет доказательств. Оно иррационально. Как вера. Как любовь. Как всё, что делает нас людьми.

Он шагнул в комнату, опираясь на посох. Каждое движение давалось ему с трудом — ноги не слушались, спина болела, пальцы дрожали. Он сел на стул, стоявший у стены, положил посох на колени. Посмотрел на Алекса — долгим, изучающим взглядом, сканирующим, почти рентгеновским.

— Ты — Алекс, — сказал он. — Убийца Хана. Убийца Вожака. Убийца Матки нетопырей. Лидер клана «Нулевые». У тебя уровень 11, ранг Гладиатор. Интеграция — 45 процентов. У тебя есть осколок Хана и ещё несколько малых осколков. Ты ищешь выход на поверхность. Ты хочешь спасти своих людей. Ты боишься, что станешь монстром раньше, чем выйдешь на свет. Ты прав. Ты станешь. Если не примешь меры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.